ISSN 2541-9056

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

научный журнал

scholarly journal

HUMANITIES RESEARCHES OF THE CENTRAL RUSSIA

№ 2 (11), 2019

ISSN 2541-9056

9 772541 905007 >

Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 2 (11), 2019

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-74882 от 21 января 2019 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.
Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University"
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:
42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.
Publication frequency: quarterly.

e-mail: gicr-lspu@yandex.ru
http://hum-research.com

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2019

16 +

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

07.00.00 Исторические науки и археология
13.00.00 Педагогические науки
22.00.00 Социологические науки

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

07.00.00 Historical sciences
13.00.00 Pedagogical sciences
22.00.00 Sociological sciences

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews'copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations.

The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations.

Редакционный совет

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, проректор по научной работе ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Гречушкина Наталия Валерьевна, ответственный секретарь, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Федина Нина Владимировна, и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Mikhail V. Boguslavskiy, editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of management, provost, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Natalia V. Grechushkina, executive editor, associate professor of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia).

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORRKON AB" (Lulea, Sweden).

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS) (Moscow, Russia).

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), Rector of Voronezh Economics and Social Management Institute, professor (Voronezh, Russia).

Svetlana A. Skvortsova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, chair of mathematics and teaching methods, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine).

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

Редакционная коллегия

Акульшин Петр Владимирович, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований, доктор исторических наук (г. Рязань, Россия) SPIN-код: 8089-8188, AuthorID: 658500

Буховец Олег Григорьевич, профессор Белорусского государственного экономического университета, Института Европы РАН, кафедры политологии, доктор исторических наук (г. Минск, Белоруссия) SPIN-код: 6591-4001, AuthorID: 250046

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующая кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАЕ (г. Тобольск, Россия).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Климов Владимир Игоревич, заведующий кафедрой музыкального образования ЕГУ имени И.А. Бунина, кандидат педагогических наук (г. Елец, Россия) SPIN-код: 4625-3198, AuthorID: 707018

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующая отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Мауль Виктор Яковлевич, профессор Тюменского индустриального университета, Нижневартовского филиала, доктор исторических наук, (г. Нижневартовск, Россия) SPIN-код: 3232-3483, AuthorID: 190241

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Романенко Сергей Александрович, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, историко-архивного института, отделения международных отношений и зарубежного регионоведения, Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (г. Москва, Россия) SPIN-код: 4151-8910, AuthorID: 502310

Рослякова Надежда Ивановна, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Рюдигер Хартмут Петер, PhD Университет Мартина Лютера (Халле, ФРГ)

Сорокина Лючия Игоревна, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ и мени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат философских наук (г. Липецк, Россия)

Стрелец Михаил Васильевич, профессор кафедры социально-политических и исторических наук, Брестского государственного технического университета, доктор исторических наук (г. Брест, Белоруссия) SPIN-код: 9395-8022, AuthorID: 508431

Фомин Вячеслав Васильевич, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Хавкин Борис Львович, профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (г. Москва, Россия) SPIN-код: 6830-2158, AuthorID: 708640

Хитов Митко Михайлов, доктор экономики Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Эльфонд Ирина Яковлевна, профессор Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., Института урбанистики, архитектуры и строительства, доктор исторических наук (г. Саратов, Россия) SPIN-код: 7226-2920, AuthorID: 153283

Editorial board

Peter V. Akulshin, Dr. Sci (History), professor Ryazan State University S.A. Esenin (Ryazan, Russia)

Oleg G. Buhovec, Dr. Sci (History), professor Belorussian State Economic University (Minsk, Russia)

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia).

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of preschool and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of chemistry and chemical technology chair, Tyumen industrial University (branch in Tobolsk), corresponding member of RANH (Tobolsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Vladimir I. Klimov, Ph.D. (Pedagogy), Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of pre-professional education Department, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia).

Victor Ya. Maul, Dr. Sci (History), Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russia)

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University (Odintsovo, Russia).

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Sergey A. Romanenko, Dr. Sci (History), professor Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of preschool pedagogy and psychology chair, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Hartmut Peter Rudiger, PhD Martin Luther University (Halle, Germany)

Ljuchiya I. Sorokina - Ph.D. (Philosophy), docent, Chair of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia)

Mikhail V. Strelets, Dr. Sci (History), professor, Brest State Technical University (Brest, Belarus)

Vyacheslav V. Fomin, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Boris L. Havkin, Dr. Sci (History), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Mitko M. Hitov, Dr. Sci (Economy), University of national and world economy (Sofia, Bulgaria)

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Irina Ya. Elfond, Dr. Sci (History), professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russia)

Содержание

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Долгих А.Н.
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II, «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА ……7
Лубков А.В.
ЛИЧНОСТИ И ИДЕИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ….16

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Богуславский М.В., Богуславская Т.Н., Косовцов Н.Е.
РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И МЕТОДИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В XVIII-XIX ВВ……24
Власов Д.А.
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ СРЕДСТВО WOLFRAMALPHA В ОБУЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТАМ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА ……34
Кузнецова Е.В., Фомина Т.П.
ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ СТУДЕНТАМИ СВОИХ ЗНАНИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА»……46
Доммарко Мария Кьяра
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДОНА ДЖОВАННИ БОСКО……52

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Гамурак А.В.
НОВЫЙ ФОРМАТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОУЧАСТВУЮЩЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ……58
Землянская А.В., Шмарион Ю.В.
СИСТЕМА ДВУХКОНТУРНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СРЕДЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ ……65
Образцова Е.В.
СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ СССР НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАК ФАКТОР ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ……76

ДИСКУССИЯ

Корольков А.И.
СЛОВЕНЕ КАК ЭТНОС И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП ……83

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……100

PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Dolgikh A.N.
EMPRESS CATHERINE II OF RUSSIA, «ENLIGHTENED ABSOLUTISM» AND THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY ……7
Lubkov A.V.
PERSONALITY AND IDEAS IN TIME AND SPACE ……16

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN PEDAGOGY

Boguslavskiy M.V., Boguslavskaya T.N., Kosovsov N.I.
DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL TRADITIONS AND TECHNIQUES OF RUSSIAN CLASSICAL VOCAL SCHOOL FORMATION IN 18TH -19TH CENTURIES ……24
Vlasov D.A.
WOLFRAMALPHA TOOL IN TEACHING ELEMENTS OF PROBABILITY THEORY TO STUDENTS, SEEKING BACHELOR DEGREE IN ECONOMICS ……34
Kuznetsova E.V., Fomina T.P.
THE RESEARCH OF STUDENTS' SELFASSESSMENT OF THEIR KNOWLEDGE IN THE SUBJECT "THEORY OF PROBABILITY AND MATHEMATICAL STATISTICS»……46
Dommarco Maria Chiara
DON GIOVANNI BOSCO METHOD OF EDUCATION……52

CONTEMPORARY ISSUES OF SOCIOLOGY

Gamurak A.V.
NEW FORMAT OF PUBLIC SPACES THROUGH THE PRISM OF PARTICIPATORY DESIGN ……58
Zemlyanskaya A.V., Shmarion Yu.V.
THE DUAL SOCIAL SYSTEM OF INFORMATION SECURITY MANAGEMENT OF YOUNGER STUDENTS IN THE ENVIRONMENT OF MASS CULTURE ……65
Obraztsova E.V.
THE HEALTH CONDITION OF THE FORMER GERMAN PRISONERS OF WAR (POWS) AS THE ESSENTIAL FACTOR OF THEIR RESOCIALIZATION ……76

DISCUSSION

Korolkov A.I.
THE SLAVS AS AN ETHNIC GROUP AND AS A HISTORICAL-CULTURL TYPE ……83

INFORMATION ABOUT AUTHORS……101

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 947.07

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II, «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

А.Н. Долгих

Статья посвящена недостаточно проясненным в современной историографии вопросам о сути политики так называемого «просвещенного абсолютизма», в особенности применительно к России второй половины XVIII столетия и правлению императрицы Екатерины II, а также о соотношении основных ее проявлений с состоянием «крестьянского вопроса» в ту эпоху. Автор приходит к выводу о недостаточно последовательном проведении властями страны в данный период политики «просвещенного абсолютизма», обусловленном рядом объективных и субъективных обстоятельств, в том числе неготовностью общества к радикальным изменениям в сфере крепостного права.

Ключевые слова: просвещенный абсолютизм, крестьянский вопрос, крепостное право, Екатерина II, внутренняя политика.

EMPRESS CATHERINE II OF RUSSIA, «ENLIGHTENED ABSOLUTISM» AND THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

A.N. Dolgikh

The article is devoted to issues, which are covered quite insufficiently in modern historiography. These issues concern the essence of the policy of the so-called «enlightened absolutism», especially in relation to Russia in the second half of the 18th century and the rein of Empress Catherine II, as well as the correlation of its main manifestations with the state of the «peasant question» in that era. The author comes to the conclusion that the authorities of the country implemented the policy of «enlightened absolutism" not consistently enough in that period due to a number of objective and subjective circumstances. One of which is that the society of that time was not ready for radical changes in the sphere of serfdom.

Key words: enlightened absolutism, peasant question, serfdom, Catherine II, domestic policy.

Императрица Екатерина II, как известно, во внутренней политике проводила в целом идеи «просвещенного абсолютизма». Обычно под этим термином понимается «особая политика ряда европейских абсолютистских государств 40-х–80-х годов XVIII в., внешне получившая форму следования идеям Просвещения и выражавшаяся в проведении реформ, уничтожавших некоторые устаревшие феодальные институты, а иногда делавших шаги в сторону буржуазного

развития». При этом среди преобразований в рамках этой политики в ряде европейских стран важное место занимали крестьянские реформы. В отношении же российского варианта «просвещенного абсолютизма» историки используют этот термин применительно к разным эпохам: ко времени правления Петра I, царствованию Елизаветы Петровны, ко времени Петра III и Екатерины II, к правлению Александра I и даже к отдельным явлениям царствования Николая I. Эта разноголосица, особенно в советской и постсоветской историографии, восходит во многом к неопределенным оценкам, данным В.И. Лениным, в свое время говорившем применительно к XVIII в. об «отдельных периодах» «просвещенного абсолютизма» без точного указания лет.

Вообще говоря, само это понятие нам представляется достаточно неопределенным [6, с. 24-28]. Весьма расплывчаты его критерии даже для Европы (проведение ряда преобразований «сверху» в странах слабого развития капитализма – Испании, Португалии, Дании, Швеции, Австрийской монархии, Пруссии – уничтожении некоторых сословных привилегий и феодальных монополий, разного рода крестьянские реформы, секуляризационные реформы в церкви, шаги в сторону веротерпимости, развитие светского образования, суда и судопроизводства, смягчение цензуры) [17, с. 346; 20, с. 49; 26, с. 3-4; 29, стб. 635-636], а применительно к России непроясненным представляется даже само присутствие его элементов. Полагаем, что можно говорить о подобной политике лишь тогда, когда правители страны, инициируя определенные преобразования, мотивировали их, используя элементы просветительской фразеологии, а также при проведении ряда крупных социальных реформ, в частности, в России в отношении крепостных (чего реально не было, например, при той же Екатерине II, в отношении времени которой этот термин чаще всего и используется).

По мнению авторов одного современного исследования, «отечественный исторический опыт охарактеризовать не всегда просто, особенно если речь идет о периодах, когда Россия начала осваивать достижения европейской культуры… Можно, к примеру, использовать по отношению к эпохе Петра I термин "абсолютизм", а по отношению к временам Екатерины II термин "просвещенный абсолютизм"… Но при этом за скобки оказывается вынесенным то, что при европейском абсолютизме, просвещенном и не очень, развивались капитализм и буржуазия, а при отечественном этого не происходило» [1, с. 191]. Тем не менее, в определенной степени эта политика была, действительно, связана в России с крестьянским вопросом. Как указывал исследователь В.А. Писемский, основной идеей этой политики в ту пору «было не освобождение крестьян, а лишь законодательное регулирование их отношений к помещикам». По его словам, в середине 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. впервые предлагается идея «полного, но безземельного освобождения крестьян» [23, с. 42-43].

Екатерина II, как писал ее современник А.М. Тургенев, твердила окружавшим ее царедворцам: «Я в душе республиканка… Но для блага народа русского абсолютная власть необходима. Вы видели на опыте, что сделал

народ во время бунта Пугачева». При анализе отношения мыслящей публики к политике Екатерины II в крестьянском вопросе следует иметь в виду и степень готовности общества к переменам в данной сфере. Вот что сама императрица писала об этом в свое время: «Я думаю, что не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди…. А в 1750 году… мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства…» [10, с. 210; 11, с. 175].

Специфика отношения потомков к екатерининской эпохе выглядит так: чем дальше уходила она в историю, тем более позитивно к ней относилась мыслящая часть общества. Не будем подробно говорить о современниках, так как настоящего серьезного анализа этой политики они не могли сделать по определению, а лишь восхваляли императрицу, исключая тех, кто «писали в стол», вроде князя М.М. Щербатова. Но уже после нескольких лет павловской тирании хор дворянских голосов (за небольшим исключением), в целом, стал петь ей «осанну» за многие достижения ее и во внешней, и во внутренней политике, особенно на фоне уничтожающей (за небольшими исключениями) критики павловского правления. Вспомним здесь формулу Н.С. Мордвинова: «Екатерина Великая имела пословицей: все можно, только осторожно». По словам П.А. Вяземского, «она любила реформы, но постепенные; преобразования, но не крутые» [4, с. 348; 8, с. 60; 9, с. 60-61; 15, с. 205, 232, 241, 248, 255, 289, 291, 343; 16, с. 78-79, 179-180; 22, с. 79, 87, 88, 92, 94;].

Тем не менее, в позднейшей историографии общим местом стало утверждение, что, несмотря на наличие в ее правление словесной риторики по поводу грядущей эмансипации, реальная практика ее законодательства выглядит как вполне крепостническая, о чем писали И.Д. Беляев, В.И. Семевский и М.Ф. Владимирский-Буданов [1, с. 197; 2, с. 390, 402; 3, с. 286; 27, с. 11, 224-225]. А в одном современном исследовании даже утверждается (со ссылкой на мнение «большинства историков»), что именно она завершила «закрепощение крестьян в России», и приводится в качестве примера ее указ 1765 г. о ссылке крестьян на каторгу по воле помещиков [1, с. 197]. В работах более позднего времени обратим внимание на трактовку ее царствования, как «либерального» в работах В.В. Леонтовича и А.Б. Каменского, одновременно указывавших на усиление крепостничества в ее эпоху [14, с. 352, 468; 18, с. 1, 27, 36]. О «псевдолиберальной политике» и «показном либерализме» Екатерины II писал в свое время Н.П. Ерошкин [5, с. 19, 24; 7, с. 98]. Об «авторитарно-либеральном идеале» пишут сегодня ряд современных исследователей, указывая на то, что он наталкивался на сопротивление сословия, бывшего главной опорой трона [1, с. 190, 197]. Нам же представляется более верным говорить лишь о недостаточно последовательной политике «просвещенного абсолютизма» применительно к этой эпохе.

По мнению испанской исследовательницы И. де Мадариаги, «не страх перед дворянством мешал Екатерине заняться болезненной проблемой крепостничества. Скорее, она не делала

этого из уверенности, особенно окрепшей после восстания Пугачева, что еще не время решать вопрос, от которого напрямую зависит спокойствие в обществе, состояние финансов и вооруженных сил страны… Но Екатерина никогда не упускала возможности ограничить круг тех, кто имел право владеть людьми, пресечь каналы закрепощения, обезопасить от него уже освобожденных». А английский историк Дж. Хоскинг отмечал, что, с одной стороны, реформы Екатерины стали первым шагом на пути зарождения и развития гражданских отношений и институтов в России, но, с другой, углубили разрыв между дворянством и крестьянами и внесли свой значительный вклад в консервацию сложившихся ранее архаичных социально-экономических отношений в русской деревне [10, с. 930-931; 30, с. 218].

Применительно ко времени Екатерины существует в историографии следующая дилемма: либо ее царствование определяли как «апогей крепостничества», как считали большинство историков, либо с нее начинают линию на эмансипацию крестьянства (косвенно этой позиции придерживался В.И. Неупокоев, считавший периодом «наибольшего развития крепостничества» первую половину XVIII в.). В то же время в историографии признается, что крестьянский вопрос встал на повестку дня в ее эпоху, в особенности в связи с завершением «эмансипации» дворянства в Жалованной грамоте 1785 г., которая завершила процесс высвобождения дворянства из жестких оков средневекового государства. Вместе с тем большинство историков не склонны говорить о повороте к эмансипации крестьянства в политике самодержавия в данную эпоху [13, с. 280-281; 21, с. 259; 24, с. 21; 25, с. 499; 28, стб. 73, 138].

Со своей стороны заметим, что существующая критика в отношении политики Екатерины II и ее несоответствия принципам «просвещенного абсолютизма» связана, как правило, с моральной стороной дела и ее личностью. Вообще говоря, по мнению литературоведа М.В. Иванова, «если просветители считали обязательным для просвещенного государя управлять на основе разума, гуманности и нравственности, то сейчас ясно: социальная демагогия была необходимой частью новой политики, которую осуществляла Екатерина II; расхождение слова и дела было неизбежным», но ее современники смотрели на это явление иначе, и реальные дела «русской просвещенной монархини серьезно подорвали веру в самый принцип просвещенного монарха», причем «не только у просветителей типа Фонвизина». Очевидно, что первый тезис М.В. Иванова приемлем и многое оправдывает в политике Екатерины, указывая на невозможность реализовать все обещанное, например, в «Наказе» и на словах, в реальной законодательной практике (да и «общество» к этому было не готово); с другой стороны, именно моральные аспекты поведения императрицы и были предметом критики со стороны просветителей и вообще приличных людей того времени. Заметим, что подобное восприятие «слова и дела» Екатерины во многом сохранилось и сегодня. Типичным здесь может служить мнение довольно консервативного советского историка Н.П. Ерошкина, писавшего о ее «ханжестве и неис-

кренности» [7, с. 99; 12, с. 83-84]. Вместе с тем мы не согласны с предвзятой оценкой политики императрицы в стране, например, после начала Французской революции: это были точечные репрессии, не коснувшиеся сути всей политики, особенно в сравнении с павловской контрперестройкой.

С нашей точки зрения, в сущности, что бы мы ни понимали под «просвещенным абсолютизмом», эту политику, как всегда в России, начала государственная власть в лице императрицы Екатерины, хотя подходы к ней в той или иной степени были намечены при Петре III (сюда отнесем Манифест о вольности дворянства, ликвидацию Тайной канцелярии и запрет покупки людей к заводам вне зависимости от причин издания тех или иных актов в это краткое царствование). При этом мотивы ее ведения при императрице Екатерине (при сложности самого определения ее сути) имели и внутриполитический (попытку укрепления своей власти, по сути, нелегитимной), и внешнеполитический характер, рассчитанный на улучшение европейского «имиджа» у «философов». До Екатерины II осознанной социальной политики практически не было, тем более не было тогда фразеологии и теории, объясняющей ее.

Именно заявления императрицы, особенно в «Наказе», и позднейшее некоторое их несоответствие некоторым «жестким» правительственным актам, связанное и с трезвым ее взглядом, и своеобразным лицемерием, вызывали (чем дальше, тем больше) недовольство у некоторых высоконравственных современников, например, у части масонов круга Н.И. Новикова и др. При этом Екатерина сама «развязала языки» им, дав некоторую возможность обсуждать дела страны в Уложенной комиссии, в относительно свободной прессе и др., за что потом, как водится, и поплатилась. Практическая реализация некоторых мер, в теории намеченных в начале царствования, была либо невозможна (пресечение воровства и произвола начальствующих лиц или в судах, недопущение несправедливой системы продвижения по службе «случайных людей»), так как существовала издавна и во многом порождалась сложившейся традицией и отсутствием народовластия, хотя фаворитизм, пусть это было и не новым явлением в политической жизни России, но изрядно развившийся при Екатерине (особенно под старость ее), конечно, все это усугублял, что отмечалось мыслящими и часто обиженными этим современниками.

Особенно надо сказать о том, что проведение каких бы то ни было реформ в отношении владельческих крестьян в ту пору было невозможно (и не только из-за «пугачевщины» и связанного с нею «отката» от преобразований). Обычно в этой связи вспоминают указы 1760-х гг. о ссылке крепостных на каторгу по воле помещиков и запрете их жалоб на своих владельцев. С нашей точки зрения, те, кого они касались, мало об этом знали; крестьяне и так уже со времен податной реформы Петра I превратились в «крещеную собственность», если не сказать больше, а права помещиков на них были практически безграничны и без новых мер, которым часто придают гипертрофированное значение, в основном, из-за неприязни к Екатерине II (чаще всего по вышеуказанным мотивам) и элементарного нежелания обвинить

Петра I (имя которого давно превратилось в национальную легенду) в оформлении именно в его царствование фактического «рабства» в России.

Да к тому же в тогдашнем «обществе» (что бы под этим термином ни понимали) еще не сложилось убеждение в необходимости отмены крепостного права, оно было к этому не готово: весь спектр общественной мысли правящего сословия выступал лишь за ликвидацию крайностей крепостничества (в духе идей фонвизинского «Недоросля»). Все они с радостью принимали от государственной власти пожалования имений государственных крестьян в качестве награды, не отказываясь от них (как, например, тот же Д.И. Фонвизин) [6, с. 152-200, 246]. По словам современных авторов, «авторитарно-либеральный идеал Екатерины» наталкивался на ожесточенное сопротивление правящего дворянского сословия, бывшего главной опорой трона, особенно в отношении каких-либо радикальных реформ в данной сфере [1, с. 190, 197].

Итак, применительно к соотношению в данную эпоху преобразований в сфере крепостного права и проведения политики «просвещенного абсолютизма» наша позиция выглядит следующим образом. С одной стороны, по нашему мнению, отказываться от распространения терминологии «политика просвещенного абсолютизма» на Россию екатерининского времени. Но по ряду причин именно эта составляющая в подобной политике в ряде европейских стран (например, Пруссии, Австрии, Дании и др.) гораздо хуже была представлена в России, в которой по ряду объективных и субъективных причин сама «политика просвещенного абсолютизма» проводилась недостаточно последовательно (что, вообще говоря, было характерно для Екатерины II, выбиравшей в идеях европейского Просвещения то, что ей было выгодно, что проявилось и в других сферах политики и идеологии ее царствования, например в известном «Наказе» и др.).

С другой стороны, мы отказываемся согласиться с мнением определенной части историографии о «сворачивании» «политики просвещенного абсолютизма» после пугачевского восстания (так как все же главными мерами здесь останутся Жалованные грамоты 1785 г.) и даже после начала Французской революции, так как некоторые репрессивные акты коснулись лишь ряда лиц: масонов (из-за их поддержки Павла), Радищева (из-за его книги) и др., оставив в неприкосновенности уже проведенные в стране реформы. Иное дело, что их продолжения в ее царствование уже не последовало (тем более в сфере крестьянского вопроса). Что же касается более позднего времени, то проведение сходной со временем Екатерины II внутренней политики, особенно при Александре I (частично и при Николае I), будет связано либо с простым «переживанием» прошлого, либо уже с новым идеологическим направлением, иногда именуемым «легитимизмом».

Список литературы

1. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – 2-е изд.. испр. и доп. – М.: Новое издательство, 2008. – 464 с.

2. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И.Д. Беляев / Вступ. ст., примеч. Е.Н. Вакулиной. – М.: ГПИБ, 2002. – 419 с.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Наука, 1995. – 640 с.
4. Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П.А. Вяземский / Сост. Н.Г. Охотина; вступ. ст. и примеч. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. – М.: Правда, 1988. – 479 с.
5. Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / В.Я. Гросул, Г.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.
6. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный…»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т. / А.Н. Долгих. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – Т. 1. – 354 с.
7. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н.П. Ерошкин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
8. Записки А.М. Тургенева // Русская старина. –1885. – Т. 48. – № 10. – С. 55-82.
9. Записки А.М. Тургенева // Русская старина. – 1886. – Т. 49. – № 1. – С. 39-62.
10. Записки А.М. Тургенева // Русская старина. – 1889. – Т. 61. – № 2. – С. 209-230.
11. Записки императрицы Екатерины Второй. – М.: Наука, 1990. – 280 с.
12. Иванов М.В. Державин и Новиков // XVIII век: сборник 11 / М.В. Иванов// Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени /АН СССР (Пушкинский Дом); под ред. Г.П. Макогоненко. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. –С. 77-86.
13. История России IX–XXI вв. от Рюрика до Путина: учебное пособие / Отв. ред. Я.А. Перехов. – Изд. 2-е, доп. и пер. – М.: Высшая школа, 2003. – 672 с.
14. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 1999. – 576 с.
15. Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть: сборник документов: В 2 т. / Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А.Н. Долгих. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – Т. 1. – 364 с.
16. Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть: сборник документов: В 2 т. / Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А.Н. Долгих. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – Т. 2. – 322 с.
17. Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 17. – С. 339-353.
18. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / В.В. Леонтович; Пер. с нем. И. Иловайской. – М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. – 549 с.
19. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де. Мадариага; Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.
20. Моряков В.И. Изучение русского просветительства XVIII – начала XIX в. в советской историографии / В.И. Моряков // История СССР. – 1986. – № 2. – С. 42-55.
21. Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. / В.И. Неупокоев. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
22. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание / Под ред. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – М.: Наука, 1983. – 176 с.
23. Писемский В.А. Отмена крепостного права в России. На дальних подступах к реформе / В.А. Писемский // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 1995. – № 5. – С. 40-51.
24. Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина / М.А. Рахматуллин // Отечественная история. –1996. – № 6. – С. 19-47.
25. Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1987. – Т. 5. – 527 с.
26. Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. / Х. Рэгсдейл // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 3-25.
27. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: в 2 т. / В.И. Семевский. – СПб., 1888. – Т. 1 – LIII, 3. – 504 с.

28. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Т. 8. – 990 стб.
29. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – 1022 стб.
30. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

References

1. Ahiezer A. Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo? / A. Ahiezer, I. Klyamkin, I. YAkovenko. – 2-e izd.. ispr. i dop. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2008. – 464 s.
2. Belyaev I.D. Krest'yane na Rusi. Issledovanie o postepennom izmenenii znacheniya krest'yan v russkom obshchestve / I.D. Belyaev / Vstup. st., primech. E.N. Vakulinoj. –M.: GPIB, 2002. – 419 s.
3. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava / M.F. Vladimirskij-Budanov. – M.: Nauka, 1995. – 640 s.
4. Vyazemskij P.A. Stihotvoreniya. Vospominaniya. Zapisnye knizhki / P.A. Vyazemskij / Sost. N.G. Ohotina; vstup. st. i primech. A.L. Zorina i N.G. Ohotina. – M.: Pravda, 1988. – 479 s.
5. Grosul V.YA. Russkij konservatizm XIX stoletiya: Ideologiya i praktika / V.YA. Grosul, G.S. Itenberg, V.A. Tvardovskaya, K.F. SHacillo, R.G. Ejmontova. – M.: Progress-Tradiciya, 2000. – 440 s.
6. Dolgih A.N. «Uvizhu l', o druz'ya, narod neugnetennyj…»: Rossijskoe dvoryanstvo i krest'yanskij vopros v XVIII – pervoj chetverti XIX v. Istoriograficheskie ocherki: V 2 t. / A.N. Dolgih. – Lipeck: LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-SHanskogo, 2018. – T. 1. – 354 s.
7. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie» / N.P. Eroshkin. – Izd. 3-e, pererab. i dop. – M.: Vysshaya shkola, 1983. – 352 s.
8. Zapiski A.M. Turgeneva // Russkaya starina. –1885. – T. 48. – № 10. – S. 55-82.
9. Zapiski A.M. Turgeneva // Russkaya starina. – 1886. – T. 49. – № 1. – S. 39-62.
10. Zapiski A.M. Turgeneva // Russkaya starina. – 1889. – T. 61. – № 2. – S. 209-230.
11. Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj. – M.: Nauka, 1990. – 280 c.
12. Ivanov M.V. Derzhavin i Novikov // XVIII vek: sbornik 11 / M.V. Ivanov// N.I. Novikov i obshchestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni /AN SSSR (Pushkinskij Dom); pod red. G.P. Makogonenko. – L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976. – C. 77-86.
13. Istoriya Rossii IX–XXI vv. ot Ryurika do Putina: uchebnoe posobie / Otv. red. YA.A. Perekhov. – Izd. 2-e, dop. i per. – M.: Vysshaya shkola, 2003. – 672 s.
14. Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. (opyt celostnogo analiza) / A.B. Kamenskij. – M.: RGGU, 1999. – 576 s.
15. Krest'yanskij vopros v Rossii (1796–1830 gg.): dvoryanskoe obshchestvo i vlast': sbornik dokumentov: V 2 t. / Podg. mat., vvod. st. i komment. A.N. Dolgih. – Lipeck: LGPU, 2005. – T. 1. – 364 s.
16. Krest'yanskij vopros v Rossii (1796–1830 gg.): dvoryanskoe obshchestvo i vlast': sbornik dokumentov: V 2 t. / Podg. mat., vvod. st. i komment. A.N. Dolgih. – Lipeck: LGPU, 2005. – T. 2. – 322 s.
17. Lenin V.I. Kak socialisty-revolyucionery podvodyat itogi revolyucii i kak revolyuciya podvela itogi socialistam-revolyucioneram / V.I. Lenin // Poln. sobr. soch. Izd. 5. – M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1973. – T. 17. – S. 339-353.
18. Leontovich V.V. Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914 / V.V. Leontovich; Per. s nem. I. Ilovajskoj. – M.: Russkij put': Poligrafresursy, 1995. – 549 s.
19. Madariaga I. de. Rossiya v epohu Ekateriny Velikoj / I. de. Madariaga; Per. s angl. N.L. Luzheckoj. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 976 s.
20. Moryakov V.I. Izuchenie russkogo prosvetitel'stva XVIII – nachala XIX v. v sovetskoj istoriografii / V.I. Moryakov // Istoriya SSSR. – 1986. – № 2. – S. 42-55.
21. Neupokoev V.I. Gosudarstvennye povinnosti krest'yan Evropejskoj Rossii v konce XVIII – nachale XIX v. / V.I. Neupokoev. – M.: Nauka, 1987. – 288 s.

22. O povrezhdenii nravov v Rossii knyazya M. Shcherbatova i Puteshestvie A. Radishcheva. Faksimil'noe izdanie / Pod red. M.V. Nechkinoj i E.L. Rudnickoj. – M.: Nauka, 1983. – 176 s.
23. Pisemskij V.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii. Na dal'nih podstupah k reforme / V.A. Pisemskij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. – 1995. – № 5. – S. 40-51.
24. Rahmatullin M.A. Nepokolebimaya Ekaterina / M.A. Rahmatullin // Otechestvennaya istoriya. – 1996. – № 6. – S. 19-47.
25. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / Pod red. O.I. CHistyakova. – M.: YUridicheskaya literatura, 1987. – T. 5. – 527 s.
26. Regsdejl H. Prosveshchennyj absolyutizm i vneshnyaya politika Rossii v 1762–1815 gg. / H. Regsdejl // Otechestvennaya istoriya. – 2001. – № 3. – S. 3-25.
27. Semevskij V.I. Krest'yanskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX v.: v 2 t. / V.I. Semevskij. – SPb., 1888. – T. 1 – LIII, 3. – 504 s.
28. Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya: V 16 t. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1965. – T. 8. – 990 stb.
29. Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya: V 16 t. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1968. – T. 11. – 1022 stb.
30. Hosking Dzh. Rossiya: narod i imperiya (1552–1917). – Smolensk: Rusich, 2001. – 512 s.

УДК 930

ЛИЧНОСТИ И ИДЕИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Лубков

В статье на примере переплетения судеб выдающихся ровесников Александра II, М.Н. Каткова и И.С. Тургенева рассматривается сложная картина духовного борения России за свое будущее. С одной стороны, это формирующаяся идеология решительного неприятия существующих порядков, приведшая к роковому февралю 1917 г., с другой – идеология охранения государства, призывающая «обновить в себе дух нашей истории, перестать быть иностранцами и стать поистине детьми своей страны, живою частью своего народа», которые представляли, соответственно, Тургенев и Катков.

Ключевые слова: Александр II, М.Н. Катков, И.С. Тургенев, «Русский вестник».

PERSONALITY AND IDEAS IN TIME AND SPACE

A.V. Lubkov

The article, using the example of the intertangled fates of outstanding peers Alexander II, M.N. Katkov and I.S. Turgenev, examines the complex picture of spiritual struggle of Russia for its future. On the one hand, it is a forming ideology of strong rejection of the existing state of things, which led to the fatal February in 1917, on the other, the ideology of state protection, encouraging people «to renew the spirit of our history, stop being foreigners and become truly the children of our country, a living part of our nation», which Turgenev and Katkov, respectively, were.

Keyword: Alexander II, M.N. Katkov, I.S. Turgenev, «Russian Herald».

Порою любопытно складывается жизнь, определяя нас в одно время: век, год и день с теми или другими людьми. В 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающихся современников – императора Александра II, М.Н. Каткова, И.С. Тургенева.

1818 год запомнился москвичам чередой разных событий, больших и малых. Среди значимых и знаменательных – восстановление Москвы после пожара 1812 года. Москва возрождалась из руин. Всюду шла работа, большая стройка охватила город. Поднимались в своем достоинстве и красоте московские соборы. 20 февраля 1818 г. в Москве торжественно открыли памятник Минину и Пожарскому. В нашем представлении о Москве это не просто достопримечательность столицы, украшение и доминанта Красной площади, сердца города, а гораздо большее – зримое воплощение непрерывности русской истории и ее героического эпоса, сопричастного с душой каждого нашего соотечественника, российского гражданина. Памятник, по словам М.Н. Каткова, «будит в нас высокое чувство народного самосознания и веру в Промысел, управляющий судьбами нашего отечества» [7, с. 699].

Спустя двести лет после изгнания поляков из Москвы в марте 1818 г. император Александр I на открытии польского сейма пообещал Польше новые земли, а России – конституцию подобно польской. За два года до этого акта 15 ноября 1815 г. Александр I

утвердил Конституционную хартию Царства Польского, согласно которой оно становилось неотделимой частью Российской империи. Российский император объявлялся наследственным польским королем, а его власть ограничивалась хартией, которая провозглашала равенство всех перед законом, неприкосновенность личности и собственности, свободу вероисповедания, печати и другие гражданские права, разделение властей, относительно демократичную избирательную систему и т.п. Управление Царством Польским осуществлялось наместником при участии двухпалатного сейма. Поляки получали то, что русские либералы и радикалы-революционеры из дворян, каждый по-своему примеряли в качестве образцовой модели общественно-политического устройства России.

В том же 1818 г. произошло еще одно событие – в один год, в один день недели (в среду) и в одном городе – Москве появились на свет будущий цесаревич Александр Николаевич и блюститель дум, один из влиятельнейших людей своего времени – М.Н. Катков. Рождение младенца в великокняжеской семье в среду 17 апреля придавало особый смысл празднику Светлого Воскресения Христова. По счастливому поводу был дан салют из 201 пушечного залпа. Так уж случилось, что Александр II был и остается единственным уроженцем Москвы, стоявшим во главе Российского государства с 1725 года.

Михаил Никифорович Катков родился в Москве 1 ноября 1818 г. в семье титулярного советника Никифора Васильевича Каткова, мелкого чухломского помещика, происходившего из личных дворян Костромской губернии[1].

В известном письме государю Катков указывал на своеобразный знак судьбы. История принца и нищего на русской почве виделась ему как указание свыше, предвосхищение пересечения жизненных дорог сына бедного чухломского дворянина и его венценосного сверстника. Из письма Михаила Никифоровича Каткова императору Александру II (1866): «…Я родился в один год с Вашим Величеством. Живо помню то время, когда в бедном глухом городке, где я жил ребенком, в церквах приносилась присяга на верность Вашему Августейшему Родителю и Вам как Наследнику Его Престола; живо помню, как в детской душе моей оказалось тогда чувство, в котором ребенок не мог отдать себе отчета, но которое и теперь возобновляется во всей своей индивидуальности, как только я обращусь мыслью к тому времени. Мне почувствовалось, что я призван как-то особенно послужить Вам. Когда я рос ребенком, часто повторялся во мне этот голос, часто в моем детском воображении представлял я себе моего царственного сверстника и мечтал о моей будущей службе Ему» [8, с. 709].

Как отмечают исследователи, такие верноподданнические обещания нередки были в среде дворянской молодежи тех лет и более поздних времен [13, с. 24]. Подобные клятвы вообще были характерны для русской литературной традиции. К их числу относится, например, тургеневская аннибалова клятва – бороться своим пером с крепостным правом.

Иван Сергеевич Тургенев был ровесником Каткова (Тургенев родился 28 октября 1818 г., на три дня раньше Каткова). Детство и отрочество его

вряд ли можно считать безоблачным и счастливым, о чем он сам неоднократно говорил и писал позднее. Нескучный сад, Воробьёвы горы, окружающие его влюбленного героя в повести «Первая любовь», или быт усадьбы на Остоженке стали не образами света и добра, а приобрели черты тревожного, драматичного и противоречивого мира дворянской семьи. В них проглядываются сложные коллизии реального взросления писателя.

Маленький Иван вместе со старшим братом Николаем испытали все прелести «домашнего» воспитания с жестким распорядком дня и наказанием розгами вплоть до 10 лет. Удручающая повседневность не оставила в душе писателя ни одного светлого воспоминания, но заставила дать клятву – навсегда покончить и разорвать связь с теми явлениями поместного быта, которые возмущали достоинство человека. «В моих глазах, – писал Тургенев в 1868 г., – враг этот имел определенный образ, носил известное имя; враг этот был – крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца – с чем я поклялся никогда не примириться… Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд» [17, с. 402-403].

Подобные аннибаловы клятвы стали зерном созревания будущего мировоззрения молодых людей. Это действительно была своеобразная религия, точнее – формирующаяся идеология решительного неприятия существующих порядков, различные направления которой революционно-демократического или либерально-западнического свойства особой разницы в представлении, например, М.Н. Каткова, после 1861 г. не имели. Постепенно эта новая религия приобрела законченную форму со своим пантеоном героев, священными обрядами и святилищами.

История показала, что отстаивание либеральных ценностей и свобод, столь свойственное русскому человеку, подлинной справедливости и человеческого достоинства привело к роковому февралю 1917 г., к трагедии очередной смуты, окончательно обрушившей существовавшую веками российскую монархическую государственность. Идеология феврализма не сумела соединить державность и государственность с идеей свободомыслия, самоуправления, гражданского общества.

М.Н. Катков продемонстрировал иной путь русской традиции, став видным представителем имперского сознания. Стоя на либеральных или консервативных позициях, он неизменно приглашал «наших умников» «выкинуть дурь из головы», «найти заглохший путь к народной святыне», «обновить в себе дух нашей истории, перестать быть иностранцами и стать поистине детьми своей страны, живою частью своего народа». Предложенный им «царский путь» не был путем «либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса». Не был он и путем золотой середины между двумя крайностями. Единственный смысл его состоял в заботе о благе «своего стомиллионного народа» [9, с. 130].

Заслуга печатного слова в лице «Московских ведомостей» и «Русского вестника», возглавляемых М.Н. Катковым самых влиятельных изданий внутри страны и на международном уровне, подняла роль журналиста до роли государственного деятеля. А редакция газеты, которая скромно печаталась в Москве на Страстном бульваре, стала государственной инстанцией, которую боялись, ненавидели, клеветали на нее. «В Петербурге, и именно во “властных сферах”, боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, “своей корысти”. И – того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова». «Критерием же и руководящим в критике принципом было то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это – единство и величие России» [15]. Некоторые, вслед за К.Н. Леонтьевым, настаивали, чтобы Каткову был установлен памятник напротив памятника А.С. Пушкину, ибо редактор «Русского вестника» был великим поэтом государственности российской [6, с. 339].

Катков говорил о необходимости воспитания любви к своему отечеству. Это чувство родного А.С. Пушкин называл «животворящей святыней», основой «самостоянья человека», «величия его». Без него «наш тесный мир – пустыня», «алтарь без божества». Выступая против разрушения и ниспровержения основ государства, в своем служении на общественном поприще Катков стремился сплотить русское общество могущественной скрепой национального самосознания, уча его критически оценивать и осмысливать происходящее, распознавать разрушающие нигилистические тенденции, быстро укореняющиеся в сознании. Он практически воплощал русскую духовную традицию – идею соборности, гармонии целого.

В «Русском вестнике» с 1856 г. сосредоточились все лучшие силы русской писательской, гуманитарной и научной интеллигенции. За короткий срок «Русский вестник» стал ведущим литературно-художественным и общественно-политическим периодическим изданием и оставался таковым на протяжении тридцати лет. За участие в нем шло своеобразное соревнование между авторами. Уже в первые годы функционирования издания в «Русском вестнике» были опубликованы «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, произведения П.И. Мельникова-Печерского, С.Т. Аксакова, А.Н. Майкова, И.А. Гончарова, А.Н. Плещеева, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, труды Ф.И. Буслаева, И.Е. Забелина, С.М. Соловьёва, других историков и филологов. Сам М.Н. Катков в первых номерах журнала за 1856 г. начал публикацию своего исследования о Пушкине.

И.С. Тургенев опубликовал у Каткова, с которым у него в течение жизни складывались сложные отношения, романы «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867). В журнале печатались «Казаки» (1863), «Война и мир» (1865–1869), «Анна Каренина» (1875–1877) Л.Н. Толстого. Увидели свет на страницах «Русского вестника» романы и повести Н.С. Лескова «На ножах» (1870–1871), «Соборяне» (1872), «Запечатленный ангел» (1873). Ф.М. Достоевский почти все свои романы, за исключением «Подростка»,

передавал для печати в «Русский вестник».

Дело было в сопричастном духовном поиске, столь свойственном русской культуре. «Русский вестник» актуализировал ту полемику, которая многие годы велась на литературном поприще представителями разных лагерей, и сыграл большую роль в формировании общественного мнения против нигилистической традиции в русской журналистике 1860-х гг. и общественно-политической жизни России. Наравне с П.Я. Чаадаевым и А.С. Пушкиным, возвращающими нас к осмыслению духовного и социокультурного пространства русской истории, к диалогу о национальной идентичности и национальном самосознании, М.Н. Катков актуализировал проблему воспитания национальной идеи.

Традиция разрушения и ниспровержения против традиции охранения государства. Что оставлять от прошлого, а от чего отказываться? Что есть созидание? И почему развитие вдруг оборачивается бездумным отрицанием всего предшествующего опыта? На все эти вопросы каждое поколение пытается дать собственные ответы, но при этом история, как заметил В.О. Ключевский, ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков. Провалы и разрывы памяти случаются не только с отдельными людьми, но и с целыми народами. Ниспровержение былых кумиров опрокидывает и что-то внутри нас. Но неведомые повороты истории возвращают на круги своя национальных героев, восстанавливая их на заслуженном пьедестале.

Преходящее отступает – нетленное остается. Вечность – сильнее времени.

В 2005 г. москвичи – земляки Александра II – повторно удостоили царя-освободителя бронзового памятника. Интересно заметить, что он, как участник этой незримой дискуссии, растянувшейся во времени и пространстве, свидетелями которой сегодня выступаем мы, во время первого своего посещения Московского университета 31 июля 1837 г. пожаловал университету Фраунгоферов микроскоп [20, с. 506]. Символический подарок, особенно на фоне закрытого недавно «Телескопа», опубликовавшего осенью 1836 г. «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, и развернувшейся в связи с этим драмой. Верховная власть в лице наследника будто бы предлагала в поисках истины сменить оптику и предмет исследований. Не допускать «лжемудрствования», оставить философские изыскания о смысле жизни, не углубляться в мировые проблемы, а сосредоточиться на том, что поближе, непосредственно перед глазами.

Отметим, что для общественной жизни XIX в. увлечение философией было характерной особенностью. Влияние европейской философии Нового времени широко распространилось на социальные воззрения, литературу, искусство. В российских университетах, студенческих кружках, литературных объединениях, салонах усиленно изучались, переводились, дискуссировались идеи немецкой классической философии.

Примечателен тот факт, что на ее родине прусский монарх Фридрих Вильгельм IV, взойдя на престол, предпринял всевозможные попытки по ослаблению влияния некоторых ее течений. Когда стало ясно, что на сме-

ну государственническому толкованию гегельянства приходят левые тенденции, угрожавшие прочности прусской монархии, были предприняты, например, настойчивые переговоры о переезде Шеллинга из Мюнхена в Берлин, оплот гегельянства.

Философия, стремясь подвергнуть всё суду разума, внушала тревогу и российским властям. К ней относились как к «вредной», изощряющей ум и ничего общего не имеющей с верой[2]. Вопрос о роли и значении философии в подготовке высококвалифицированных специалистов, ее месте в структуре образовательного пространства[3] в конечном итоге был решен в 1850 г. в пользу закрытия кафедры философии и образования кафедры педагогики, введения в образовательный курс программ по общей педагогике и истории воспитания.

Опасность философствования метко подметил М.Н. Катков. По его мнению, «множество расплодилось гегельянцев, которые составили школу и играют в парламент… и именно потому, что они гегельянцы, они так далеки от истинного духа гегелевской философии; они застряли в одной форме, формальничают и ворочают категориями, а в сущности выходит мыльный пузырь, и блаженничают и восторгаются – как хорошо отливают цвета». Катков уловил характерную черту многих сторонников Гегеля – отсутствие самостоятельности мышления. Они были по сути не философами, а эпигонами. Те же, кто углублялся в конкретный предмет, не отправляясь в далекие философские размышления, преобразовывали единую ткань живой теории в раздробленные знания, измельчая ее и превращая в ремесло [11, с. 161-163].

Многие молодые люди, испытав контрастные влияния философских и эстетических систем, приходили к формированию собственной этической, эстетической и социальной аксиологии. Идеи немецкой философии возбуждали не просто интерес к себе, но становились и стимулом к выработке собственных историко-философских концепций, внедряемых в российских университетах. Своеобразной особенностью стал также интерес к практической направленности науки, а не только к теоретической ее составляющей. Осмысление проблемы сущности и существования человека было прямо связано со стремлением реализовать себя в некой воспитательной перспективе, содействовать жизненной ориентации человека. Тем самым отечественные мыслители создавали основу для формирования оригинального философско-педагогического синтеза, ставили вопрос о философском обосновании образования и воспитания.

Отечественная философская традиция открывала новые дисциплины и горизонты исследования. История философии, методология науки, философия образования – те самостоятельные пути, по которым развивалась русская философская и историко-философская наука. С другой стороны, наблюдательные современники констатировали, что «множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих», поскольку «старые» убеждения и миросозерцание, которые были дороги сердцу, оказались потрясены, а новые убеждения, «многообъемлющие и великие», не успели

еще принести плода и были чуждыми сердцу [5, с. 7].

Внимательная и критическая разборчивость в природе творчества, выборе поступков и мотивов, определяющих жизненный выбор, особое значение сохраняют и сегодня в деле морально-нравственного воспитания молодого поколения. Подчеркнем, что источники вызревания личной и гражданской позиции человека, так или иначе коренятся в нашей памяти, скрыты в переживаниях прошлого, связаны с их радостными и горестными воспоминаниями.

Список литературы

1. **Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. / Н.П. Барсуков. – СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – Кн. 11. – 571 с.
2. **Биографический словарь** профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея 12-го января 1855 года. – М., 1855. – Ч. I. – 511 с.
3. **Ванеян С.С.** Катков М.Н. / С.С. Ванеян // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., Большая российская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 506-513.
4. **Герцен А.И.** Собрание сочинений: В 30 т. / А.И. Герцен. – М., Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 2. – 516 с.
5. **Герцен А.И.** Собрание сочинений: В 30 т. / А.И. Герцен. – М., Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 3. – 363 с.
6. **Кантор В.К.** Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В.К. Кантор. – М., РОССПЭН, 2008. – 544 с.
7. **Катков М.Н.** Заслуга Пушкина / М.Н. Катков // Собрание сочинений: В 6 т. – СПб., Росток, 2010. – Т. 1. – 846 с. (Впервые: Московские ведомости. 1880. 6 июня. № 155. Особое прибавление к выпуску газеты).
8. **Катков М.Н.** Письма к Александру II и Александру III / М.Н. Катков // Идеология охранительства. – М., Институт русской цивилизации, 2009. – 800 с.
9. **Корнилов А.А.** Михаил Никифорович Катков (1818–1887) / А.А. Корнилов // История русской литературы XIX века: В 5 т. / Под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. – М.: Мир, 1911. – Т. 5. – 588 с.
10. **Любимов Н.А.** Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) / Н.А. Любимов // Воспоминания о Михаиле Каткове. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – С. 206-532.
11. **Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова.** Ч. I. Из писем М.Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. – 1897. – № 8.
12. **НИОР РГБ.** Ф. 120. П. 53. Ед. хр. 7.
13. **Нович И.С.** Молодой Герцен: искания, идеи, образы, личность / И.С. Нович. – М.: Советский писатель, 1980. – 384 с.
14. **Прокопов Т.** «Россия… в ней два императора: Александр II и Катков». Вехи судьбы охранителя консервативной государственности / М.Н. Катков // Собрание сочинений: В 6 т. – СПб.: Росток, 2010. – Т. 1.
15. **Розанов В.В.** Суворин и Катков / В.В. Розанов // Колокол. – 1916. – 11 марта.
16. **Русский биографический словарь** / Под ред. А.А. Половцева. – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1897. – Т. 8. – 756 с.
17. **Тургенев И.С.** Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – 526 с.
18. **Фишер А.А.** О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия. Речь, произнесенная в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета 20 сентября 1834 г. / А.А. Фишер / Пер. с фр. – СПб., 1835. – 41 с.
19. **Фишер А.А.** О сущности философии и отношении ее к авторитету/ А.А. Фишер // Журнал Министерства народного просвещения. – 1845. – № 45. – С. 99-129.

20.Шевырёв С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855 / С.П. Шевырёв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 598 с.
21.Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во тов. А. Гранат и К°, 1914. – Т. 23. – 403 с.

References

1. Barsukov N.P. Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: V 22 kn. / N.P. Barsukov. – SPb., Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897. – Kn. 11. – 571 s.
2. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imp. Moskovskogo universiteta za istekshee stoletie, so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubileya 12-go yanvarya 1855 goda. – M., 1855. – CH. I. – 511 s.
3. Vaneyan S.S. Katkov M.N. / S.S. Vaneyan // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. – M., Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1992. – T. 2. – S. 506-513.
4. Gercen A.I. Sobranie sochinenij: V 30 t. / A.I. Gercen. – M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. – T. 2. – 516 s.
5. Gercen A.I. Sobranie sochinenij: V 30 t. / A.I. Gercen. – M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954. – T. 3. – 363 s.
6. Kantor V.K. Sankt-Peterburg: Rossijskaya imperiya protiv rossijskogo haosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii / V.K. Kantor. – M., ROSSPEN, 2008. – 544 s.
7. Katkov M.N. Zasluga Pushkina / M.N. Katkov // Sobranie sochinenij: V 6 t. – SPb., Rostok, 2010. – T. 1. – 846 s. (Vpervye: Moskovskie vedomosti. 1880. 6 iyunya. № 155. Osoboe pribavlenie k vypusku gazety).
8. Katkov M.N. Pis'ma k Aleksandru II i Aleksandru III / M.N. Katkov // Ideologiya ohranitel'stva. – M., Institut russkoj civilizacii, 2009. – 800 s.
9. Kornilov A.A. Mihail Nikiforovich Katkov (1818–1887) / A.A. Kornilov // Istoriya russkoj literatury XIX veka: V 5 t. / Pod red. D.N. Ovsyaniko-Kulikovskogo. – M.: Mir, 1911. – T. 5. – 588 s.
10.Lyubimov N.A. Mihail Nikiforovich Katkov (po lichnym vospominaniyam) / N.A. Lyubimov // Vospominaniya o Mihaile Katkove. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. – S. 206-532.
11.Materialy dlya zhizneopisaniya M.N. Katkova. CH. I. Iz pisem M.N. Katkova k materi i bratu // Russkij vestnik. – 1897. – № 8.
12.NIOR RGB. F. 120. P. 53. Ed. hr. 7.
13.Novich I.S. Molodoj Gercen: iskaniya, idei, obrazy, lichnost' / I.S. Novich. – M.: Sovetskij pisatel', 1980. – 384 s.
14.Prokopov T. «Rossiya… v nej dva imperatora: Aleksandr II i Katkov». Vekhi sud'by ohranitelya konservativnoj gosudarstvennosti / M.N. Katkov // Sobranie sochinenij: V 6 t. – SPb.: Rostok, 2010. – T. 1.
15.Rozanov V.V. Suvorin i Katkov / V.V. Rozanov // Kolokol. – 1916. – 11 marta.
16.Russkij biograficheskij slovar' / Pod red. A.A. Polovceva. – SPb.: Imp. Rus. ist. o-vo, 1897. – T. 8. – 756 s.
17.Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. / I.S. Turgenev. – M.: Nauka, 1979. – T. 3. – 526 s.
18.Fisher A.A. O hode obrazovaniya v Rossii i ob uchastii, kakoe dolzhna prinimat' v nem filosofiya. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Sankt-Peterburgskogo universiteta 20 sentyabrya 1834 g. / A.A. Fisher / Per. s fr. – SPb., 1835. – 41 s.
19.Fisher A.A. O sushchnosti filosofii i otnoshenii ee k avtoritetu/ A.A. Fisher // ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1845. – № 45. – S. 99-129.
20.Shevyryov S.P. Istoriya imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu, 1755–1855 / S.P. SHevyryov. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998. – 598 s.
21.Enciklopedicheskij slovar'. – M.: Izd-vo tov. A. Granat i Ko, 1914. – T. 23. – 403 s.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК 378

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И МЕТОДИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В XVIII-XIX ВВ.

М.В. Богуславский, Т.Н. Богуславская, Н.Е. Косовцов

В данной статье рассматривается проблема исследования и трактовки процесса развития педагогических традиций и методик формирования русской классической вокальной школы в XVIII - XIX вв. На основе проведенного исследования выявлено, что вокально-педагогическое наследие России значимо и обладает большим научным потенциалом в сфере деятельности ведущих российских педагогов-вокалистов, а его использование в педагогической практике должно способствовать повышению качества современного вокального образования.

Ключевые слова: история педагогики, история образования, традиции, голосовой аппарат, русская школа пения, метод показа, синтетический метод, художественная задача.

DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL TRADITIONS AND TECHNIQUES OF RUSSIAN CLASSICAL VOCAL SCHOOL FORMATION IN 18TH -19TH CENTURIES

M.V. Boguslavskiy, T.N. Boguslavskaya, N.I. Kosovsov

This article deals with the study of development of pedagogical traditions and techniques of Russian classical vocal school in 18th-19th centuries. The results of the research show that Russian vocal-pedagogical heritage is significant and has a great scientific potential. Its usage in practical classes will definitely improve the quality of modern vocal education.

Keywords: pedagogical history, education history, traditions, vocal apparatus, Russian vocal school, the method of demonstration, synthetic method, art objective.

Культура российского народа представляет синтез духовного опыта, традиций, знаний и идеалов. Важной особенностью образования, в том числе и российского вокального образования, является трансляция культурной традиции формирования духовного мира подрастающего поколения, приобщения его к истинным ценностям национальной культуры. В данном контексте актуален поиск наиболее эффективных форм объединения усилий различных культурных сфер в воспитании и образовании детей и юношества.

В России на протяжении веков сложились крупнейшие музыковедческие и исполнительские школы – инструментальные, хоровые, вокальные. Значимо, что традиции и достижения российского музыкального образования общепризнаны. При этом большую роль всегда играли певческие традиции. В современных условиях существенным является обращение к исторически сложившимся отечественным вокально-педагогическим традициям и достижениям, которые, с одной стороны, должны быть сохранены, а с другой

стороны, по возможности, обогащены и адаптированы к современности.

Возникновение в XIX веке феномена «Русская классическая вокальная школа» стало возможным благодаря активной деятельности музыкантов и педагогов-вокалистов, которые сформировали **методическую основу** для дальнейшего развития в России классического вокального образования [7].

Рассматриваемый процесс развития педагогических традиций и методик формирования русской классической вокальной школы имел длительный исторический характер и охватывал период с VII века до начала XX века.

В качестве критериев периодизации были определены следующие показатели:

- доминирующая педагогическая традиция вокального обучения;
- своеобразие методик обучения певцов;
- значение периода в процессе формирования русской классической вокальной школы.

На данной основе периодизацию исторического развития педагогических традиций и методик русской классической вокальной школы можно представить следующим образом:

1. *VII – X вв.* – становление народных традиций певческого обучения.

2. XI – XVII вв. – формирование канона воспитания и обучения храмовому певческому искусству.

3. *XVIII век* – становление классической системы вокального обучения на основе экстраполяции западноевропейских методик в русскую певческую культуру.

4. *Первая половина XIX века* – развитие вокальной педагогики в контексте русской классической вокальной школы.

5. *Вторая половина XIX века* – реализация потенциала русской классической вокальной школы в отечественном музыкальном образовании.

Становление российского певческого образования включало в себя культуру трёх вокально-педагогических парадигм:

- народное певческое обучение дохристианской эпохи Древней Руси;
- церковное певческое обучение конца X – XVII вв.;
- европейское вокальное обучение, начиная с XVIII века, когда в Россию были приглашены первые европейские артисты и композиторы, выступившие первыми вокальными педагогами.

Данные вокально-педагогические парадигмы развивались в тесной взаимосвязи, в результате чего вокальное обучение вобрало в себя методы национального вокального воспитания, которые использовались в народном и церковном певческом обучении. Рассмотрим их основные характеристики.

Дохристианский период (до 988 г.) характеризовался следующими особенностями певческой культуры:

- пение укоренилось в народной культуре, оно становится неотъемлемой составляющей разнообразных жанров: праздников, событий в жизни, календарных обрядов, обычаев, танцев, игр;
- образовался устойчивый попевочный народный фонд;
- выработался стилевой канон исполнения народных песен: хорошая дикция, распевность, сила слова, мелодизм и высокая духовная составляющая пения, соответствие исполнения характеру содержания песнопения;

- сложилась устойчивая технология изустной передачи певческих приёмов исполнения на основе показа голосом [3].

Генезис педагогических основ русской вокальной школы до классического периода конца *X – XVII веков* базировался на *традиции духовного и светского певческого воспитания с приоритетом духовной ипостаси.* Главной особенностью развития певческого обучения в условиях православной культуры явилась его направленность на цели и задачи религиозного духовного и патриотического воспитания личности.

Истоками развития российского вокального образования в этот период выступали:

- народные традиции изустной передачи певческих навыков, ставшие основой для дальнейшего развития вокального обучения;
- традиции обучения храмовому пению в контексте византийской культуры, правопреемницей которой стала российская православная культура.

В рамках рассматриваемого периода можно выделить и охарактеризовать два внутренних этапа.

На *этапе конца X – первой половины XV веков* осуществлялось взаимодействие двух традиций певческого обучения:

1. Духовной певческой составляющей.
2. Мелодического начала в опоре на монодический склад песнопения.

Процесс формирования методики обучения певческому искусству на данном этапе определен следующими тенденциями:

1. Влияние традиций народного пения на храмовую певческую культуру.
2. Проникновение православной певческой культуры в народный певческий архетип.
3. Становление первоначальных методик певческого обучения, канонизированная передача певческой храмовой культуры, когда показ голосом сопровождался демонстрацией крюковой записи.

Обучение искусству пения в этот период носило несистемный характер. *В народном певческом обучении* важнейшую роль играли традиции исполнения, которые были оформлены в песенном фольклоре.

Церковное певческое обучение носило относительно устойчивый характер, благодаря особому отношению иерархов церкви к певческому обучению. При этом система церковного певческого обучения находилась в зависимости от годового календарного цикла, как и в народном певческом искусстве.

На этапе *второй половины XV-XVII вв.* церковное певческое обучение приобрело системный и отчасти институциализированный характер. Складываются первые школы пения, которые готовили певцов для храмового исполнения. В практику церковного певческого обучения во второй половине XV века вводятся первые певческие азбуки, что свидетельствует о становлении методических подходов к обучению исполнителей. Азбуки содержали не только мелодический рисунок песнопения, но и объясняли характер и возможные приемы исполнения [5].

Особенности *развития отечественной вокальной школы XVIII века* в системе взаимодействия традиционно-русской (духовной) и западноевропейской (светской) культур заключались в том, что «Русская европейскость» в

отечественной вокальной педагогике XVIII века проявлялась во внедрении и освоении с помощью европейских педагогов принципиальных особенностей голосообразования в системе итальянского «bell canto». В России XVIII века произошло развитие русского музыкального театра (с проникновением итальянских оперных традиций). К окончанию XVIII века был подготовлен вокально-педагогический базис для развития на национальной духовной основе собственной вокальной школы, непохожей на западноевропейскую, но с некоторыми её техническими элементами [4].

Это стало впоследствии основой для развития русской классический вокальной педагогики XIX века, придало импульс к применению новых вокально-педагогические методов, среди них:

- использование в произведениях итальянских композиторов (работающих в то время в России) богатого музыкального русского фольклора как источника народных традиций и методов в певческом обучении русских вокалистов, а именно: певучести (ровной кантилены), тембральной однородности, глубокой опоре дыхания, чёткости словообразования, а главное, – *духовной и художественной наполненности содержания при исполнении произведения;*
- продолжение традиций певческой школы «bell canto» в творчестве русских исполнителей и обучение лучших из них в Италии.

На данной основе к окончанию XVIII века в России был подготовлен вокально-педагогический базис для создания на национальной духовной основе собственной вокальной школы, отличной от западноевропейской, но с некоторыми её техническими элементами [4].

Русскую классическую вокальную школу XIX века характеризуют следующие основания:

1. Опора на русские народные и церковные певческие традиции.
2. Синтез отечественных методик обучения и западноевропейских, с целью воспитания и обучения певца для нового оперно-концертного стиля.
3. Придание приоритетного значения в вокальном образовании содержательной стороне произведения.
4. Обучение при условии доминирования слова над техникой.
5. Систематический характер обучения [6].

Реформы в практике певческого обучения в России потребовали для решения новых исполнительских задач создания специальных методов вокального образования. Такие методы были предложены выдающимися композиторами и вокальными педагогами первой половины XIX века – А.Е. Варламовым, М.И. Глинкой и А.С. Даргомыжским. В своей вокально-педагогической деятельности они обосновали и апробировали методы обучения и воспитания русского певца в новом оперно-концертном стиле, заложив основополагающие принципы русской классической вокальной школы.

Педагогическими основами вокальной школы композитора А.Е. Варламова являлись:

- *использование характерных особенностей русской национальной музыки* при исполнении произведений, связанных с выполнением художественной задачи;
- метод *показа собственным голосом* с необходимыми пояснениями – использование голоса педагога в каче-

стве наглядного учебного пособия для ученика;

- применение в вокально-педагогической работе принципов *постепенности и систематичности* занятий;
- реализация принципов *сознательности и активности* в работе над музыкальной формой, фразировкой и музыкальной выразительностью;
- *осуществление вокализации*, как основного приёма обучения, с целью прочного овладения певцами знаниями и вокально-техническими навыками.

Кроме того, А.Е. Варламовым впервые было дано научное объяснение физиологических и психологических особенностей процесса вокального обучения. Важно отметить, что и в настоящее время метод показа голосом А.Е. Варламова является приоритетным в системе вокально-педагогической подготовки вокалистов.

Вокально-педагогическими основами, разработанного М.И. Глинкой концентрического метода обучения, являлись:

- использование для работы с учеником небольшого, *среднего и натурального* участка тонового диапазона;
- постепенное *присоединение к освоенному учеником среднему диапазону смежных тонов*, при этом исправляя недостатки и обращая особое внимание на отсутствие форсировки звука;
- *выявление наилучших тембральных голосовых характеристик* на средней части диапазона с переносом их на соседние участки;
- *точность в звукоизвлечении.*

Кроме того, принципиально важными особенностями вокально-педагогической работы М.И. Глинки выступали:

- *умение подсказать вокально-технические и художественные решения*, показать и подтвердить это собственным примером;
- *стремление к лёгкости и непринуждённости* в исполнении в сочетании с отчетливостью;
- *придание большого значения в пении выразительному слову*;
- *воспитание ладового чувства* певца;
- использование метода пения *без сопровождения*.

Таким образом, несомненно, основы концентрического метода, разработанного М.И. Глинкой для обучения академическому пению, явились новой парадигмой развития вокальной педагогики в России первой половины XIX века.

Значительный вклад в укрепление и развитие национальной школы подготовки певцов внёс А.С. Даргомыжский. Он предложил *метод синтетического воспитания певца,* предусматривающий единство его технического и исполнительского развития. Основными принципами работы с певцами по этому методу являлись:

- принцип воспитания разностороннего музыканта, обладающего широким кругозором и знаниями во всех областях культуры;
- вокально-художественный принцип исполнительского воспитания певца (А.С. Даргомыжский предлагал певцу идти от мысли и чувства, соответствующих художественному содержанию к совершенствованию средств их голосового воплощения, а через это и к общему развитию всех выразительных качеств голоса);

- принцип постоянного совершенствования мастерства и культуры вокалиста, его сознательности и активности;
- принципы постепенности и систематичности в овладении сложным искусством академического пения;
- принцип интенсивной, а также активной разноплановой вокально-исполнительской нагрузки [7].

Принципы и методики педагогов-вокалистов XIX века А.Е. Варламова, М.И. Глинки и А.С. Даргомыжского базируются на народных певческих традициях, которые использовались в разработанных ими методиках классического вокального обучения. А.Е. Варламов, М.И. Глинка и А.С. Даргомыжский в своей вокально-педагогической деятельности, независимо друг от друга, выработали и устойчиво применяли следующие методики обучения: от простого к сложному (постепенность); осуществление коллективного воспитания певца; осознания исполнителем художественно-ассоциативного, образного замысла произведения; осознание певцом эмоционально-смыслового значения слова; певческой активности; осуществление постепенности в развитии голоса; осуществление обучения без аккомпанемента. Была создана **педагогическая база** дальнейшего развития русской классической вокальной школы.

В целом процесс вокального обучения в начале второй половины XIX века включал следующие *общедидактические принципы*:

- преемственности методов вокального обучения, трансляции исполнительского и вокально-педагогического опыта;
- теоретического объяснения педагогических установок в процессе обучения;
- сознательности и активности;
- систематичности и постепенности, движения от простого к сложному;
- наглядности голосового показа;
- постоянного совершенствования исполнительского мастерства [7].

Расцвет музыкальной культуры России во второй половине XIX века, связанный с композиторским, исполнительским, а также музыкально-педагогическим творчеством, создал благоприятные предпосылки для осуществления профессионального и массового вокально-музыкального образования. При содействии открытого в 1859 году Русского музыкального общества было организовано бесплатное музыкальное обучение для одаренной русской молодежи (музыкальные курсы, классы, музыкальная школа, музыкальное училище). Большое значение имело открытие Петербургской и Московской консерваторий, заложивших основы высшего профессионального вокального образования. Свое дальнейшее развитие получило церковное певческое образование в творчестве педагогов Придворной капеллы и Синодального училища. Благодаря их деятельности хоровое искусство России было поднято на качественно новый уровень профессионального вокального образования и достигло художественного совершенства.

К окончанию XIX века сложилась организационно-методическая инфраструктура вокального образования. В программах обучения и воспитания для общеобразовательных школ и училищ, женских институтов и кадетских корпусов было предложено в качестве

наиболее действенного метода эстетического воспитания использовать курс хорового пения, осуществлять обучение элементарной теории музыки и игре на фортепиано. При этом с целью воспитания патриотизма, художественно-эстетического и коллективистского начала в качестве учебного материала предполагалось использовать *высокохудожественные образцы церковной и светской музыки* с особым вниманием к отечественному музыкальному наследию и певческим традициям.

На протяжении XIX века была сформирована национальная вокально-музыкальная культура России, вобравшая в себя традиции народной, церковной и западноевропейской культур. Большую роль в этом сыграло развитие на национальной основе системы вокального образования в творчестве видных композиторов и педагогов-вокалистов. Классическое вокальное образование имело большое значение для общепедагогических целей воспитания у молодежи религиозности и духовности, высокой гражданственности и патриотизма, коллективистского начала, сохранения культурных традиций предков и, конечно, осуществления эстетического воспитания молодежи [6].

Таким образом «Русская классическая вокальная школа» является результатом синтеза народных традиций певческого обучения, традиций обучения храмовому певческому искусству; западноевропейских методик подготовки вокалистов; методик обучения, используемых российскими педагогами-вокалистами XIX века [6].

К базовым традициям становления и развития на основе взаимодействия трёх культур (народной, православной и западноевропейской) русской классической вокальной школы, процесса вокального обучения и воспитания в XIX веке относятся: традиции основополагающей роли духовного воспитания; интеграции института духовного воспитания и светской образовательно-обучающей деятельности.

Процесс становления отечественного вокального образования в условиях православной культуры представлял собой целостную религиозно ориентированную систему формирования личности в контексте духовно-нравственного воспитания, которое происходило на основе изучения религиозно-воспитательного и образовательного материала с соответствующими молитвенными практиками.

Русская классическая вокальная школа как целостный вокально-педагогический феномен включает:

- историю вокального образования;
- историю отечественной вокальной педагогики;
- теорию и практику вокальной педагогики.

В целом, русскую классическую вокальную школу XIX века характеризуют следующие основания:

1. Опора на русские народные и церковные певческие традиции.
2. Синтез отечественных методик обучения и западноевропейских, с целью воспитания и обучения певца для нового оперно-концертного стиля.
3. Придание приоритетного значения в вокальном образовании содержательной стороне произведения.
4. Обучение при условии доминирования слова над техникой.
5. Систематический характер обучения.

В основных принципах русской классической вокальной школы, которая сформировалась в XVIII — XIX вв., воплощены традиционные взаимосвязанные направления обучения пению, которые на протяжении веков присутствовали в российской ментальности — это народное и церковное певческое обучение, а также новое направление, вызванное влиянием западноевропейских методик, которые стали фактором возникновения светского музыкального и вокального образования.

В XIX веке активный творческий поиск российских композиторов и педагогов-вокалистов привёл к созданию национальной классической вокальной педагогики (русская классическая вокальная школа), в методах которой были сохранены установки традиционно присутствующие в народном и церковном певческом обучении. Это произошло благодаря творческой методической вокально-педагогической деятельности композиторов и педагогов XIX века – А.Е. Варламову, М.И. Глинке и А.С. Даргомыжскому.

Методическими основами русской классической вокальной школы XIX века являются:

а) сочетание в методиках обучения традиций русского храмового пения, музыкального фольклора и западноевропейских вокально-педагогических приёмов,

б) специальные вокальные методы, разработанные видными вокальными педагогами XIX века, а именно:

- метод использования голоса педагога в качестве наглядного учебного пособия для ученика (А.Е. Варламова);
- концентрический метод развития голоса, начиная со среднего и натурального участка тонового диапазона (М.И. Глинки);
- метод синтетического воспитания певца, предусматривающий единство технического и исполнительского развития на основе особого внимания к смысловому наполнению текста и дикции (А.С. Даргомыжского).

Подчеркнем, что классические методики обучения вокальному искусству являются актуальными для преподавания вокала в современных условиях. Есть основания констатировать значимость и современность методов обучения в русской классической вокальной педагогике, разработанных А.Е. Варламовым, М.И. Глинкой и А.С. Даргомыжским:

- данные методы актуальны для отечественной педагогики музыкального образования благодаря базирующимся на многовековых традициях русского храмового и народного пения глубоким духовно-нравственным установкам, высокому профессионализму и практико-ориентированной подготовке педагогов-вокалистов;
- методы обучения, разработанные А.Е. Варламовым, М.И. Глинкой и А.С. Даргомыжским обогащают современную методическую базу вокального обучения при её творческой модификации в контексте решения задачи сохранения ценностей отечественной музыкальной культуры;
- методы актуальны для отечественной педагогики музыкального образования в силу глубоких духовно-нравственных установок, высокого профессионализма и практико-ориентированной направленности подготовки музыкантов – педагогов-вокалистов;

- методы позволяют оптимизировать учебно-воспитательный процесс в современных музыкальных учебных заведениях (факультеты вузов, музыкальные колледжи, школы искусств и др.);
- специальные методы и принципы русской вокальной школы, разработанные А.Е. Варламовым, М.И. Глинкой и А.С. Даргомыжским, обогащают современную методику вокального обучения при условии их *творческой модификации* в контексте решения задачи сохранения ценностей отечественной музыкальной культуры;
- методы обучения в русской классической вокальной педагогике позволяют модернизировать образовательный процесс в современных музыкальных учебных заведениях (факультеты вузов, музыкальные колледжи, школы искусств) [6-7].

В данной связи должна быть проведена работа по *обогащению методической базы* российских вокалистов историко-педагогической литературой, освещающей в полной мере:

– методические вокально-педагогические установки А.Е. Варламова, М.И. Глинки и А.С. Даргомыжского;
– национальный аспект, присущий только российским методам обучения в контексте российских певческих традиций.

Реализация в практике современных педагогов-вокалистов классического вокально-педагогического наследия плодотворна при учете следующих основных положений:

- базисные методические установки русской классической вокальной школы в техническом и художественном плане должны осваиваться учеником-вокалистом в период обучения и обеспечивать его профессиональный рост в повседневной творческой работе;
- приоритетом в вокально-педагогической работе должны стать произведения русских композиторов как наиболее близкие отечественным исполнителям по художественному и техническому восприятию;
- в преподавательской работе необходимо использовать методологические составляющие русской классической вокальной школы, приоритетным среди которых является слово – основное средство передачи исполнителем художественного замысла произведения;
- необходима постоянная деятельность по обновлению и обогащению методической базы деятельности российских педагогов-вокалистов, которая в полной мере должна отражать особенности русской классической вокальной школы [1-2].

В целом, современным вокальным педагогам-практикам существенно важно *применять и развивать* в своей повседневной работе с учениками педагогические основы русской классической вокальной школы первой половины XIX века, изложенные в вокально-педагогическом наследии В.А. Варламова, М.И. Глинки и А.Е. Даргомыжского, их проверенные временем методики. Вокально-педагогическую работу следует осуществлять на произведениях русских композиторов, которые хотя и более сложны по сравнению с произведениями западноевропейских композиторов, но более глубокие и художественные [8].

Список литературы

1. **Александрова В.Г.** Новые рубежи педагогической реальности: аксиология, духовность, гуманизм / В.Г. Александрова М.В. Богуславский. – М.: МГПУ, 2007. – 311 с.
2. **Богуславский М.В.** История отечественной педагогики XX века: единство непрерывности и дискретности / М.В. Богуславский // Педагогика. – 2009. – № 6. – С. 84-96.
3. **Косовцов Н.Е.** Значение храмового «ангелоподобного» пения в вокальной педагогике Древней Руси / Н.Е. Косовцов **//** Среднее профессиональное образование**. –** 2015. – №1. – С. 31-34.
4. **Косовцов Н.Е.** Истоки профессионального вокального образования в России XVIII века / Н.Е. Косовцов, Л.А. Рапацкая // Среднее профессиональное образование**. –** 2015. – №1. – С. 52-55.
5. **Косовцов Н.Е.** Некоторые особенности воспитания певцов в Древней Руси / Н.Е. Косовцов // Среднее профессиональное образование**. –** 2015. – №4. – С. 51-54.
6. **Косовцов Н.Е.** Классическое вокальное образование в России в XIX веке. Теоретические основы и традиции / Н.Е. Косовцов // Ценности и смыслы. – 2018. – № 1 (53). – С. 45-64.
7. **Косовцов Н.Е.** Вокально-педагогические традиции в творчестве педагогов-вокалистов XIX века / Н.Е. Косовцов // Проблемы современного образования. – 2018. – № 2. – С. 113-120.
8. **Куликова С.В.** Совершенствование историко – педагогического образования: проблемы и перспективы // С.В. Куликова, М.В. Богуславский // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – № 1(25). –С. 50-60.

References

1. **Aleksandrova V.G.** Novye rubezhi pedagogicheskoj real'nosti: aksiologiya, duhovnost', gumanizm / V.G. Aleksandrova M.V. Boguslavskij. – M.: MGPU, 2007. – 311 s.
2. **Boguslavskij M.V.** Istoriya otechestvennoj pedagogiki HKH veka: edinstvo nepreryvnosti i diskretnosti / M.V. Boguslavskij // Pedagogika. – 2009. – № 6. – S. 84-96.
3. **Kosovcov N.E.** Znachenie hramovogo «angelopodobnogo» peniya v vokal'noj pedagogike Drevnej Rusi / N.E. Kosovcov // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2015. – №1. – S. 31-34.
4. **Kosovcov N.E.** Istoki professional'nogo vokal'nogo obrazovaniya v Rossii XVIII veka / N.E. Kosovcov, L.A. Rapackaya // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2015. – №1. – S. 52-55.
5. **Kosovcov N.E.** Nekotorye osobennosti vospitaniya pevcov v Drevnej Rusi // Srednee professional'noe obrazovanie. – 2015. – №4. – S. 51-54.
6. **Kosovcov N.E.** Klassicheskoe vokal'noe obrazovanie v Rossii v XIX veke. Teoreticheskie osnovy i tradicii / N.E. Kosovcov // Cennosti i smysly. – 2018. – № 1 (53). – S. 45-64.
7. **Kosovcov N.E.** Vokal'no-pedagogicheskie tradicii v tvorchestve pedagogov-vokalistov XIX veka / N.E. Kosovcov // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2018. – № 2. – S. 113-120.
8. **Kulikova S.V.** Sovershenstvovanie istoriko – pedagogicheskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy // S.V. Kulikova, M.V. Boguslavskij // Psihologo-pedagogicheskij poisk. – 2013. – № 1(25). –S. 50-60**.**

УДК 378. 147

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ СРЕДСТВО WOLFRAMALPHA В ОБУЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТАМ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

Д.А. Власов

В центре внимания статьи – инструментальное средство WolframAlpha, использование которого в процессе обучения теории вероятностей позволяет реализовать прикладную направленность обучения, приблизить учебно-познавательную деятельность студентов экономического бакалавриата к будущей профессиональной деятельности в условиях информатизации экономических исследований. Представлены содержательно-методические особенности содержания математической подготовки студентов экономического бакалавриата на уровне задач определения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал. Показано, что методически целесообразное использование инструментального средства WolframAlpha в практике преподавания прикладных математических дисциплин позволяет более рационально организовать учебно-познавательную деятельность студентов, акцентировать внимание на развитие инновационных компонентов профессиональной компетентности, связанных с принятием решений в условиях риска и неопределенности. Использование WolframAlpha при обучении решению задач на определение вероятности попадания случайной величины в интеграл позволяет формировать представления о возможностях новых инструментальных средств при исследовании социально-экономических ситуаций, характеризующихся законами распределения с различными параметрами.

Ключевые слова: *бакалавр экономики, методические особенности, теория вероятностей, визуализация, математическое моделирование, рисковая ситуация, математическая подготовка.*

WOLFRAMALPHA TOOL IN TEACHING ELEMENTS OF PROBABILITY THEORY TO STUDENTS, SEEKING BACHELOR DEGREE IN ECONOMICS

D.A. Vlasov

WolframAlpha tool is in the focus of attention in this article. The usage of this tool in the course of teaching probability theory enable teachers to realize applied orientation of training, to bring students' educational and informative activities closer to future professional activity in the conditions of informatization of economic researches. The paper also represents substantial and methodical features of content of mathematical training of student, seeking bachelor degree in economics. These features are presented at the level of problems of identification of probability of a random variable entering a given interval. It is shown that the use of WolframAlpha tool in practice of teaching applied mathematical disciplines allows to organize educational cognitive activity of students more rationally, to focus attention on development of the innovative components of professional competence, connected with decision-making in the conditions of risk and uncertainty. The use of WolframAlpha while teaching how to solve problems of identification of probability of a random variable entering a given interval, allows to form ideas about potential of new tools, used to study social and economic situations, which are characterized by laws of distribution with various parameters.

Keywords: bachelor degree in economics, methodical features, probability theory, visualization, mathematical modeling, risk situation, mathematical training.

Задача нахождения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал считается одной из центральных задач теории вероятностей. Она возникает при изучении не только дисциплины «Теория вероятностей и математическая статистика», но и при изучении будущими бакалавра-

ми экономики других дисциплин прикладной математической подготовки – «Теория игр», «Теория риска», «Теория массового обслуживания», «Количественные методы и математическое моделирование» и др. Данная задачи играет особую роль в развитии модельных представлений студентов экономического бакалавриата о социально-экономических ситуациях, характеризующихся риском и неопределенностью.

Рассмотрим содержательно-методические особенности задач данного вида. С методической точки зрения необходимо отметить связь задачи нахождения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал с целым множеством математических понятий различного уровня сложности. Для более глубокого понимая методических особенностей задач данного вида мы предлагаем разбить базовые математические понятия на четыре уровня, содержание которых представлены далее.

Уровень I: «Интервал», «Неравенство», «Двойное неравенство», «Неравенство с модулем», «Случайная величина», «Дискретная случайная величина», «Непрерывная случайная величина», «Вероятность», «Несобственный интеграл», «Определенный интеграл».

Уровень II: «Закон распределения», «Эмпирическая функция распределения», «Функция распределения», «Плотность функции распределения».

Уровень III: «Равномерное распределение», «Гиперболическое распределение», «t-распределение Стьюдента», «Распределение Фишера», «Экспоненциальное распределение», «Логнормальное распределение», «Нормальное распределение», «Распределение хи-квадрат».

Уровень IV: «Бета распределение», «Распределение Вейбулла», «Полукруговое распределение (Вигнера)»; «Гамма распределение»; «распределение Гумбеля»; «Распределение Коши»; «Логистическое распределение»; «Распределение Мойала»; «Распределение Накагами»; «распределение Парето»; «Распределение Райса», «распределение Рэлея».

Важно раскрыть, почему задача нахождения *вероятности попадания случайной величины в заданный интервал* имеет существенное значение для развития профессиональной компетентности будущих бакалавров экономики. Важным компонентом профессиональной компетентности выпускников экономических университетов являются модельные продления о социально-экономических проблемах и ситуациях, методах их количественного анализа и моделирования. Необходимо принять во внимание, что большинство социально-экономических событий имеют вероятностную природу. В качестве примеров укажем следующие: событие *A* – «Доходность проекта не менее д.е.»; событие *B* – «Риск проекта не более д.е.»; событие *C* – «Долг по кредиту не менее и не более д.е.»; событие *D* – «Страхования сумма не менее и не более д.е.»; событие *E* – «Количество ежедневных посетителей *Internet*-магазина не менее».

Так как перечисленные события имеют *вероятностную природу*, для их анализа следует привлекать аппарат теории вероятностей, центральным понятием которой является вероятность – мера случайности. События *A* –

E демонстрируют лишь немногие приложения задачи нахождения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал для анализа социально-экономических ситуаций. В современных условиях анализ социально-экономических ситуаций требует привлечения элементов *риск-анализа* [19] и *актуарной математики* [16]. Таким образом, данный тип задачи в различных содержательных контекстах встречается в различных областях хозяйственно-экономической деятельности и является одним из приемов *повышения качества принимаемых решений* [10].

Несмотря на различные содержательные контексты данная задача может быть сведена к нескольким *типовым задачам*, на которых остановимся далее.

Типовая задача 1. Определение вероятности.

Типовая задача 2. Определение вероятности.

Типовая задача 3. Определение вероятности.

Типовая задача 4. Определение вероятности.

Типовая задача 5. Определение вероятности.

Типовая задача 6. Определение вероятности.

Данные типовые задачи также имеют важные модификации. Продемонстрируем их на примере типовой задачи 5, хотя аналогичное расширение затрагивает все представленные шесть задач.

Задача 5.1. Средняя величина и среднее квадратичное отклонение известны.

Задача 5.2. Средняя величина известна, среднее квадратичное отклонение неизвестно.

Задача 5.3. Средняя величина неизвестна, среднее квадратичное отклонение известно.

Хотя описанные выше задачи не являются алгоритмически сложными, они требуют *особого внимания со стороны преподавателей прикладных математических дисциплин* экономических университетов по причине разнообразия социально-экономических ситуаций, усложняющих процесс идентификации задачи и содержательной интерпретации получаемых результатов. Также следует отметить, что задача определения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал в практике преподавания математических дисциплин в экономическом бакалавриата часто встречается не изолированно, а в комплексе с другими задачами или является частью более сложных задач, например, задач теории приятия решений, требующих от студентов навыков комплексного применения вероятностного и математического моделирования.

Отметим, что задача определения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал имеет определенную *техническую (вычислительную) сложность*. Так, например, студентам для решения подобных задач требуются навыки работы со статистическими таблицами, в которых представлены значения специальных функций. Также практика изучения задач данного типа свидетельствует о сложностях, возникающих *при анализе содержательного смысла получаемых результатов* в терминах анализируемой социально-экономической ситуации. На данные

сложности указывает публикация [17], содержащая рекомендации по проведению количественного анализа социально-экономических ситуаций. Авторы рекомендуют использовать инструментальные средства для решения задач данного вида, а также определяют ориентиры для сравнительного анализа эффективности вероятностно-статистических методов.

Проанализируем далее математическую сущность задач данного вида. Под вероятностью попадания случайной величины в интервал принято понимать меру возможности выполнения неравенства, в котором есть нижняя и верхняя границы. Как уже отмечалось, содержательный смысл ситуаций, приводящих к задачам данного вида, может быть разнообразен. В качестве основных тематических направлений, полезных для составления прикладных задач социально-экономической тематики и расширения вероятностных представлений студентов экономического бакалавриата приведем следующие. Первое направление связано с *оценкой доходности финансовых активов*. В публикации [15] отмечается необходимость совершенствования вероятностно-статистической оценки доходности в контексте принятия решений и исследования бизнес-устойчивости компаний. Второе направление связано с *анализом автоматизированного производства* на основе закона распределения массы изделия. В рамках третьего направления на основе закона распределения качества производимой продукции ставится задача анализа качества. Четвертое направление подразумевает *управление количеством поступающих заявок* на основе закона распределения количества поступающих заявок). Пятое направление связано с *анализом спроса* на производимую продукцию на основе закона распределения спроса. Шестое направление позволяет выполнять простейший *актуарный анализ* на основе закона распределения страховых случаев. Седьмое направление связано с *оценкой рисков проектов* [18] на основе закона распределения риска (ущерба). На практических аспектах реализации данного направления мы остановимся далее.

Предположим, что существует величина ущерба (риска), тогда есть и плотность функции распределения риска (функция распределения риска). В такой ситуации, возникает задача определения вероятностей того, что ожидаемый ущерб случайно выбранного проекта будет не меньше её, но и не более определение величины. Требуется определить, насколько это возможно (высокая степень вероятности – «почти гарантировано», средняя степень вероятности – «возможно», низкая степень вероятности – «маловероятно»). Также инвесторов часто интересует вопрос – с какой вероятностью ожидаемая величина риска проекта попадет в некоторую зону, соответствующую уровню допустимого риска (данная зона определяется инвестором на основе ряда факторов, в том числе отношения к риску).

В качестве особых возможных случаев отметим вероятность того, что ожидаемый ущерб (риск) будет больше или меньше. С практической точки зрения многообразие рисковых ситуаций требует особого внимания к идентификации функции распределения риска. Отметим, что несмотря на то, что каждая рисковая ситуация является уникальной, выработан ряд классических и неоклассических функций рас-

пределения, позволяющих адекватно их моделировать. Более подробно методика идентификации и вероятностно-статистического анализа риска представлена в работе [9], где авторы указывают на востребованность использования компьютерного моделирования для построения функций распределения.

В качестве *типовой ошибки при решении задач* данного типа укажем неверный учет распределения вероятностей случайной величины (распределение имеет другой вид, распределение идентифицировано с ошибкой и др.), применяемой в вычислительном процессе. В большинстве университетских пособий и учебных программ по дисциплинам высшей экономической школы встречаются задачи, в которых указан вид распределения случайной величины, в частности, задано, что случайная величина имеет нормальное распределение (в предположении о непрерывном виде зависимости вероятности от величины).

С *методической точки зрения* следует понимать, что это всего лишь частный случай и с целью усиления прикладной направленности обучения математике не следует ограничиваться только им. Однако сокращение аудиторных часов на математические дисциплины, а также наблюдающееся изменение начального уровня математической подготовки студентов не предполагают всестороннего рассмотрения данных задач. Как результат, большинство выпускников не имеют навыков определения вероятности попадания случайной величины в заданный интервал, в случае если она имеет распределение вероятностей, отличное от нормального. Однако на уровне экономической магистратуры, в рамках специальных учебных дисциплин, связанных с математическим и имитационным моделированием социально-экономических систем, естественно, возникает потребность повторного обращения к задаче данного типа. Мы считаем, что *нельзя ограничиться исключительно нормальным распределением вероятностей*. Отметим, что инструментальное средство *WolframAlpha* поддерживает работу с различными законами распределения, что существенно расширяет работу преподавателя по подбору задач для организации учебно-познавательной деятельности студентов.

Решение описанных выше методических проблем в контексте высшей экономической школы нам представляется в области информатизации профессиональной подготовки будущих бакалавров экономики, в частности, применения нового инструментального средства *WolframAlpha*. Ранее в работах были рассмотрены различные приложения *WolframAlpha* в контексте анализа теоретико-игровых моделей, количественных методов и эконометрического моделирования.

Остановимся на организационно-методических аспектах информатизации математических дисциплин, преподаваемых в высшей экономической школе. Следует отметить исследования [12; 14], содержащие *рекомендации по использованию новых информационных технологий и средств информатизации* в процессе изучения математических дисциплин. Рассматривая процесс информатизации содержания прикладной математической подготовки будущего бакалавра экономики, нельзя не отметить исследования

[4; 11], раскрывающие *основные тенденции в сфере эволюционного развития методических систем обучения*. Авторы указывают на необходимость использования *потенциала педагогического проектирования и педагогических технологий* для внедрения информационных технологий во все этапы учебно-познавательной деятельности студентов.

Большой интерес для переосмысления возможностей информатизации учебного процесса по математическим дисциплинам в высшей экономической школе, на наш взгляд, представляют исследования [1; 2]. В них поднимаются различные вопросы, в том числе в области *повышения квалификации преподавателей* высшей школы в контексте информационно-коммуникационных технологий. Возможности информационных технологий для *индивидуализации* обучения математике в высшей школе раскрыты в публикации [13]. Авторы отмечают, что использование информационных технологий в рамках изучения темы «Дифференциальные уравнения» позволяет существенно расширить число прикладных задач, приводящих к моделям в виде дифференциальных моделей (дифференциальных уравнений).

Экспериментальное исследование *творческой активности студентов* в процессе обучения математике с использованием информационных технологий, результаты которого представлены в работе [3], свидетельствуют о *принципиальной эффективности информационных технологий* для решения актуальных методических задач, связанных с повышением качества математической подготовки. Отметим, что согласно публикации [6], информационные технологии следует рассматривать как *основу интегративного подхода в обучении математическим и естественнонаучным дисциплинам*, позволяющего существенно расширить модельные представления студентов.

Общедидактические аспекты информатизации на уровне высшей экономической школы представлены в исследованиях [5; 8]. Авторами выделены наиболее значимые *технологические приемы*, позволяющие управлять инновационными процессами. Отметим, что с нашей точки зрения ряд технологических приемов можно распространить на управление информатизацией прикладных математических дисциплин. В публикации [1] отмечается, что информационно-коммуникационные технологии и эффективная образовательная среда являются основой проектирования конкурентоспособного университета будущего.

Остановимся на *дидактических возможностях* инструментального средства *WolframAlpha* для исследования вероятностно-статистической оценки рисков проектов на основе закона распределения риска (ущерба). Итак, для нахождения вероятности попадания величины риска (случайной величины) в заданный интервал необходимо выполнить ввод специального запроса на определение искомой вероятности. Запрос содержит параметры для определения вероятности, указание на вид используемого распределения риска, параметры этого распределения. Следует обратить внимание студентов, что важно указать *вид распределения* случайной величины, а также все *необходимые параметры распределения*. Важно понимать, что один и тот же вид

распределения в зависимости от особенностей анализируемой социально-экономической ситуации может характеризоваться различными значениями параметров. В процессе анализа социально-экономических ситуаций ряд исследователей рекомендуют использовать нормальное распределение, задаваемое двумя параметрами – средней величиной и отклонением. В контексте анализа рисков проектов следует конкретизировать обозначения и содержательный смысл. Пусть существует множество проектов. На множестве проектов риски распределены нормально с параметрами у. е. (среднее значение ущерба), у. е. (средне-квадратичное отклонение ущерба).

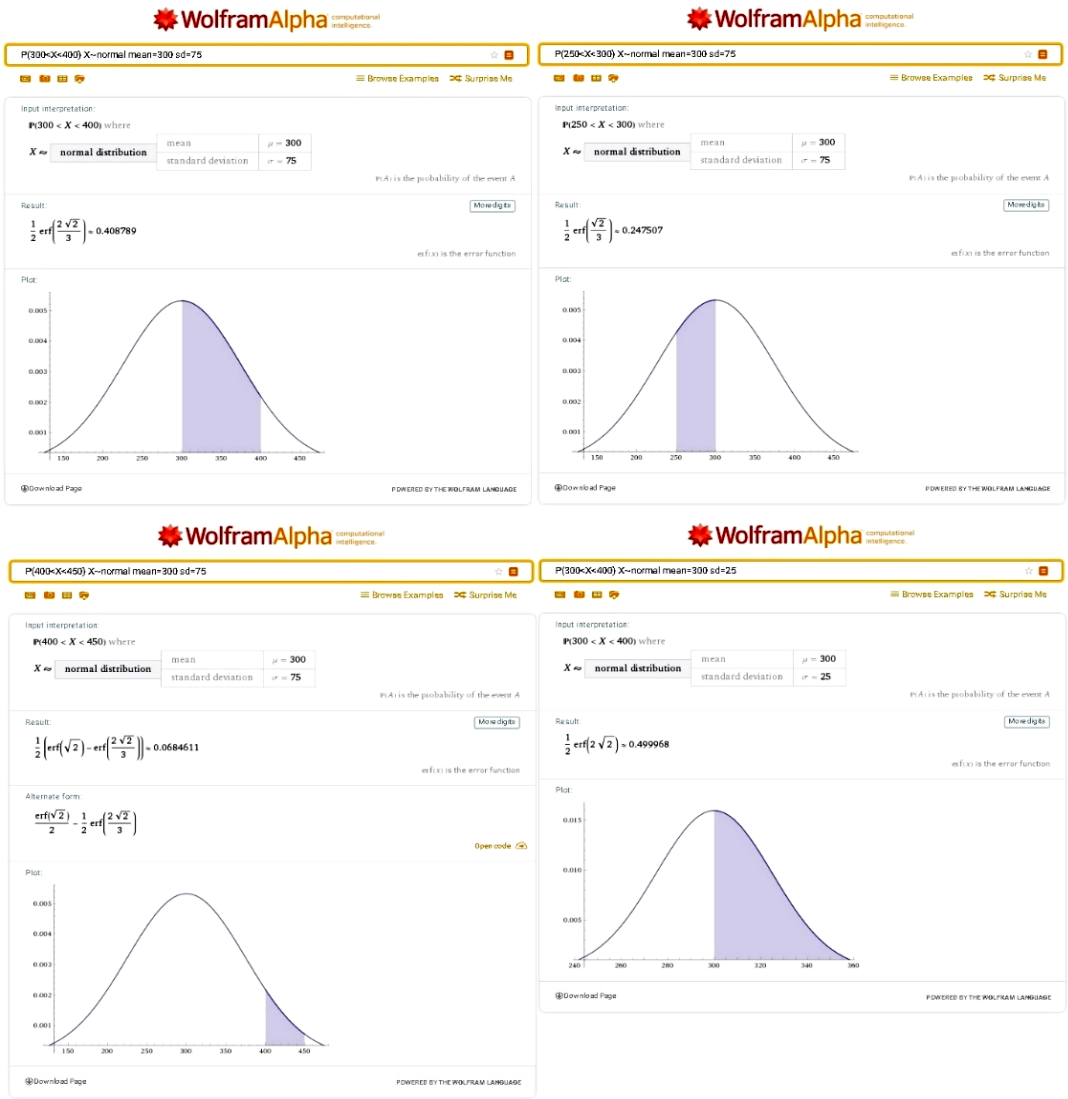

Рисунок 1. Примеры реализации задачи в инструментальном средстве *WolframAlpha*

Таблица 1. Запросы, реализуемые в инструментальном средстве *WolframAlpha*

Номер запроса	*Вид запроса*	*Параметры распределения риска*	*Результат (%)*
1	P(300<X<400) X~normal mean=300 sd=75		*40,88*
2	P(250<X<300) X~normal mean=300 sd=75		*24,75*
3	P(400<X<450) X~normal mean=300 sd=75		*6,85*
4	P(300<X<400) X~normal mean=300 sd=25		*49,99*
5	P(250<X<300) X~normal mean=300 sd=25		*47,83*
6	P(400<X<450) X~normal mean=300 sd=25		*1*
7	P(300<X<400) X~normal mean=500 sd=75		*8,74*
8	P(250<X<300) X~normal mean=500 sd=75		*0,34*
9	P(400<X<450) X~normal mean=500 sd=75		*16,13*

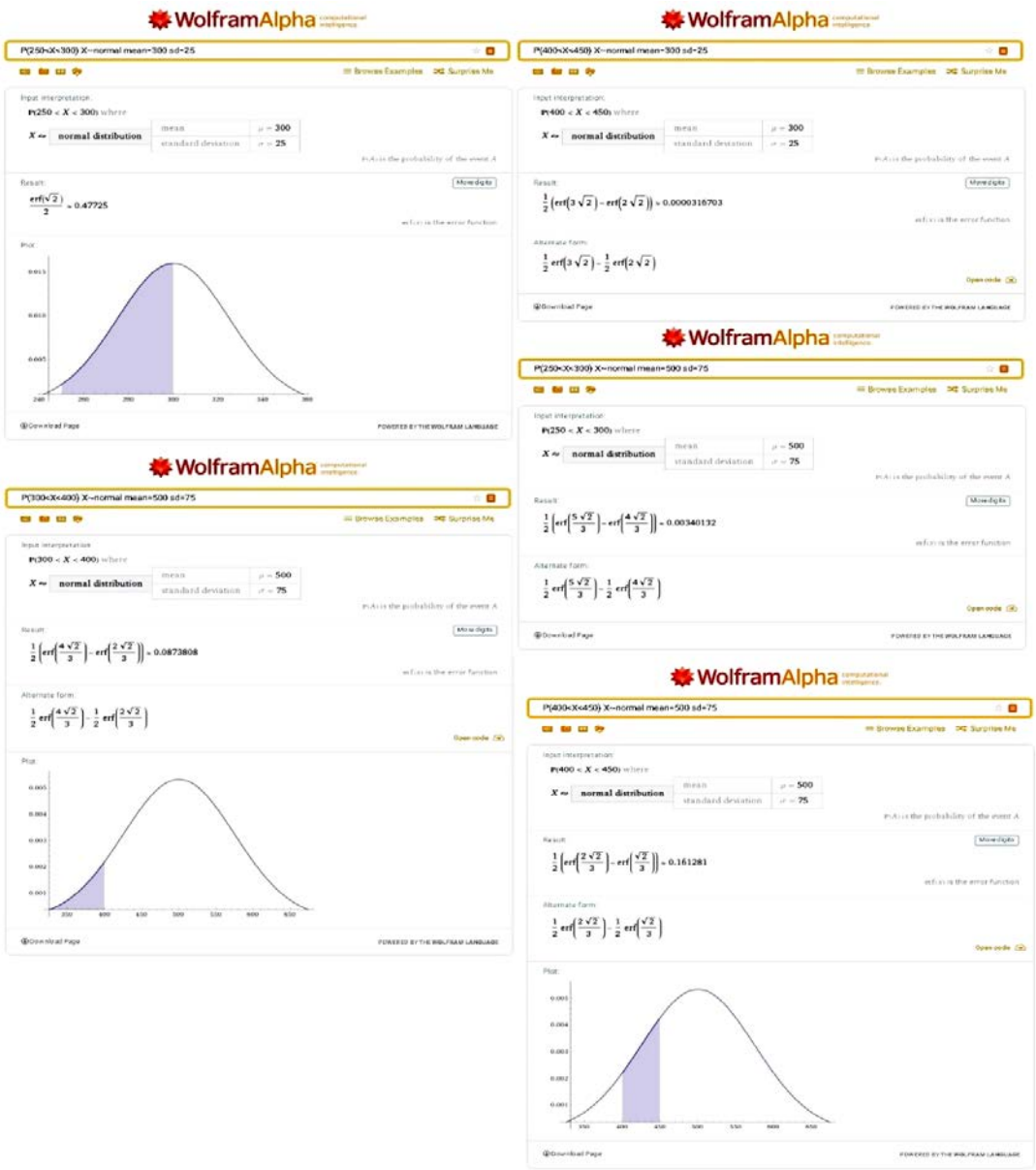

Рисунок 2. Примеры реализации задачи в инструментальном средстве *WolframAlpha*

При использовании инструментального средства *WolframAlpha* следует обратить внимание студентов, что оно позволяет не только получить числовой результат (определяемую вероятность), но и привести его *визуализацию* (график плотности распределения случайной величины с выделенным фрагментом – соответствующей криволинейной трапецией). В основе результатов, представляемых инструментальным средством *WolframAlpha,* лежит соотношение, позволяющее вычислять и визуализировать вероятность попадания случайной величины в заданный интервал при наличии информации о виде распределения. Следует обратить внимание студентов на то, что в условиях предположения о непрерывной зависимости вероятности от значений случайных величин аналогичный количественный результат может быть получен непосредственным интегрированием. С практической точки зрения такой традиционный подход характеризуется значительными трудностями, требует высокой математической культуры, поэтому может быть использован преподавателем однократно в иллюстративных целях.

Итак, продемонстрированы принципиальные возможности инструментального средства *WolframAlpha* для информатизации учебного процесса по прикладным математическим дисциплинам, предполагающим вероятностно-статистический анализ социально-экономических ситуаций. Представлены рекомендации по расширению числа прикладных задач социально-экономической тематики, приводящих к задаче определения вероятности попадания случайной величины в интервал. Показана связь задач данного типа с анализом рисковых ситуаций, принятием решений в условиях неопределенности и риска. Фрагменты учебно-познавательной деятельности и особенности её организации в условиях информатизации учебного процесса свидетельствуют о богатых дидактических и исследовательских возможностях инструментального средства *WolframAlpha*. В частности, включение *WolframAlpha* как дополнительного инструмента позволяет обогатить учебный процесс по прикладным математическим дисциплинам посредством многоаспектного рассмотрения моделируемых социально-экономических ситуаций.

Представленные фрагменты учебно-познавательной деятельности студентов экономического бакалавриата по решению задач определения вероятности попадания случайной величины в интервал на базе инструментального средства *WolframAlpha* могут быть полезны для совершенствования преподавания прикладных математических дисциплин в экономическом университете. В качестве направлений для дальнейших исследований отметим расширение банка прикладных задач социально-экономической тематики, требующих применения вероятностно-статистических методов и новых инструментальных средств, поддерживающих работу с различными функциями распределения случайных величин.

Список литературы

1. **Асланов Р.М.** Активные методы обучения в соответствии со стандартами CDIO при проектировании курса «Дифференциальные уравнения» средствами информационных технологий / Р. М. Асланов, Е.В. Беляева, С.А. Муханов // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 3-1. – С. 76-82.
2. **Асланов Р.М.** Электронное обучение вчера, сегодня, завтра. проблемы и перспективы / Р. М. Асланов**,** О. Г. Игнатова // Continuum. Математика. Информатика. Образование. – 2018. – № 1 (9). – С. 28-35.
3. **Афанасьев В.В.** Экспериментальное исследование творческой активности студентов в процессе обучения математике / В. В. Афанасьев, Е. И. Смирнов //Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 3. – С. 110-115.
4. **Бахтина О.И.** Теоретическое обоснование функционирования методической системы электронного обучения / О. И. Бахтина, В. М. Монахов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2018. – № 4. – С. 43-57.
5. **Гришин В.И.** Организация управления в «Умном» университете / В. И. Гришин, И. А. Калинина, П.А. Карасев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 5. – № 5. – С. 222-231.
6. **Калинина Е.С.** Интегративный подход в обучении математическим и естественнонаучным дисциплинам в вузах МЧС России / Е.С. Калинина // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2018. – Т. 1. – С. 86-89.
7. **Калинина И.А.** РЭУ им. Г. В. Плеханова как конкурентоспособный университет будущего / И.А. Калинина, П.А. Карасев // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2017. – № 6 (96). – С. 5-14.
8. **Кулапов М.Н.** Технологические аспекты теории управления инновационными процессами: системный анализ и подходы к моделированию / М.Н. Кулапов, В.П. Варфоломеев, П.А. Карасев // Друкеровский вестник. – 2018. – № 3 (23). – С. 82-100.
9. **Лихачев Г.Г.** Компьютерное моделирование и математическое обеспечение экономико-социальных задач / Г.Г. Лихачев, И.В. Сухорукова // Экономический анализ: теория и практика. – 2003. – № 5 (8). – С. 60-62.
10. **Мангушева Л.С.** Роль информационно-коммуникационных технологий в процессах группового принятия управленческих решений / Л.С. Мангушева, И.Г. Хайрулин // Транспортное дело России. – 2017. – № 1. – С. 42-44.
11. **Монахов В.М.** Эволюция методической системы электронного обучения / В.М. Монахов, С.А. Тихомиров // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 76-88.
12. **Муханов С.А.** Использование технологии Wolfram CDF при изучении нелинейных колебаний / С.А. Муханов, В.В. Бритвина, А.А. Муханова // Системные технологии. – 2018. – № 1 (26). – С. 23-26.
13. **Муханов С.А.** Использование информационных технологий для индивидуализации обучения математике на примере темы «Дифференциальные уравнения» / С.А. Муханов, А.А. Муханова, А.И. Нижников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2018. – № 1 (43). – С. 72-77.
14. **Смирнов Е.И.** Проектирование информационно-аналитических технологий обучения студентов-экономистов / Е.И. Смирнов, Е.Н. Трофимец // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 2. – № 2. – С. 137.
15. **Сухорукова И.В.** Оптимизация бизнес-устойчивости страховой компании / И.В. Сухорукова, Н.А. Чистякова // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18. – № 1 (484). – С. 96-107.
16. **Сухорукова И.В.** Страхование рисков при осуществлении совместной коммерческой деятельности компаньонов / И.В. Сухорукова, Н.А. Чистякова // Проблемы научной мысли. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 018-020.
17. **Тихомиров Н.П.** Моделирование социальных процессов / Н.П. Тихомиров, В.Я. Райцин. – М., Изд-во Российской экономической академии им Г. В. Плеханова, 1993. – 304 с.

18. Тихомиров Н.П. Методы теории риска в управлении природоохранной деятельности / Н.П. Тихомиров, Т.М. Тихомирова. – Экономика природопользования. – 1997. – № 5. – С. 118-129.
19. Тихомиров Н.П. Риск-анализ в экономике / Н.П. Тихомиров, Т.М. Тихомирова. – М.: Экономика, 2010. – 318 с.

References

1. Aslanov R.M. Aktivnye metody obucheniya v sootvetstvii so standartami CDIO pri proektirovanii kursa «Differencial'nye uravneniya» sredstvami informacionnyh tekhnologij / R.M. Aslanov, E.V. Belyaeva, S.A. Muhanov // Prepodavatel' XXI vek. – 2015. – № 3-1. – S. 76-82.
2. Aslanov R.M. Elektronnoe obuchenie vchera, segodnya, zavtra. problemy i perspektivy / R. M. Aslanov, O. G. Ignatova // Continuum. Matematika. Informatika. Obrazovanie. – 2018. – № 1 (9). – S. 28-35.
3. Afanas'ev V.V. Eksperimental'noe issledovanie tvorcheskoj aktivnosti studentov v processe obucheniya matematike / V. V. Afanas'ev, E. I. Smirnov //YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 1996. – № 3. – S. 110-115.
4. Bahtina O.I. Teoreticheskoe obosnovanie funkcionirovaniya metodicheskoj sistemy elektronnogo obucheniya / O. I. Bahtina, V. M. Monahov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. – 2018. – № 4. – S. 43-57.
5. Grishin V.I. Organizaciya upravleniya v «Umnom» universitete / V. I. Grishin, I. A. Kalinina, P.A. Karasev // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. – 2018. – T. 5. – № 5. – S. 222-231.
6. Kalinina E.S. Integrativnyj podhod v obuchenii matematicheskim i estestvennonauchnym disciplinam v vuzah MCHS Rossii / E.S. Kalinina // Sovremennoe obrazovanie: soderzhanie, tekhnologii, kachestvo. – 2018. – T. 1. – S. 86-89.
7. Kalinina I.A. REU im. G. V. Plekhanova kak konkurentosposobnyj universitet budushchego / I.A. Kalinina, P.A. Karasev // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. – 2017. – № 6 (96). – S. 5-14.
8. Kulapov M.N. Tekhnologicheskie aspekty teorii upravleniya innovacionnymi processami: sistemnyj analiz i podhody k modelirovaniyu / M.N. Kulapov, V.P. Varfolomeev, P.A. Karasev // Drukerovskij vestnik. – 2018. – № 3 (23). – S. 82-100.
9. Lihachev G.G. Komp'yuternoe modelirovanie i matematicheskoe obespechenie ekonomiko-social'nyh zadach / G.G. Lihachev, I.V. Suhorukova // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – 2003. – № 5 (8). – S. 60-62.
10. Mangusheva L.S. Rol' informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v processah gruppovogo prinyatiya upravlencheskih reshenij / L.S. Mangusheva, I.G. Hajrulin // Transportnoe delo Rossii. – 2017. – № 1. – S. 42-44.
11. Monahov V.M. Evolyuciya metodicheskoj sistemy elektronnogo obucheniya / V.M. Monahov, S.A. Tihomirov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 76-88.
12. Muhanov S.A. Ispol'zovanie tekhnologii Wolfram CDF pri izuchenii nelinejnyh kolebanij / S.A. Muhanov, V.V. Britvina, A.A. Muhanova // Sistemnye tekhnologii. – 2018. – № 1 (26). – S. 23-26.
13. Muhanov S.A. Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij dlya individualizacii obucheniya matematike na primere temy «Differencial'nye uravneniya» / S.A. Muhanov, A.A. Muhanova, A.I. Nizhnikov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatika i informatizaciya obrazovaniya. – 2018. – № 1 (43). – S. 72-77.
14. Smirnov E.I. Proektirovanie informacionno-analiticheskih tekhnologij obucheniya studentov-ekonomistov / E.I. Smirnov, E.N. Trofimec // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2010. – T. 2. – № 2. – S. 137.
15. Suhorukova I.V. Optimizaciya biznes-ustojchivosti strahovoj kompanii / I.V. Suhorukova, N.A. CHistyakova // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – 2019. – T. 18. – № 1 (484). – S. 96-107.

16. Suhorukova I.V. Strahovanie riskov pri osushchestvlenii sovmestnoj kommercheskoj deyatel'nosti kompan'onov / I.V. Suhorukova, N.A. CHistyakova // Problemy nauchnoj mysli. – 2018. – T. 4. – № 1. – S. 018-020.
17. Tihomirov N.P. Modelirovanie social'nyh processov / N.P. Tihomirov, V.YA. Rajcin. – M., Izd-vo Rossijskoj ekonomicheskoj akademii im G. V. Plekhanova, 1993. – 304 s.
18. Tihomirov N.P. Metody teorii riska v upravlenii prirodoohrannoj deyatel'nosti / N.P. Tihomirov, T.M. Tihomirova. – Ekonomika prirodopol'zovaniya. – 1997. – № 5. – S. 118-129.
19. Tihomirov N.P. Risk-analiz v ekonomike / N.P. Tihomirov, T.M. Tihomirova. – M.: Ekonomika, 2010. – 318 s.

УДК 378

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ СТУДЕНТАМИ СВОИХ ЗНАНИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА»

Е.В. Кузнецова, Т.П. Фомина

Одной из составляющих качественного математического образования является рефлексивная деятельность обучающихся. В статье представлены результаты анализа отношения студентов к изучению теории вероятностей и математической статистики. Анкетирование студентов групп МФ-3 и ФМ-3 проводилось дважды. Для исследования использовались методы корреляционного анализа. Исследование выявило устойчивость во времени студенческих оценок знаний по дисциплине. Подтвержден вывод о ключевом значении ценностного и эмоционального отношения к предмету в оценке студентами своих знаний.

Ключевые слова: проблемы обучения, математическое образование, теория вероятностей и математическая статистика, отношение студентов, анкетирование, методы корреляционного анализа.

THE RESEARCH OF STUDENTS' SELFASSESSMENT OF THEIR KNOWLEDGE IN THE SUBJECT "THEORY OF PROBABILITY AND MATHEMATICAL STATISTICS»

E.V. Kuznetsova, T.P. Fomina

One of the components of high-quality mathematical education is the reflexive activity of students. The article presents the results of the analysis of students ' attitude to the study of probability theory and mathematical statistics. Questioning of students from MF-3 and FM-3 groups was carried out twice. Methods of correlation analysis were used for the study. The study revealed that students' assessment of their knowledge in the subject was stable in the course of time. The author makes the conclusion that value-based and emotional attitude to the subject in the students' assessment of their knowledge plays a key role.

Keywords: learning problems, mathematical education, probability theory and mathematical statistics, students ' attitude, questionnaire, correlation analysis methods.

Ускорение и усложнение общественного развития на современном этапе ставит перед высшим образованием ряд проблем, требующих безотлагательного решения [1; 2], которое невозможно без вовлечения студентов, что соответствует принципам многомерного подхода, рассматривающего процесс обучения в единстве социального, психологического и педагогического аспектов [6].

Следуя выводу А.М. Новикова и Д.А. Новикова, любая деятельность (в том числе и учебная) включает фазу рефлексии [7, с. 610], поэтому способность осуществлять оценку своих результатов при изучении учебных дисциплин является компетенцией, необходимой каждому студенту. Поскольку «рефлексивные процессы должны постоянно пронизывать всю деятельность обучающихся» [7, с. 553], то данная способ-

ность нуждается в целенаправленном формировании. По мнению С.С. Кашлева, «рефлексивная деятельность является первостепенным условием оптимизации развития, саморазвития участников педагогического процесса» [4, с. 16]. Следовательно, очень важно как студенты оценивают свои возможности, достижения, эффективность.

Целью данной статьи является анализ результатов оценивания студентами своих знаний по теории вероятностей и математической статистике и выявление зависимости студенческих самооценок и оценок, выставленными преподавателем.

Для проведения опроса случайным образом была выбрана группа студентов. Опрос проводился дважды с интервалом в две недели, чтобы студенты, забыв свои ответы на вопросы анкеты, не успели значительно изменить свое мнение. Всего в опросе участвовали 26 студентов групп МФ-3 и ПМИ-3 Липецкого государственного педагогического университета, изучающих учебную дисциплину «Теория вероятностей и математическая статистика». Из них 21 человек (10 юношей и 11 девушек) участвовали в анкетировании оба раза. Для проведения опроса применялась анкета, разработанная одним из авторов статьи. Анкета содержит две шкалы, отражающие ценностное отношение (V-шкала) и эмоциональное восприятие (E-шкала). Пункты анкеты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. V-шкала: Мировоззрение и ценности

Переменная	Пункт опросника
V1	Вероятностные идеи и методы оказывают значительное влияние на развитие общества.
V2	Вероятностные идеи и методы не нужны в повседневной жизни.
V3	Изучение теории вероятностей и ее приложений развивает мышление и расширяет кругозор.
V4	Изучение теории вероятностей и ее приложений необходимо современному специалисту.
V5	Знания теории вероятностей и ее приложений будет полезно в дальнейшей учебе.
V6	Научные исследования требуют знаний в области теории вероятностей и ее приложений.
V7	Вероятностные идеи и методы играют важную роль в современном научном познании
V8	Я думаю, что теория вероятностей и ее приложения вряд ли пригодятся мне в профессиональной деятельности.

Таблица 2. Е-шкала: Эмоции (интерес и тревожность)

Переменная	Пункт опросника
E1	Мне интересно изучать вероятностные разделы математики.
E2	Мне было скучно при изучении этих разделов математики.
E3	Я легко справляюсь с задачами из данных разделов математики.
E4	Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор.
E5	Задачи на вероятность и случайность раздражают меня.
E6	Задачи, где есть неопределенность, случайность, вероятность, я решаю легко и спокойно.
E7	Изучение теории вероятностей и ее приложений – пустая трата времени
E8	Я бы хотел(а) больше знать и уметь в данной области.

Пункты анкеты были перемешаны в случайном порядке. Студентам предлагалось выразить степень своего согласия с представленными утверждениями в соответствии с 5-балльной шкалой Лайкерта: 1 – «Совершенно не согласен», 2 – «Не согласен», 3 – «Нейтрально», 4 – «Согласен», 5 – «Совершенно согласен». В работе [5] были доказаны согласованность и содержательная валидность теста. На данном этапе анкета была дополнена вопросом: «Оцените свои знания по дисциплине «Теория вероятностей и математическая статистика». Оценка проводилась по 5-балльной шкале. Также по 5-балльной шкале преподавателю было предложено оценить уровень знаний студентов в соответствии с результатами промежуточной аттестации [3].

Результаты проведенного опроса анализировались посредством применения непараметрических критериев сравнения и корреляционного анализа [8, 9] в программе STATISTICA.

Прежде всего, сравним, как различаются оценки студентами знаний, полученные на первом и втором этапах опроса. Коэффициент корреляции Спирмена равен 0,79 (p<0,001). Кроме того, применение непараметрических критериев, используемых для обнаружения наличия сдвигов в результатах двух испытаний (критерия знаков и критерия Вилкоксона), показало отсутствие статистически значимых изменений в оценках студентами уровня своих знаний по теории вероятностей за две недели занятий. Таким образом, студенческие оценки обладают устойчивостью во времени.

Рассмотрим, как связаны оценки студентами своих знаний с ценностным и эмоциональным отношением к предмету и зависят ли они от пола студента. Статистически значимые коэффициенты корреляции переменной *Знания* и переменных, отражающих отношение к предмету, а также корреляция переменной *Знания* и переменной *Пол* представлены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа студенческой самооценки знаний

	Valid	Spearman	t(N-2)	p-value
Знания & V4	21	0,48	2,377	0,028
Знания & V8	21	-0,47	-2,318	0,032
Знания & E3	21	0,56	2,932	0,009
Знания & E4	21	-0,49	-2,42	0,026
Знания & E6	21	0,57	2,935	0,009
Знания & Пол	21	-0,14	-0,593	0,561

Полученные результаты показывают, что студенческие оценки собственных знаний не зависят от пола. Также обнаружена положительная статистически значимая связь переменной *Знание* с переменной *V4* (Изучение Теории вероятностей и ее приложений необходимо современному специалисту) и отрицательная статистически значимая связь с переменной *V8* (Я думаю, что теория вероятностей и ее приложения вряд ли пригодятся мне в профессиональной деятельности). То есть студенты, которые предполагают, что теоретико-вероятностные методы важны для профессиональной деятельности, больше знают в данной области. Статистически значимая положительная корреляция переменной *Знание* и переменных *E4* (Я легко справляюсь с задачами из данных разделов математики) и *E6* (Задачи, где есть неопределенность, случайность, вероятность, я решаю легко и спокойно), а также отрицательная корреляция переменной *Знание* и переменной *E4* (Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор) доказывают наличие тесной взаимосвязи между студенческой оценкой своей эффективности (самооценка уровня знаний) и эмоциональным восприятием учебной деятельности. Студенты, которые легко справляются с задачами и не испытывают растерянности при их решении, выше оценивают свои знания и наоборот. Отметим непротиворечивость полученных знаков коэффициентов корреляции для пунктов анкеты, отражающих положительное и отрицательное отношение к изучению теории вероятностей.

И, наконец, рассмотрим, как связаны оценки знаний студентов преподавателем со студенческими самооценками. Статистически значимые коэффициенты корреляции представлены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа оценки знаний преподавателем и самооценки студентов

	Valid	Spearman	t(N-2)	p-value
Преподаватель& V3	21	0,41	1,97	0,064
Преподаватель& E3	21	0,44	2,13	0,047
Преподаватель & E6	21	0,39	1,82	0,084
Преподаватель & E7	21	-0,49	-2,46	0,024
Преподаватель& Знания	21	0,65	2,84	0,011

По итогам нашего исследования можно сделать вывод о том, что оценки преподавателя выше для тех студентов, которые считают, что теория вероятностей и математическая статистика развивают мышление и расширяют кругозор, легко справляется с предложенными задачами (положительная корреляция с переменными *V3,E3*, *E6*), и теми, кто уверен, что изучение теории вероятностей и ее приложений – пустая трата времени (отрицательная корреляция с переменной *E7*). Кроме того, имеется статистически значимая положительная корреляция оценок преподавателя и студенческих оценок своих знаний. Этот факт и непротиворечивость корреляционного анализа для оценок знания преподавателем и самооценок студентов доказывает возможность применения студенческих опросов для исследования отношения студентов к изучению теории вероятностей и математической статистики.

Список литературы

1. Андреев В.И. Глобализационные вызовы качеству жизни, качеству образования и саморазвитию человека XXI века / В.И. Андреев // Образование и саморазвитие. – 2010. – №1. – С. 3-12.

2. Баврин И.И. Высшее образование в информационном обществе: проблемы и перспективы / И.И. Баврин, Е.В. Кузнецова // Наука и школа. – 2016. – № 3. – С. 165-172.

3. Карлова М.Ю. Из опыта преподавания курса «Теория вероятностей и математическая статистика» для будущих учителей математики / М.Ю. Карлова, Т.П. Фомина // Вопросы современной науки и практики. Ун-т им. В. И. Вернадского. – 2018. – № 2 (68). – С. 155-162.

4. Кашлев С.С. Организация рефлексивной деятельности как педагогическое условие / С.С. Кашлев // Народная асвета. – 2010. – № 6. – С. 14-20.

5. Kuznetsova E. Multidimensional approach to training mathematics students at a university: improving the efficiency through the unity of social, psychological and pedagogical aspects / E. Kuznetsova, M.A. Matytcin // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. – 2018. – Vol. 49(3). – P. 401-416.

6. Кузнецова Е.В. Исследование отношения студентов математических направлений к изучению вероятностных разделов математики / Е.В. Кузнецова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – № 2 (50). – С. 142-150.

7. **Новиков А.М.** Методология / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. – М.: СИНТЕГ, 2007. – 668 с.

8. Фомина Т.П. Статистические методы исследования успеваемости студентов / Т.П. Фомина // Современное технологическое образование: опыт, инновации, перспективы: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Липецк, 26-27 апреля 2018 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 56-58.

9. Фомина Т.П. Оценка систем контроля знаний студентов по теории вероятностей и математической статистике / Т.П. Фомина // Современные проблемы высшего образования: материалы VII Международной научно-методической конференции. С.Г. Емельянов (отв. редактор). Курск, 2015. – С. 207-209.

References

1. Andreev V.I. Globalizacionnye vyzovy kachestvu zhizni, kachestvu obrazovaniya i samorazvitiyu cheloveka XXI veka / V.I. Andreev // Obrazovanie i samorazvitie. – 2010. – №1. – S. 3-12.

2. Bavrin I.I. Vysshee obrazovanie v informacionnom obshchestve: problemy i perspektivy / I.I. Bavrin, E.V. Kuznecova // Nauka i shkola. – 2016. – № 3. – S. 165-172.

3. Karlova M.YU. Iz opyta prepodavaniya kursa «Teoriya veroyatnostej i matematicheskaya statistika» dlya budushchih uchitelej matematiki / M.YU. Karlova, T.P. Fomina // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Un-t im. V. I. Vernadskogo. – 2018. – № 2 (68). – S. 155-162.

4. Kashlev S.S. Organizaciya refleksivnoj deyatel'nosti kak pedagogicheskoe uslovie / S.S. Kashlev // Narodnaya asveta. – 2010. – № 6. – S. 14-20.

5. Kuznetsova E. Multidimensional approach to training mathematics students at a university: improving the efficiency through the unity of social, psychological and pedagogical aspects / E. Kuznetsova, M.A. Matytcin // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. – 2018. – Vol. 49(3). – P. 401-416.

6. Kuznecova E.V. Issledovanie otnosheniya studentov matematicheskih napravlenij k izucheniyu veroyatnostnyh razdelov matematiki / E.V. Kuznecova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. – 2018. – № 2 (50). – S. 142-150.

7. Novikov A.M. Metodologiya / A.M. Novikov, D.A. Novikov. – M.: SINTEG, 2007. – 668 s.

8. Fomina T.P. Statisticheskie metody issledovaniya uspevaemosti studentov / T.P. Fomina // Sovremennoe tekhnologicheskoe obrazovanie: opyt, innovacii, perspektivy: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Lipeck, 26-27 aprelya 2018 g. – Lipeck: LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-SHanskogo, 2018. – S. 56-58.

9. Fomina T.P. Ocenka sistem kontrolya znanij studentov po teorii veroyatnostej i matematicheskoj statistike / T.P. Fomina // Sovremennye problemy vysshego obrazovaniya: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. S.G. Emel'yanov (otv. redaktor). Kursk, 2015. – S. 207-209.

УДК 371.486

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДОНА ДЖОВАННИ БОСКО

Доммарко Мария Кьяра

В статье рассматривается педагогическая концепция дона Джованни Боско; особое внимание обращается на ее актуальность.

Ключевые слова: воспитание, молодежь, дон Джованни Боско, салезианцы.

DON GIOVANNI BOSCO METHOD OF EDUCATION

Dommarco Maria Chiara

This article deals with the Don Giovanni Bosco's method of education, with special attention to his current relevance.

Key words: Education, youth, Don Giovanni Bosco, salesians.

Данная статья представляет собой попытку проанализировать воспитательную концепцию дона Джованни Боско (16.08.1815–31.01.1888 гг.), итальянского священника, которой посвятил всю свою жизнь воспитанию молодежи, а также показать актуальность его идей.

Джованни Боско – один из так называемых «Социальных Святых из Турина», к которым относятся и священники, и миряне, канонизированные Католической Церковью за их социальное служение бедным гражданам Турина. Действительно, в те годы большие города Италии – и особенно Турин – испытывали первые социальные трансформации, вызванные развитием вторичного сектора экономики. Эти изменения влекли за собой и целый ряд социальных проблем. В этой ситуации инициатива полностью оказалась в руках людей, которые не отказывали в помощи бедным и потерявшим надежду людям, и в городе Турин расцвела благотворительная деятельность [6, с. 108].

Джованни Боско достиг больших результатов в воспитании молодых людей, в том числе тех, кого считали совсем безнадежными. Педагогическая концепция дона Боско имеет не только теоретическую, но и практическую значимость для всех людей, вовлеченных в процесс воспитания и образования. Более того, теоретическая и практическая части, в его понимании, не могут быть разделены, поскольку, с одной стороны, его воспитательный метод родился из его личного опыта; а с другой – его сочинения, содержавшие полное описание его методов, являются попыткой объяснить его понимание не только тем, кто еще при его жизни или после его смерти занимался педагогической деятельностью, то есть отцам, братьям и сестрам салезианцам, но и сторонним людям, пораженным количеством его воспитанников. Для того чтобы показать педагогическую концепцию дона Джованни Бо-

ско, мы будем опираться на четыре работы самого туринского священника, а также на несколько других книг, в которых представлен его воспитательный метод. Отметим, что две из этих четырех книг туринского священника (книги о жизни Микела Магоне и Франческо Безукко) пока не переведены на русский, хотя опубликована книга о Магоне, основанная на биографии, написанной доном Боско [2, с. 2003].

Биографии Доменико Савио, Микеле Магоне и Франческо Безукко были опубликованы доном Джованни Боско соответственно в 1859 , в 1861 и в 1864 годах – середине работы туринского священника с молодежью. Для того чтобы лучше понять содержание и смысл данных публикаций, необходимо принять во внимание контекст эпохи и цели дона Боско. Хотя его призвание к священству и воспитанию молодежи были ясны ему с детства, значительной датой в его жизни стало 8 декабря 1841 г., когда он встретил Бартоломео Гарелли, подростка, приехавшего в город Турин в поисках работы [3, с. 3]. Самое главное для дона Боско была возможность через жизнь подростка засвидетельствовать, как Христос любит каждого человека, и в дальнейшем помогать молодым людям осознавать это самим. За почти двадцать лет дон Боско встретил тысячи подростков и наладил с ними тесные отношения, чтобы помогать им расти в любви к Богу и к другим людям, разделяя с ними трудности и радости, связанные с повседневной жизнью. Туринский священник начал принимать у себя дома десятки подростков, а потом создал Ораторий, то есть место встреч для воспитания молодежи. В 1850 г. при Оратории он открыл общежитие для студентов; в 1853 г. основал профессиональные школы и лаборатории для подростков; придумал законодательную систему по защите прав молодых рабочих, которая потом распространилась по всей объединенной Италии [6, с. 112].

Итак, в первой по хронологии изданной публикации дон Боско описывал жизнь Доменико Савио (1842-1857 гг.). В данной биографии можно заметить три главных момента, которые показывают некоторые черты педагогики дона Боско: Доменико был примером для подражания, поскольку он был очень прилежным студентом [4, с. 32-33, 37]; у него было внутреннее желание учиться без внешних приказов от начальства Оратории, ибо привлекательность поведения человека был признана более эффективной для его воспитания [7, с. 42]; он пытался подружиться с молодыми людьми, не интегрированными в группу Оратории из-за разных причин, и это казалось очень важным для хорошего состояния общества Оратории [7, с. 51].

Второй по времени была опубликована биография Микеле Магоне (1845–1859), первое издание которой появилось в 1861 г. Подобно Доменико, умиревшему в подростковом возрасте (15 лет), Микеле скончался, когда ему было 14 лет, но его история началась в совершенно других обстоятельствах. Если Доменико с детства заметно отличался от других молодых людей своим хорошим поведением и прилежностью, то Микеле, наоборот, был «маленьким атаманом» [2]. Дон Боско встретил его в селе Соммарива ди Боско, недалеко от Турина, когда священник ожидал поезд в Турин и слышал крики группы подростков и среди

них голос, которым он был поражен, – голос их «атамана», то есть Микеле Магоне. Доном Боско двигало желание познакомиться с ним, поэтому он подошел к нему и начал решительный разговор о жизни Микеле Магоне [7, с. 87-88]. Священник представился такими словами: «Я твой друг». Микеле, удивляясь, решил продолжить разговор и ответил нахально и громко: «Кто я? (...) Это Микеле Магоне, генерал развлечения» [7, с. 87]. Дон Боско не испугался и продолжал задавать еще вопросы о нем самом и его жизни, Микеле неожиданно начал отвечать на вопросы все более серьезно: его отец умер, его мама работала служанкой в одной семье, он с братьями сделал ее несчастной, и Микеле не знал, где ему работать [7, с. 87]. Поезд пришел, и дон Боско попрощался с ребятами, оставив Микеле маленькую медаль с просьбой отдать ее священнику – настоятелю сельского прихода, чтобы тот написал дону Боско письмо о Микеле и его семейном положении [7, с. 87]. Спустя несколько дней Микеле поступил в Ораторию, но дон Боско хотел, чтобы тот решил сам, что делать: либо учиться, либо получить профессиональную подготовку [7, с. 89-90]. Микеле, которого не один раз выгоняли из школы, выбрал учебу, благодаря тому, что он встретил человека, который дал ему не только еще один шанс, но и отцовские любовь и уважение. Хотя Микеле по своей природе остался «хулиганом», он постепенно становился прилежным и аккуратным [7, с. 90, 98].

Третья биография – рассказ о жизни Франческо Безукко. Он родился в селе Арджентера, в крестьянской семье, которая позволила ему не только работать на полях и пасти стада, но и ходить в начальную школу [7, с. 125, 132]. Франческо поступил в Ораторий в августе 1863 г., когда ему почти исполнилось 14 лет [7, с. 142]. Несмотря на то, что он с детства был прилежным, за несколько дней пребывания в Оратории Франческо не смог почувствовать себя комфортно в отношениях с другими ребятами из-за того, что он считал себя не таким, как они [7, с. 142]. Скорее всего, Безукко испытывал «культурный кризис», приехав из маленькой Арджентеры в Турин, и дон Боско, заметив грусть молодого человека, начал с ним разговаривать [7, с. 20]. Когда Франческо спросил у священника, что надо сделать, тот ответил: «Если ты хочешь стать хорошим человеком, тебе нужны три вещи (...). Веселье, учеба и милосердие» [7, с. 142]. Дон Боско помог Франческо обратить внимание на то, что самая жизнь в Оратории, включающая ежедневный график учебы, отдыха и возможность практиковать христианскую веру, могла бы помочь ему гармонично расти. Также он понимал, что способен не только принимать новые вызовы, но и преодолевать трудности. Кроме того, стоит заметить, что дон Боско считал очень важным для воспитания молодежи рациональный подход в принятии решений.

Самая главная публикация дона Джованни Боско, посвященная его педагогической концепции, называется «Упреждающая система». Первое ее издание вышло в августе 1877 г. Туринский священник обратил внимание читателя на то, что эта публикация является только наброском книги, которую он планировал написать. Однако в итоге полная книга так и не была написана из-за огромного объема воспита-

тельной работы автора. Надо принять во внимание, что описанная Джованни Боско система являлась инновационной в рамках воспитательных методов XIX века, хотя современному читателю она может показаться обычной. Кроме того, данная публикация не является трактатом по педагогике, но она включает замечания, основанные на живом и удачном опыте воспитания подростков самим доном Боско и первыми его помощниками.

Первая часть представляет собой описание двух систем, применявшихся в воспитании молодежи: *упреждающая* и *репрессивная*. По мнению дона Боско, для репрессивной системы характерны следующие черты: сначала подчиненных знакомят с законом; затем за ними наблюдают, чтобы заметить тех, кто нарушил его, и, если нужно, их наказать; наставник при этом должен быть строгим, суровым, он обязан не только избегать какой-либо близости с подчиненными, но и вообще встречаться с ними только изредка, в основном для того, чтобы угрожать или наказывать кого-либо [5, с. 14]. Священник делает вывод о том, что данная система – «простая, необременительная» и «в особенности хорошая в армии и вообще со взрослыми» [5, с. 15].

Противоположностью репрессивной является упреждающая система, принятая в салезианских вузах. Дон Боско ее охарактеризовал таким образом: после того как воспитанники познакомятся с предписаниями и правилами института, они все время находятся «под неусыпным взглядом директора или его помощников», которые должны, «как любящие отцы», советовать и исправлять ошибки «с любовью» [5, с. 15]; эта система исключает суровые наказания, однако изредка разрешаются иногда легкие наказания; она «целиком опирается на разум, веру и доброжелательность», то есть на употребление разума со стороны наставника, на христианскую веру, которая двигала инициативу дона Боско и на любовь между наставниками и воспитанниками [5, с. 15].

Кроме того, он указывал на эффективные средства, помогающие добиться гармоничного роста молодежи: театр, музыку, гимнастику, прогулки и «полную свободу бегать, прыгать, шуметь в свое удовольствие» [5, с. 18]. Последняя часть содержит некоторые четкие высказывания о наказаниях. Дон Боско характеризовал наказания всегда как ненасильственные, сохраняющие дружественные отношения между воспитателем и воспитанником. Завершая описание своей системы, туринский священник говорит о собственном удавшемся опыте воспитания: «Вот уже почти сорок лет, как я общаюсь с молодежью, и не припомню, чтобы когда-либо применял какие-либо наказания, но с Божьей помощью всегда добивался не только того, чего следовало добиться, но даже и желаемого, и причем с такими подростками, которые казались совсем погибшими» [5, с. 24]. Стоит заметить, что через год после публикации данной брошюры дон Боско написал министру внутренних дел Франческо Криспи письмо с просьбой «представить основания, на которых можно пользоваться упредительной системой, применяемой к подвергающимся опасностям отрокам на улицах и в воспитательных обителях и приютах» [3, с. 103].

Таким образом, дон Боско, исходя из своего удачного опыта воспитания, по-

ставил вопрос не только о педагогических приемах, но, шире, о принципах воспитания.

Прежде всего, туринский священник высоко оценил действенность личного повседневного опыта человека на двух разных, тем не менее тесно связанных уровнях: воспитателя и воспитанника. Со стороны воспитателя требуется, чтобы он обращал внимание на опыт других людей, применявших упреждающую систему, и на свой собственный опыт – годы юности, а также саму практику воспитания. Со стороны воспитанника личный опыт является средством, через которое он может заметить в себе изменения и оценить прогресс, произошедший благодаря особенным отношениям его с воспитателем, а также заметить разницу между периодом жизни до встречи с людьми, применяющими упреждающую систему, и в период после данной встречи.

Исходя из важности человеческого опыта, дон Боско поставил акцент на использовании разума для воспитателя и для воспитанника. Первый в рамках нерепрессивной системы обязан всегда взывать к разуму ребят, никогда не прибегать к насилию и не злоупотреблять влиянием. Второму наставники помогают понять разумность данной воспитательной системы и способность принимать в своей жизни решение самостоятельно, что становится возможным благодаря гармоничному росту, который обеспечивает упреждающая система. В связи с этим дон Боско подчеркивал важность для подростков иметь ежедневный график учебы, отдыха и времени развлечений.

Еще один важный момент в его концепции – диалог с молодыми людьми. Действительно, весь его метод основан на возможности не только вести диалог на словах, но и видеть пример жизни воспитателя. Кроме того, любовь воспитателя к подопечным, какими бы они ни были по природе или намерениям, дает подросткам возможность встречаться со взрослым человеком, который с надеждой смотрит на него и дает ему еще один шанс.

Из решения дона Боско написать поучительные биографии Доменико Савио, Микеле Магоне и Франческо Безукко можно сделать вывод, что главную роль в его педагогике играло убеждение молодежи через пример другого молодого человека, живущего в тех же самых обстоятельствах среди друзей такого же возраста. Поскольку дон Боско понимал, что для воспитателя практиковать репрессивную систему гораздо проще, чем упреждающую, он предлагал распространять свой метод образования, начиная с воспитанника. Только так, по его мнению, можно было преодолеть старые воспитательные и педагогические подходы.

И последний по порядку, но не по значимости момент: применение упреждающей системы имело положительный в рамках общества результат, что подтвердило ее способность масштабно влиять на формирование общественного устройства в нужном направлении через воспитание и перевоспитание молодежи.

Данные выводы из упреждающей системы дона Джованни Боско, способствующие в их сущности гармоничному развитию молодого человека, являются актуальными и для современных воспитателей и воспитанников.

Список литературы

1. **Дон Боско.** Почитание мощей святого Иоанна Боско. Россия-Беларусь, 2013 год / Дон Боско. – Roma: Издание Централизованной религиозной организации «Католический орден – Салезианцы Дона Боско», 2013.
2. **Гуцети К.М.** Этот плут Микеле. Приключения маленького атамана / К.М. Гуцети. – Гатчина: Салезианский Центр «Дон Боско», 2003.
3. **Брайдо П.** Упреждать, а не наказывать. Воспитательная система Дона Боско / П. Брайдо. – Гатчина: Салезианский Центр «Дон Боско», 2008.
4. **Боско Т.** Дон Боско. Новая биография / Т. Боско. – Гатчина: Салезианский Центр «Дон Боско», 2003.
5. **Св. Иоанн Боско.** Упреждающая система Дона Боско. Наставник в воспитании / Св. Иоанн Боско. – Гатчина: Салезианский Центр «Дон Боско», 1999.
6. **Sicari A.** Ritratti di Santi / A. Sicari. – Milano: Jaka Book, 1987.
7. **Bosco G.** Vite di Giovani. Le biografie di Domenico Savio, Michele Magone e Francesco Besucco / G. Bosco; под. ред. Aldo Giraudo. – Roma: LAS, 2012.
8. http://www.donboscosanto.eu/elenco_alfabetico_oe.php
9. http://www.museotorino.it/view/s/9af32d4dc49248f183e6d87ee4aba757

References

1. **Don Bosko.** Pochitanie moshchej svyatogo Ioanna Bosko. Rossiya-Belarus' 2013 god / Don Bosko. – Roma: Izdanie Centralizovannoj religioznoj organizacii «Katolicheskij orden – Saleziancy Dona Bosko», 2013.
2. **Guceti K.M.** Etot plut Mikele. Priklyucheniya malen'kogo atamana / K.M. Guceti. – Gatchina: Salezianskij Centr «Don Bosko», 2003.
3. **Brajdo P.** Uprezhdat', a ne nakazyvat'. Vospitatel'naya sistema Dona Bosko / P. Brajdo. – Gatchina: Salezianskij Centr «Don Bosko», Gatchina, 2008.
4. **Bosko T.** Don Bosko. Novaya biografiya / T. Bosko. – Gatchina: Salezianskij Centr «Don Bosko», 2003.
5. **Sv. Ioann Bosko.** Uprezhdayushchaya sistema Dona Bosko. Nastavnik v vospitanii / Sv. Ioann Bosko. – Gatchina: Salezianskij Centr «Don Bosko», 1999.
6. **Sicari A.** Ritratti di Santi / A. Sicari. – Milano: Jaka Book, 1987.
7. **Bosco G.** Vite di Giovani. Le biografie di Domenico Savio, Michele Magone e Francesco Besucco / G. Bosco; pod. red. Aldo Giraudo. – Roma: LAS, 2012.
8. http://www.donboscosanto.eu/elenco_alfabetico_oe.php
9. http://www.museotorino.it/view/s/9af32d4dc49248f183e6d87ee4aba757

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.42

НОВЫЙ ФОРМАТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОУЧАСТВУЮЩЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

А.В. Гамурак

В статье рассматривается уникальный опыт проведения открытого форума по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица», на основе которого команде департамента строительства и транспорта Белгородской области удалось добиться весомых результатов по переформатированию общественных пространств Белгорода посредством методов тактического урбанизма и соучаствующего проектирования.

Внимание фокусируется на возможностях нового подхода к переосмыслению городских пространств на основе творческой самореализации горожан в проектах благоустройства, привлечения структур власти, представителей бизнеса и экспертов в процессы формирования комфортной среды. Успех совместной миссии по совершенствованию городских пространств предопределяется выстроенными коммуникациями и активизацией горожан в процессе принятия решений по изменению, реконструкции или преобразованию среды.

Ключевые слова: общественное пространство, городская среда, урбанизм, тактический урбанизм, соучаствующее проектирование.

NEW FORMAT OF PUBLIC SPACES THROUGH THE PRISM OF PARTICIPATORY DESIGN

A.V. Gamurak

The article deals with the unique experience of holding the Green Capital open landscape architecture and environmental design forum, on the basis of which the team of the Construction and Transport Department of the Belgorod region managed to achieve significant results in reformatting Belgorod's public spaces through tactical urbanism and participatory design.

The author's attention focuses on the possibilities of a new approach to rethinking urban spaces based on the creative self-realization of citizens in landscaping projects, involving government structures, business representatives and experts in the processes of creating a comfortable environment. The success of the joint mission to improve urban spaces is predetermined by the good communications and activization of citizens in the decision-making process on changing, reconstructing or transforming the environment.

Key words: public space, urban environment, urbanism, tactical urbanism, participatory design.

«Город – это лаборатория человечества,
в которой люди собираются, чтобы мечтать,
творить, строить и перестраивать».
Эдвард Глейзер, 2012

Вопросы комфортной городской среды волнуют сегодня не только архитекторов, градостроителей, урбанистов и социологов. За последние несколько лет в обиход уверенно вошли понятия «комфортный город», «город для людей», «реконструкция общественных пространств». В процесс формирования облика города активно включаются сами горожане. Анализ

зарубежных практик и собственного опыта подсказывает, что создать востребованное общественное пространство с перспективами развития и новыми возможностями для города невозможно без привлечения граждан, заинтересованных в благоустройстве собственной среды обитания. Во многом этому способствовал принятый в 2017 году при поддержке Минстроя РФ и не имевший прецедентов приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды», благодаря которому российские города должны стать удобнее для жизни. Его основная цель подразумевает не только масштабные трансформации, но и даёт хороший импульс начать преобразования системно, взяв за основу повышение качества и комфорта городской среды, а также используя принципы соучастия граждан.

Механизмы соучаствующего проектирования рекомендованы к использованию при проектировании и реализации проектов комплексного благоустройства и развития городской среды Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. «Соучаствующее проектирование» мы рассматриваем как процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта. Это современный механизм реализации участия общественности в процессе принятия решений по изменению, реконструкции и преобразованию среды, а также как один из инструментов развития местного самоуправления, который способствует формированию чувства сопричастности к месту и повышению эффективности управленческих и планировочных решений [1, с. 3].

Большая потребность в соучаствующем проектировании возникает при создании и реконструкции общественных пространств, в особенности – центральных городских территорий: парков, скверов, площадей, улиц и набережных, а также дворовых территорий.

Таким образом, в процесс переосмысления образа жизни в городе на законных основаниях вовлекаются структуры власти, бизнес-сообщества, градостроители и сами горожане. Впервые в документе такого уровня особое внимание было уделено вовлечению граждан и представителей предпринимательского сообщества. Целевой моделью методических рекомендаций Минстроя были предусмотрены такие формы вовлечения, как общественные обсуждения, форумы, выполнение работ/оказание услуг, трудовое участие, финансовое участие, анкетирование, опросы, интервьюирование, картирование, проведение фокус-групп, работа с отдельными группами пользователей, организация проектных семинаров, организация проектных мастерских (воркшопов), проведение дизайн-игр с участием взрослых и детей, организация проектных мастерских со школьниками и студентами, школьные проекты (рисунки, сочинения, пожелания, макеты), проведение оценки эксплуатации территории, а также консультирование.

Различные города России – от миллионников (Москва, Казань, Санкт-Петербург) до сравнительно небольших (Саранск, Вологда, Калуга) — на практике доказывают важность и жизненную необходимость гражданского соучастия в процессе проектирования и преобразования общественных городских пространств, дворовых территорий и т.д. Только в 2017 году в реализации проектов по формированию комфортной городской среды приняли участие 1 653 муниципальных образований численностью 85,9 млн человек [2].

Немногим ранее – до вывода темы комфортной среды обитания на федеральный уровень – в 2012 году, по инициативе общественного деятеля Максима Каца и блогера Ильи Варламова в числе первых подобных организаций, заслуживающих внимания, был создан Фонд по исследованию и созданию комфортной городской среды в Москве. Спустя два года в Санкт-Петербурге ими же был запущен некоммерческий проект «Городские проекты». Формат миссии предусматривал активизацию интеллектуального потенциала жителей и гостей Северной столицы, готовых совершенствовать городское пространство на благо сограждан. Используя современные урбанистические подходы, «Городские проекты» разрабатывают, анализируют и стремятся к воплощению идей, направленных на повышение комфортности городской среды [3].

Процесс коллабораций для достижения общих целей в переосмыслении культурного кода города и формирования комфортной городской среды успешно запускает и группа известного отечественного урбаниста Святослава Мурунова, давая возможность горожанам по-новому взглянуть на среду своего обитания. В этом плане слышно созвучие с мнением известного американского учёного, специалиста по когнитивной нейропсихологии и психогеографии Колина Элларда, полагающего, что «сегодня, пожалуй, как никогда прежде неравнодушные граждане мира стремятся понять, как работает пространство, и даже сделать что-то для его улучшения» [4, с. 11].

Город Белгород также начал движение по пути переосмысления, открывая собственные плюсы тактического урбанизма и соучаствующего проектирования, подбирая соответствующий инструментарий для воплощения в жизнь идеи о городе добра и благополучия.

Значительный опыт по переформатированию общественных пространств был получен при организации и проведении в Белгороде открытого форума по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица», стартовавшего два года назад. Он стал беспрецедентным источником практических навыков и наработок для всех участников: представителей властных структур и бизнеса, горожан и ландшафтных дизайнеров, архитекторов и урбанистов. Ежегодное мероприятие проводится департаментом строительства и транспорта Белгородской области при поддержке губернатора и регионального правительства. На несколько дней форум видоизменяет привычное горожанам общественное пространство, значительно расширяя возможности его социокультурного статуса и многократно повышая его привлекательность.

Первые итоги переосмысления общественного пространства (территории возле учебно-спортивного комплекса Светланы Хоркиной НИУ БелГУ) с помощью методов тактического урбанизма форум подвёл в 2017 году. Его ключевой темой стали вопросы развития городских пространств с акцентом на культуру формирования среды обитания путём современного, качественного, но при этом недорогого ландшафтного дизайна. Разнообразие представленных композиций, арт-объектов и инсталляций высоко оценили не только гости и участники, но также эксперты форума. Площадь конкурсных садов составляла от 20 до 100 квадратных метров. Кроме того, на территории разместили фантазийные мини-огороды, оформленные участниками в возрасте от 3 до 15 лет для номинации «Детские ландшафтные проекты». В деловую программу были включены образовательные семинары, мастер-классы и воркшопы, где эксперты в области ландшафтного дизайна, архитектуры, экологии, биологии работали со слушателями в рамках заявленных организаторами секций: «Городские общественные пространства», «Городское озеленение», «Создание комфортной среды обитания», «Экологическое воспитание», «Детские пространства в городе». Деловая программа форума транслировалась в прямом эфире на экран, установленный там же, на площадке перед спортивным комплексом Светланы Хоркиной. Организованные с помощью Белгородской государственной филармонии джазовые концерты под открытым небом удачно дополняли многоплановую программу форума, значительно увеличивая привлекательность обычно немноголюдного городского пространства.

Ряд известных российских и зарубежных специалистов в сфере дизайна, урбанистики, архитектуры, ландшафтного проектирования высоко оценили формат мероприятия и его возможности для выработки новых стратегий формирования комфортной городской среды.

Второй форум, прошедший в мае 2018 года в городском парке Победы, повторил успех первого и вновь доказал, что активное сообщество жителей помогает городу становиться по-настоящему комфортным и интересным. Основой таких преобразований мы считаем творческую составляющую деятельности самих горожан, их желание брать на себя ответственность за изменения, которые меняют жизнь отдельно взятой территории и самого города к лучшему.

Второй форум по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну был посвящён вопросам обустройства парков и общественных пространств, культуре городской среды и развитию велотранспортной инфраструктуры, что предопределило тематику номинаций (выставочный сад, велоинсталляция, детский ландшафтный проект и специальная тема для мини-садов: «Сирень Победы»). К участию были привлечены различные организации, структуры власти, в том числе муниципалитеты, волонтёры, а также представители сферы торговли, включая городских предпринимателей, не имеющих возможности создать собственные стационарные торговые точки в черте города в силу высокой арендной платы. Минимальный размер стартовых инвестиций и предоставляемый шанс апробации идеи соб-

ственного бизнеса привлёк к участию многих бизнесменов. Полученный опыт оказался успешным и эффективным.

В рамках форума организаторами был проведён массовый костюмированный велопарад, который возглавила команда департамента строительства и транспорта. Подобных масштабных мероприятий с привлечением не только велосипедистов-любителей, но и представителей целых трудовых коллективов, по сути, на территории области ещё не было.

Ещё на этапе зарождения идеи вместе со всеми сторонами-участницами форума были выстроены коммуникации, позволившие в том числе запрограммировать предстоящие трансформации общественного пространства. Так, в городскую среду успешно интегрировались новые объекты: перед зданием городского художественного музея был создан выставочный сад-цветник «Аметистовые переливы» британского ландшафтного дизайнера Каспиана Робертса, выполненный специально для форума; на реке Везёлке — «Сады на воде»; в центре парка — композиция «Белгород — город первого салюта»; рядом с фонтаном — сенсорный сад. Облик парка, знакомого многим горожанам с детства, дополнился яркими цветниками, кустами коллекционной сортовой сирени, малыми архитектурными формами, а также современной и удобной сценой, что по достоинству оценили жители и гости города.

В ноябре 2018 года белгородская «Зелёная столица» получила высшую награду – золотой диплом национальной архитектурной премии и памятный знак «Зелёный куб» в номинации «Событие года».

Двухлетний опыт проведения форума даёт нам веские основания рассматривать данное событие в том числе как инструмент образования и мобилизации гражданского участия. Заложенные традиции стимулировали механизм дальнейшего саморазвития проекта. Процесс, обретающий новые формы по мере накопления знаний, понимания реальности и её изменения, выявил желание горожан отстаивать свои права на хорошие парки и скверы, добиваться позитивных результатов собственными усилиями на основе творческой активности.

Базируясь на полученном опыте, команда организаторов «Зелёной столицы» в настоящее время разрабатывает проект, который предстоит осуществить – реорганизацию сквера «Горсад», находящегося недалеко от вышеупомянутого парка Победы. Сквер стал интересен с точки зрения своего местонахождения (исторический и культурный центр города). Здесь наглядно проявляется утрачиваемый исторический облик старого Белгорода, и нам важно проанализировать особенности ландшафтной архитектуры этой территории, которые помогут в перспективе не только реконструировать культурный код города, но и стать ориентирами в современном ландшафте.

В ходе осуществления задуманных преобразований планируется спроектировать реконструкцию и высадку дополнительных зелёных насаждений, сформировать новый облик сквера за счёт обустройства территории с учётом актуальных тенденций и вовлечения жителей и эксплуатантов прилегающих объектов при проработке проектных решений. Предусмотрено создание детской игровой площадки с возможно-

стью участия детей с ограниченными физическими возможностями, а также декоративное освещение сквера. Одна из целей, которую ставит перед собой наша команда – сделать сквер максимально комфортным для семейного отдыха, создав все условия для приятных, удобных и безопасных пешеходных прогулок, времяпрепровождения с детьми, с доступностью пеших прогулок для различных категорий граждан, в том числе для маломобильных категорий населения. Мы провели предпроектный анализ с привлечением архивных данных, поскольку считаем важным сохранить сквер и находящиеся на его территории сооружения и объекты как точки притяжения. Здесь расположен фонтан «Пасхальный» и несколько городских кафе, и эти точки фактически становятся частью чьей-то личной городской истории, формируя определённый культурный слой (код) данного пространства. Представляется уместным вспомнить здесь высказывание заслуженного архитектора Российской Федерации Павла Андреева: «О городе мы судим не только и не столько по его архитектуре, сколько по собственным ощущениям в конкретном пространстве» [5, с. 88].

В ближайшем будущем предстоит провести дополнительные исследования, воркшопы, опросы и анкетирование жителей этого района для максимально полного раскрытия в городском ландшафте истории и культурного наследия данного общественного пространства. Нет сомнений в том, что система осмысленных открытых общественных пространств «позволит связать исторические факты с современной жизнью города, в результате чего жители смогут не только использовать город для удовлетворения своих потребностей, но и полюбить его, узнать, чем интересна каждая улица, стать частью своего района, транслировать культурный код следующим поколениям» [6, с. 79]. В итоге, по нашему замыслу, данное общественное пространство должно принять те формы, которые максимально комфортны и востребованы горожанами. Пространство «способно служить подосновой для знаков коммуникации внутри группы, для коллективной памяти», – пишет Кевин Линч в своём знаменитом произведении «Образ города». Запоминающийся ландшафт – это каркас, на котором воздвигаются социально значимые мифы. Общие воспоминания о родном городе и этой местности могут стать простой основой контакта ранее незнакомых между собой людей. А в «противовес беспокойному, вызываемому утерей ориентации, добротный образ окружения даёт важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним миром» [7, с.17–18].

Итак, успех совместной миссии по формированию комфортной городской среды возможен только в партнёрстве. Человеческая заинтересованность в изменениях, касающихся его среды обитания, социальные ресурсы так же важны, как правительственная инициатива и талант градостроителя. Именно человеческая энергия и гражданская активность, видение перспективы и желание приобрести новый смысл жизни, прочувствовать новые акценты могут стать главными драйверами сотрудничества власти всех уровней и граждан. И тогда в городском пространстве можно будет воплотить наши общие мечты о комфортном и удобном для жизни городе.

Список литературы

1. Рекомендации Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды [автор Н. Снегирева]. – 2017. – 36 с.
2. Отчёт о реализации Приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2017 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/f66/ITOG-13.04.2018-Go-dovoy-otchet-po-gorsrede.pdf. Дата обращения 12.01.2019 г.
3. Городские проекты Ильи Варламова и Михаила Каца в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: http:// spb. city4 people.ru/ Дата обращения 25.12.2018 г.
4. Колин Эллард Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Эллард Колин / Издание на русском языке, перевод, оформление. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 288 с.
5. Андреев П.Ю. Иерархия пространства / П.Ю. Андреев // Urban magazine. – 2016. – №2/3. – с. 75–88.
6. Фролова В.А. История формирования города Мытищи. Проблемы реконструкции культурного кода города и самоидентификации жителей / В.А. Фролова // Вестник. Зодчий. 21 век. – Информационно-аналитический журнал. – 2017. – май. – с. 78–79.
7. Линч К. Образ города / Кевин Линч; перевод с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

References

1. Rekomendacii Ministerstva stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva Rossijskoj Federacii po organizacii obshchestvennogo uchastiya v realizacii proektov kompleksnogo blagoustrojstva gorodskoj sredy [avtor N. Snegireva]. – 2017. – 36 s.
2. Otchyot o realizacii Prioritetnogo proekta «Formirovanie komfortnoj gorodskoj sredy» v 2017 godu [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/f66/ITOG-13.04.2018-Go-dovoy-otchet-po-gorsrede.pdf. Data obrashcheniya 12.01.2019 g.
3. Gorodskie proekty Il'i Varlamova i Mihaila Kaca v Sankt-Peterburge [Elektronnyj resurs]. – URL: http:// spb. city4 people.ru/ Data obrashcheniya 25.12.2018 g.
4. Kolin Ellard Sreda obitaniya: Kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie / Ellard Kolin / Izdanie na russkom yazyke, perevod, oformlenie. – M.: Al'pina Pablisher, 2016. – 288 s.
5. Andreev P.YU. Ierarhiya prostranstva / P.YU. Andreev // Urban magazine. – 2016. – №2/3. – s. 75–88.
6. Frolova V.A. Istoriya formirovaniya goroda Mytishchi. Problemy rekonstrukcii kul'turnogo koda goroda i samoidentifikacii zhitelej / V.A. Frolova // Vestnik. Zodchij. 21 vek. – Informacionno-analiticheskij zhurnal. – 2017. – maj. – s. 78–79.
7. Linch K. Obraz goroda / Kevin Linch; perevod s angl. V.L. Glazycheva; pod red. A.V. Ikonnikova. – M.: Strojizdat, 1982. – 328 s.

УДК 004.056.52

СИСТЕМА ДВУХКОНТУРНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СРЕДЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. Землянская, Ю.В. Шмарион

Информационная защищенность общества, государства и индивида станет систематической и надежной тогда, когда она будет опираться на рациональные ценностные и моральные устои общества. Современная информационная безопасность вызывает беспокойство как на уровне индивида, так и на государственном уровне в целом. К сожалению, современные системы информационной безопасности способны идентифицировать лишь явные угрозы, в то время как латентные угрозы остаются в зоне недосягаемости системного видения. Преодолеть такие угрозы весьма сложно, так как они требуют аналитических социологических исследований, позволяющих не только установить причинно-следственные связи, но и определить социальные механизмы блокирования информационных угроз конкретной социальной группе или обществу в целом. Такой подход требует не только существенных материальных затрат, но и глубокого социологического осмысления потенциальных угроз от возможного деформирования моральных устоев общества. Традиционно это важную для современного российского общества проблему специалисты, ответственные за ее разрешение, переводят в разряд неразрешимых проблем. Так формируется управленческая инерция, ведущая к дальнейшему расширению комплекса латентных информационных угроз, создающая достаточно часто катастрофическую негативную тенденцию в развитии регионального сообщества или общества в целом.

Ключевые слова: информационная защищенность общества, информационные угрозы, мультипликационные фильмы, информационная безопасность, риски.

THE DUAL SOCIAL SYSTEM OF INFORMATION SECURITY MANAGEMENT OF YOUNGER STUDENTS IN THE ENVIRONMENT OF MASS CULTURE

A.V. Zemlyanskaya, Yu.V. Shmarion

Information protection of the society, the state and an individual will become systematic and reliable only when it is based on moral values of the society. People as well as the state in general are concerned with the current level of information security. Unfortunately, modern systems of information security enable people to identify only obvious threats, while hidden threats often remain uncovered by them.

It is very difficult to overcome such threats as they require analytical sociological studies, which make it possible not only to identify causes and consequences, but also to find out mechanisms to block information threats to a certain social group or society in general. Such an approach requires considerable investment and deep sociological understanding of dangers that these threats can bring on to society moral foundations.

Traditionally experts treat this significant problems as an unsolvable one. This way an administrative inertia is formed, resulting in increase of hidden information threats. Consequently, a catastrophically negative tendency is created, hampering the development of local communities or society in general.

Key words: information security of the society, information threats, cartoons, risks

На сегодняшний день огромную тревогу вызывает проблема информационной безопасности [1] младших школьников. В условиях массовой культуры родителям, а также педагогам сложно уследить за тем, какие мультфильмы смотрит ребенок, какие сайты посещает в Интернете. В связи с

этим существуют определенные риски [2], связанные прежде всего с получением негативной информации со стороны масс-медиа, транслирующих «достижения» массовой культуры [3] самым разнообразным социальным слоям в любые уголки земного шара. В процессе тотальной «культурной гомогенизации» велика вероятность того, что ребенок, стремительно «поглощая» не лучшие образцы массовой культуры, не будет гармонично развиваться.

Сложность проблемы информационной безопасности [4] подрастающего поколения предполагает на первом этапе ее осмысления и оценки возможных рисков провести аналитическое социологическое исследование, направленное на выяснение того, каким образом осуществляется младшими школьниками просмотр зарубежных мультипликационных фильмов, оказывающих наиболее существенное влияние на формирование личностных качеств младшего школьника [5]. Для исследования была выбрана школа № 51 г. Липецка, в которой в младших классах все школьники живут в одном районе, у них практически одинаковое семейное (68,4% школьников проживают в полных семьях) и экономическое положение (53,3% семей относят себя к среднему классу). Следовательно, все основные факторы, определяющие формирование личности младшего школьника, являются однородными, за исключением фактора несанкционированного просмотра зарубежных фильмов. Анализ документов показал, что в младших классах МАОУ СШ № 51 г. Липецка отмечается однородная половозрастная категория учеников. Эмпирические данные были получены методом анкетирования. Выборка – случайная. Объем выборки составил 312 человек. Обработка данных проводилась с помощью статической программы SPSS statistics.

Анализ данных показал, что школьники, которые просматривают зарубежные мультфильмы, не скажут взрослым, что их друг украл чужую вещь (60,5%). Они будут обзывать полного мальчика (72,5%), не уступят место в автобусе (59,8%), не поделятся сладостями (67,1%), не будут общаться с одноклассниками (48,6%), а также затруднятся ответить, есть ли у них друзья (58,2%). Таким образом, мультипликационные фильмы зарубежного производства при прочих равных условиях формируют у учеников неправильное представление о моральных, нравственных нормах, терминальных и инструментальных ценностях [6].

Для того чтобы решить данную проблему, необходимо рассмотреть возможность социального управления в социотехнической системе, состоящей из масс-медиа (телевизор, Интернет), обеспечивающих неограниченный доступ к «достижениям» массовой культуры (в данном случае зарубежным мультфильмам), объекта (младшего школьника), желающего получить неограниченный доступ к мультипликационным фильмам зарубежного производства [7], субъекта (родителя), желающего минимизировать риски негативного влияния зарубежных мультфильмов на формирование личности младшего школьника и обезопасить ребенка, представителей системы образования (классный руководитель и завуч школы), в функциональные обязанности которых входит организация воспитательного процесса подрастающего поколения. Объектом управления является младший школьник, субъектами двух-

ступенчатого социального управления являются родители и представители образовательного учреждения. Входными данными являются содержание зарубежных мультфильмов, обладающих как позитивным, так и негативным воздействием на формирование желаемых личностных качеств младшего школьника. «Исполнительным устройством», реализующим управляющее воздействие, является родитель, который организует санкционированный просмотр рекомендуемых зарубежных мультфильмов совместно со своим ребенком. Функциональная схема двухконтурной системы социального управления информационной безопасности младших школьников в среде массовой культуры представлена на рисунке 1.

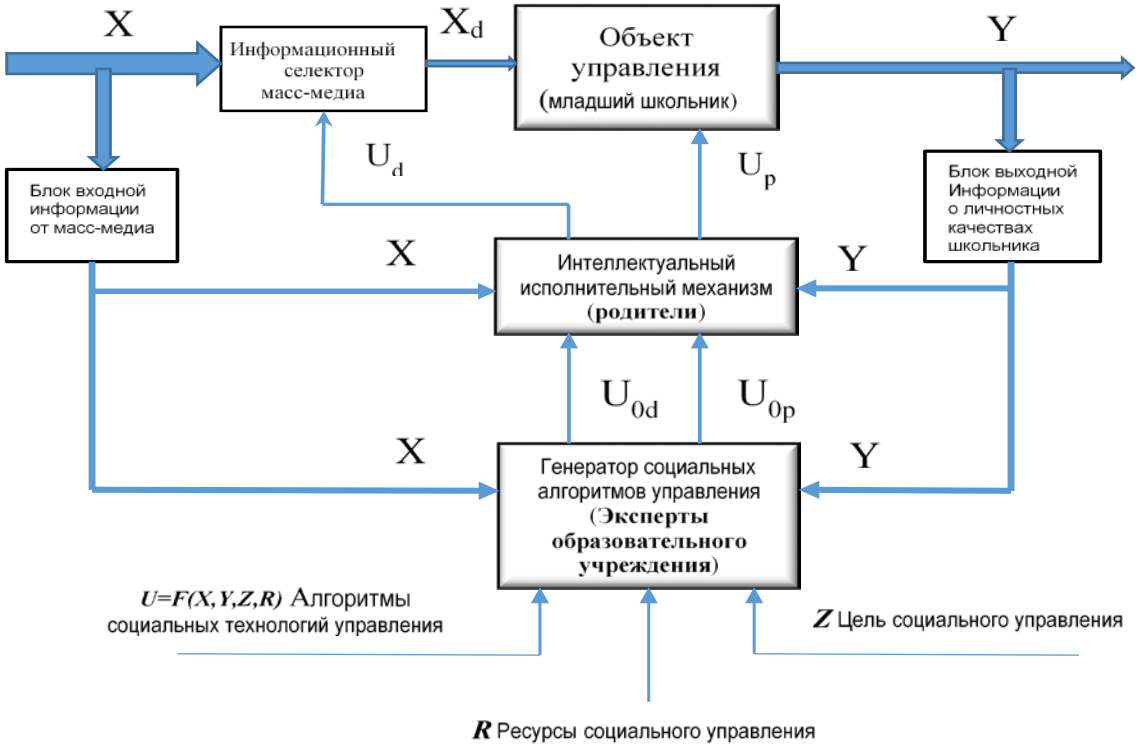

Рис. 1. Функциональная схема системы двухконтурного социального управления информационной безопасности младших школьников в среде массовой культуры

На представленной схеме используются следующие обозначения:
X – множество зарубежных мультипликационных фильмов, представленных в масс-медиа и доступных для просмотра;
X_d – определенный экспертами образовательного учреждения перечень зарубежных мультфильмов, целесообразных для просмотра младшими школьниками данного образовательного учреждения;
Y – совокупность личностных качеств младшего школьника, сформированных в результате просмотра зарубежных мультфильмов, рекомендованных экспертами

образовательного учреждения для просмотра младшими школьниками данного образовательного учреждения;
U_{0d} – алгоритм социальной технологии управления;
($U_{0d} = F(X, X_d, Z, R)$) – определенный экспертами образовательного учреждения перечень зарубежных мультфильмов (с указанием их основных воспитательных характеристик и реквизитов доступа), целесообразных для совместного просмотра младшим школьником вместе с родителями данного мультфильма с его последующим обсуждением;
U_d – выбранный родителями из определённого экспертами образовательного учреждения перечня зарубежных мультфильмов (U_{0d}) наиболее актуального с воспитательной точки зрения мультфильма для данного ребенка;
U_{0p} – алгоритма социальной технологии управления;
($U_{0d} = F(X_d, Y, Z, R)$ – определенные экспертами образовательного учреждения потенциальные воспитательные характеристики рекомендованных зарубежных мультфильмов с указанием методических рекомендаций по обсуждению с ребенком содержания каждого мультфильма после совместного просмотра его младшим школьником с родителями;
U_p – выбранный из определённого экспертами образовательного учреждения перечня зарубежных мультфильмов (U_{0p}) родителями соответствующего ребенка «позитивный» зарубежный мультфильм с методическими указаниями к нему, который является наиболее актуальным для данного ребенка с воспитательной точки зрения;
R – ресурсы социального управления;
Z – цель социального управления – формирование позитивных личностных характеристик младших школьников посредством просмотра мультипликационных фильмов, представленных в масс-медиа общего беспрепятственного доступа.

Разработка алгоритмов социальных технологий управления информационной безопасностью младших школьников в условиях массовой субкультуры базируется на системном, деятельностном и социально-технологическом подходах. Правовой основой алгоритмов социальных технологий управления является Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ, ст. 5 п. 2 (ред. от 01.05.2017) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Разработке социальных технологий предшествует определение «технологического коридора», в рамках которого будет формироваться допустимое для просмотра множество зарубежных мультипликационных фильмов.

Процедура 1. **Определение границ «технологического коридора» эффективного функционирования социальной технологии**.

Для определения характеристик «технологического коридора» экспертами образовательного учреждения для каждого логически завершенного отрезка учебного года (семестр, полугодие, триместр и т.п.) на основе Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ, ст. 5 п. 2 (ред. от 01.05.2017) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и с учетом достигнутого на данный момент уровня развития младших школьников разрабатываются критерии позитивной и негативной содер-

жательной наполненности мультфильмов [8].

Считается, что следующие зарубежные мультипликационные фильмы имеют негативную содержательную наполненность:

1. Мультфильм побуждает детей к совершению негативных девиантных действий. Это проявляется, если главный герой сознательно нарушает правила дорожного движения, прыгает по крышам и т.п.

2. Положительный герой употребляет наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принимает участие в азартных играх, занимается проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, что побуждает детей попробовать эту продукцию.

3. В поступках главного героя мультипликационного фильма демонстрируются насильственные действий по отношению к людям или животным. Например, главный герой издевается над животными, может позволить себе избить членов своей семьи, друзей и окружающих.

4. Сюжетная линия отрицает традиционные семейные ценности, а также пропагандирует однополые отношения. Например, члены семьи не взаимодействуют между собой, не уважают друг друга, позволяют себе говорить неправду о каких-либо событиях.

5. Главными героями одобряется противоправное поведение.

6. В речи главных героев мультфильмов используется нецензурная лексика, слова-паразиты, присутствует грубая речь.

7. В информации мультфильмов присутствует порнографический компонент.

Критерии, определяющие позитивную содержательную наполненность мультипликационного фильма:

1. Формирование положительной картины мира:

- главный герой добрый и спокойный, готов прийти на помощь окружающим;
- отрицательный персонаж легко перевоспитывается;
- окружающий мир отзывчив;
- добро побеждает зло;
- главному герою легко найти друзей;
- существует взаимовыручка у персонажей мультфильма;

2. Формирование семейных ценностей. Члены семьи часто разговаривают между собой, дают советы друг другу, присутствует уважительное отношение к младшим и страшим. В семье царит любовь и взаимопонимание.

3. Мультфильм имеет четкую направленность на воспитание. Мультипликационный фильм учит, что такое добро, что такое зло.

4. Мультипликационный фильм акцентирует внимание на позитивных моментах процесса социализации:

- главный герой учит, как найти верных друзей, общаться со старшим поколением, взаимодействовать с окружающей миром;
- в сюжете представлены сцена, где главный герой выхаживает птенца, сажает дерево, строит кормушки и т.п.

5. Положительно выстроен образ матери, девушки, девочки. Женщина предстает в мультфильме как заботливая мама, понимающая сестра и верный друг.

Процедура 2. Определение наиболее популярных масс-медиа среди младших школьников. Эксперты образовательного учреждения с использованием опросных методов получения эмпирических данных определяют ранжированный ряд средств масс-медиа. В опросе участвуют младшие школьники и их родители. Сбор данных осуществляют классные руководители.

Процедура 3. Анализ программ наиболее популярных масс-медиа. В результате этой процедуры формируются списки зарубежных мультфильмов, которые будут демонстрироваться по каждому конкретному средству масс-медиа, а также отмечается время их демонстрации. Эту работу выполняют классные руководители по заданию завуча по воспитательной работе.

Процедура 4. Формирование списка мультфильмов, рекомендованных и запрещенных к просмотру младшими школьниками.

После разработки критериев оценки содержания просмотра и анализа программы передач, а также ознакомления с критериями мультфильмов завуч по воспитательной работе создает список запрещенных мультипликационных фильмов (см. таблицу 1) и российских мультфильмов, рекомендованных (см. таблицу 2) к просмотру.

Таблица 1 – Не рекомендованные к просмотру зарубежные мультфильмы, формирующие негативные личностные качества младших школьников

Наименование мультфильма	Мультфильм побуждает детей к совершению девиантных действий	Вызывает у детей желание употребить наркотические средства и т.п.	Восхваляет насильственные действий по отношению к людям или животным	Отрицает семейные ценности, пропагандирует однополые отношения	Присутствует нецензурная лексика	Пропагандирует порнографию
Monster High	+	–	+	+	–	–
Губка Боб - Квадратные штаны	+	+	+	+	–	–
Клуб Винкс – школа волшебниц	+	+	+	+	–	+
Том и Джерри	+	–	+	+	–	–
Шрек	+	+	+	+	–	–
Кик Бутовски	+	+	+	+	–	–
Свинка Пеппа	+	+	+	+	–	–
Чудище Бансен	+	+	+	+	–	+
Мой шумный дом	+	+	+	+	–	–

Таблица 2 – Рекомендованные к просмотру российские мультфильмы, формирующие позитивные личностные качества младших школьников

Название мультфильма	Формирование положительной картины мира	Формирование семейных ценностей	Четкая направленность на воспитание	Мультипликационный фильм преподает, как правильно социализироваться ребенку	Положительно выстроенный образ матери, девушки, девочки
Кот Леопольд	+	+	+	+	+
Котенок по имени Гав	+	+	+	+	+
Простоквашино	+	+	+	+	+
Крокодил Гена	+	+	+	+	+
Смешарики	+	+	+	+	+
Фиксики	+	+	+	+	+
Король лев	+	+	+	+	+
Винни-Пух (1969)	+	+	+	+	+
Красавица и чудовище	+	+	+	+	+

Процедура 5. Разработка экспертами образовательного учреждения методических рекомендаций родителям для обсуждения с младшими школьниками мультфильмов позитивного содержания. Методические рекомендации размещаются на сайте образовательного учреждения и доступны из личного кабинета каждому родителю.

Процедура 6. Информирование родителей конкретного класса со списком мультфильмов, актуальных для данного класса.

Классный руководителей на родительском собрании знакомит родителей со списком мультфильмов, которые рекомендовано смотреть (таблица 2) и с мультфильмами, которые запрещены к просмотру (таблица 1).

Процедура 7. Определение потенциальных рисков от просмотра запрещенных мультипликационных фильмов.

Классный руководитель организует экспертный опрос о потенциальной опасности нерекомендованных мультипликационных фильмов. Экспертами выступают родители младших школьников, каждый из которых заполнят таблицу рисков, соотнеся риск со степенью его опасности, которая оценивается на трех уровнях: высокая, средняя, низкая (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Оценка потенциальной опасности мультипликационных фильмов

Риск	Уровень опасности
1. Формирование отрицательной картины мира	
2. Формирование негативных представлений о семейных ценностях	
3. Негативное отношение к пожилым людям	
4. Негативное отношение к окружающей природе	
5. Развитие таких качеств как: эгоизм, жадность, безразличие, безжалостность, грубость, лень	
6. Появление вредных привычек	
7. Раннее взросление	

Социологические исследования, проведенные в МАОУ СШ № 51 г. Липецка, показали, что 65% опрошенных родителей учащихся младших классов считают, что существует высокая степень опасности формирования отрицательной картины мира, негативного представления о семейных ценностях, а также развития отрицательных качеств личности у школьника. Негативное отношение к пожилым людям и окружающей природе 20% родителей относят к средней степени опасности. И к низкой степени опасности 15% относят появление вредных привычек и раннее взросление.

Процедура 8. Информирование родителей о статистических данных уровня опасности и обучение их ведению на протяжении триместра журнала просмотра ребенком мультипликационных фильмов (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Журнал просмотра мультипликационных фильмов

Оцените, сформировались ли **положительные качества у школьника** после просмотра рекомендованных мультфильмов?			Оцените, сформировались ли **отрицательные качества у школьника** после просмотра запрещенных мультфильмов?		
Характеристика качества	Да	Нет	Характеристика качества	Да	Нет
Формирование положительной картины мира			Совершение девиантных действий		
Формирование семейных ценностей			Тяга к употреблению алкоголя и наркотических средств		
Формирование положительного отношения к дружбе			Использование нецензурной лексики		
Формирование правильного образа девушки			Отрицательное отношение к семейным ценностям		
Доброжелательное отношение к пожилым людям и животным			Формирование негативных личностных качеств: эгоизма, жадности, грубости, лени и т.п.		
*			*		
*			*		

*Поля для самостоятельного заполнения родителями

Процедура 9. Анализ экспертами образовательного учреждения родительских журналов просмотра младшим школьником мультипликационных фильмов.

Процедура 10. Экспертами образовательного учреждения с позиций деятельностного подхода выполняется разработка мероприятий, направленных на развитие положительных качеств у младших школьников [9]. Разработанные мероприятия предполагают их реализацию в виде общего мероприятия для всего класса под руководством классного руководителя (см. таблицу 5) или аналогичного мероприятия в семейном кругу с активным участием школьника, родителей, ближайших родственников. Завуч по воспитательной работе проводит анализ мероприятий. Школьники с родителями готовят отчет о проведенном мероприятии. Классный руководитель проводит конкурс отчетов. В конкурсную комиссию входят школьники, родители, эксперты образовательного учреждения.

Таблица 5 – Мероприятия по развитие положительных качеств у младших школьников

Даты начала и окончания триместров	Рекомендованные мультфильмы	Предлагаемые мероприятия
С 1 сентября по 5 (7) октября	Сказка про лень (1967 г)	1. Просмотр мультипликационного фильма и обсуждение его. 2. Уборка территории около школы, посадка цветов в школьном уголке.
С 14 октября по 16 (18) ноября	Гуси-Лебеди, Простоквашино, Маугли, Жил-был пес и т.п.	Просмотр советских мультфильмов и обсуждение их на классном мероприятии
С 25 ноября по 27 (29) декабря	Дед Мороз и лето, Простоквашино.	1. Просмотр мультипликационного фильма и обсуждение его. 2. Мероприятие «Новый год вместе с семьей»
С 8/9 января по 17 (19) февраля.	Фиксики Кормушка	1. Просмотр мультипликационных фильмов и их обсуждение. 2. Проведение акции «Покорми птиц»
С 25 февраля по 6 (8) апреля	Царевна Лягушка	Проведение классного мероприятия к 23 февраля и 8 марта
С 15 февраля по 28-31 мая	Золушка	Благотворительная акция по поддержке ветеранов войны.

Процедура 11. Подведение итогов за отчетный период и планирование работ на предстоящий период образовательного процесса.

Экспертное сообщество образовательного учреждения под руководством завуча по воспитательной работе выполняет анализ выполненной работы по формированию позитивных личностных качеств младших школьников. В результате этого анализа определяется Δ= Z – Y – разница между

поставленной целью Z и достигнутыми результатами Y. Кроме того, оцениваются ресурсы R для достижения поставленных целей, качество реализации каждой из процедур социальной технологии и обсуждаются вопросы по совершенствованию процедур. Определяется, насколько эффективны проведённые мероприятия и разработанные предложения по их совершенствованию. Формулируются цели Z_{i+1} на предстоящий период и определяются необходимые ресурсы для их достижения R_{i+1}. С начала учебного года работа системы двухконтурного социального управления информационной безопасностью младших школьников в среде массовой культуры запускается вновь. Результаты подведения итогов за отчетный период и планирование работ на предстоящий период образовательного процесса публикуются на сайте образовательного учреждения через личный кабинет родителей.

Таким образом, с помощью системы двухконтурного социального управления информационной безопасностью младших школьников в среде массовой культуры удается эффективно управлять мощными выразительными средствами, которыми обладают мультипликационные фильмы[1], способствующие формированию у младших школьников как позитивных, так и негативных личностных качеств. Младший школьник, который преимущественно "в гордом одиночестве" просматривает мультфильмы самого разного содержания, еще не готов дать объективную оценку мультфильму, его жизненного опыта недостаточно для того, чтобы однозначно определить, где добро и зло, позитив и негатив.

В этой связи в системе двухконтурного социального управления информационной безопасностью младших школьников в среде массовой культуры на базе системного, деятельностного и социально-технологического подходов посредством социальной технологии управления осуществлена системная интеграция взаимонаправленных усилий родителей, экспертов образовательного учреждения и самих младших школьников на формирование гармонично развитой личности младшего школьника.

[1] Аромштам М. Дети смотрят мультфильмы: психолого-педагогические заметки. // Практика "производства" мультфильмов в детском саду. – Москва: Чистые пруды, 2006. – 30 с.

Список литературы

1. **Абраменкова В.** Дети и телевизионный экран **/** В. Абраменкова, А. Богатырева // Воспитание школьников. – 2006. – №6. – С. 28-30.
2. **Аромштам М.** Дети смотрят мультфильмы: психолого-педагогические заметки / М. Аромштам // Практика "производства" мультфильмов в детском саду. – Москва: Чистые пруды, 2006. – 30 с.
3. **Бабаш А.** Информационная безопасность. История защиты информации в России / А. Бабаш, Е. Баранова, Д. Ларин. – М., 2015. – 131с
4. **Белинская Е.П.** Социальная психология [Электронный ресурс] / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – Режим доступа: http:// www.alleng.ru /d/psy/psy050.htm
5. **Бергер П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995 – 323 с.
6. **Бэк У.** Общество риска на пути к новому модерну [Электронный ресурс] / У. Бэк. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/ files.php?f=pf_9b2f6 0245d804774b2e3f58a6738430f
7. Массовая культура [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/ dic.nsf/ruwiki/6820
8. Федеральный закон **от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию**" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:base.garant.ru
9. **Деятельностный аспект** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lectmania.ru/1xe6a1.html
10. **Ustselemov V.N.** Current issues in improving information security subsystem Инновационные информационные технологии / V.N. Ustselemov. – 2014. – № 2. – С. 597-600.

References

1. **Abramenkova V.** Deti i televizionnyj ekran V. Abramenkova / A. Bogatyreva // Vospitanie shkolnikov. – 2006. – №6. – S 28-30.
2. **Aromshtam M**. Deti smotryat multfilmy: psihologo-pedagogicheskie zametki / M. Aromshtam // Praktika proizvodstva multfilmov v detskom sadu. – Moskva: CHistye prudy, 2006. – 30 s.
3. **Babash A.** Informacionnaya bezopasnost. Istoriya zashchity informacii v Rossii / A. Babash, E. Baranova, D. Larin. – M, 2015. – 131 s.
4. **Belinskaya E. P.** Socialnaya psihologiya [Elektronnyj resurs] / E.P. Belinskaya, O.A. Tihomandrickaya. – Rezhim dostupa: http:// www.alleng.ru /d/psy/psy050.htm
5. **Berger P**. Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman. – M: Medium, 1995. – 323 s.
6. **Bek U.** Obshchestvo riska na puti k novomu modernu [Elektronnyj resurs] / U. Bek. – Rezhim dostupa: https://docviewer.yandex.ru/ files.php?f=pf_9b2f6 0245d804774b2e3f58a6738430f
7. **Massovaya kultura** [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://dic.academic.ru/ dic.nsf/ruwiki/6820
8. Federalnyj zakon **ot 29 12 2010 N 436 FZ red ot 01 05 2017 O zashchite detej ot infor macii prichinyayushchej vred ih zdorovyu i razvitiyu** [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https:base.garant.ru
9. **Deyatelnostnyj aspekt** [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://lectmania.ru/1xe6a1.html
10. **Ustselemov V.N.** Current issues in improving information security subsystem Innovacionnye informacionnye tekhnologii / V.N. Ustselemov. – 2014. – №2. – S. 597-600.

УДК 94(430)

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ СССР НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАК ФАКТОР ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Е.В. Образцова

В статье речь идет о ресоциализации бывших немецких военнопленных после их возвращения в Германию из плена в СССР во второй половине 1940-х гг. Использование специальной литературы, в том числе на иностранном языке, а также документов Государственного архива ФРГ (Bundesarchiv) позволили автору представить состояние здоровья немецких военнопленных, вернувшихся из СССР в качестве основного фактора их ресоциализации.

Ключевые слова: ресоциализация, Германия, немецкие военнопленные.

THE HEALTH CONDITION OF THE FORMER GERMAN PRISONERS OF WAR (POWS) AS THE ESSENTIAL FACTOR OF THEIR RESOCIALIZATION

E.V. Obraztsova

The article is devoted to resocialization of the former German Prisoners of War (POWs) after their return to Germany from the captivity in the USSR in the late 1940s. Usage of documents from the State archive of the Federal Republic of Germany (Bundesarchiv), as well as professional literature in the foreign language, enables the author to present their health condition as being the main factor of resocialization of the former German Prisoners of War (POWs), returned from the USSR.

Keywords: German Prisoners of War, POWs, Germany, Resocialization.

Одной из составляющих Второй мировой войны был плен, в котором оказались миллионы солдат и офицеров двух противоборствующих сторон. Ресоциализация бывших военнопленных оставалась трудным вопросом послевоенного времени. В связи с трагической судьбой советских военнопленных после возвращения из нацистских лагерей на родину особый интерес представляет опыт Германии по решению проблем адаптации репатриантов к послевоенной действительности.

Интеграция бывших солдат и офицеров вермахта стала одной из основных социальных проблем послевоенной Германии. Многочисленность названной группы лиц и многогранность опыта Германии в решении этой проблемы определяют ее актуальность вплоть до сегодняшнего дня.

Длительное нахождение за пределами родины, безусловно, отразилась на процессе ресоциализации военнопленных после возвращения. Тяготы, перенесенные в лагерях, не могли не отразиться на здоровье репатриантов. Скорость и особенности процесса их адаптации в значительной степени определялись физическим состоянием бывших военнопленных.

Репатриация бывших солдат и офицеров вермахта состоялась в условиях страны, разделенной на оккупационные зоны. Одной из важнейших задач социальной политики являлось скорейшее восстановление здоровья вернувшихся репатриантов. В Восточной и Западной Германии функционировала своя система обеспечения бывших военнопленных.

Весь поток немцев, репатриированных из СССР, проходил через Восточную Германию. В 1945 – 1946 гг. значительное число репатриантов оказалось в Берлине. С 1 июля 1945 г. по 31 марта 1946 г. в городе было зарегистрировано 432 486 бывших военнопленных [9, с. 130]. Их обеспечение возлагалось на Отдел по переселению, который входил в структуру Главного управления социального обеспечения Берлинского магистрата.

Репатрианты, не являвшиеся берлинцами, направлялись в специальные лагеря. Больные размещались отдельно [13, с. 110]. Военнопленные, обладавшие медицинскими удостоверениями, имели право на получение продовольственных карточек III категории.

В 1946 г. въезд репатриантов стал централизованным. Организация их приема была возложена на транзитный лагерь Гроненфельде, куда 27 июля 1946 г. прибыла первая партия военнопленных.

До 1948 г. число репатриантов, нуждавшихся во врачебной помощи, оставалось значительным. В 1947 г. 70% от общего количества репатриантов, прошедших через Гроненфельде, имели различные заболевания, а 25% относились к категории нетрудоспособных [8, с. 72]. Однако лагерь не располагал достаточным количеством мест для лечения всех военнопленных, отсутствовали необходимые медикаменты и оборудование, в Гроненфельде не хватало врачей и санитаров [5, с. 597 - 598]. В 1948 г. количество здоровых военнопленных, прибывавших из Советского Союза, составило 82%, улучшилось обеспечение лагеря, что позволило повысить качество медицинского обслуживания репатриантов [8, с. 72].

Бывшие военнопленные по прибытии к месту жительства регистрировались. При наличии справок об освобождении репатриантов ставили на учет в полицейском участке. Затем они проходили обследование в амбулаториях. После получения справок в перечисленных выше учреждениях репатриантов регистрировали в жилищных управлениях и на биржах труда.

Бывшие военнопленные могли воспользоваться двухнедельным неоплачиваемым отпуском. Пособие предоставлялось, если они относились к категории нуждающихся [2, с. 62]. Однако 14 дней было явно недостаточно, чтобы отдохнуть и решить все формальности, связанные с регистрацией. По этой причине на заседаниях комитета по социальной политике Народного совета ставился вопрос об увеличении отпуска до одного месяца. Однако комитету так и не удалось прийти к единому мнению по данной проблеме, но вопрос об оплате отпуска был решен. Эта функция возлагалась на кассы социального страхования или на органы социальной защиты.

Репатрианты, признанные медицинской комиссией инвалидами, являлись особой категорией нуждающихся. Не-

трудоспособность проверялась после регистрации по месту жительства. Инвалидам предоставлялись льготы, в частности, им гарантировались рабочие места на производстве, они имели право на внеочередное обслуживание в медицинских учреждениях и магазинах. Если репатриант был нетрудоспособен более чем на 50%, ему предоставлялось удостоверение инвалида [10, с. 15]. В соответствии с Приказом СВАГ № 28 этой категории нуждающихся назначалась пенсия. Ее минимальный размер составлял в 1947 г. 30 марок [1, с. 60]. В 1948 г. эта сумма была увеличена до 50 марок [14, с. 345 – 346].

Репатрианты могли претендовать на другие пособия, в том числе на медицинскую страховку. Бывшие военнопленные, которые до службы в вермахте, работали и были застрахованы на случай болезни, имели право восстановить свою страховку, но не позднее, чем через тридцать дней после возвращения [1, с. 26].

Въезд военнопленных, возвращавшихся в Западную Германию из СССР, осуществлялся через транзитный лагерь Фридланд. Там репатрианты проходили медицинское обследование и дезинфекцию.

Регулирование медицинского обеспечения бывших военнопленных в ФРГ связано с принятием «Закона о мероприятиях по оказанию помощи лицам, вернувшимся на родину» в 1950 г. [7, с. 25-85]. Документ включал статьи, регламентировавшие предоставление медицинской помощи и социальное страхование. Репатрианты, возвратившиеся после 1 января 1948 г., могли восстановить свое членство в больничной кассе в течение трех месяцев. Бывшие военнопленные имели право получать врачебную помощь, обратившись в больничную кассу по месту жительства в течение двенадцати недель после возвращения.

Медики, работавшие с бывшими военнопленными, отмечали ряд общих для репатриантов патологий. Врачи устанавливали такие симптомы, как уменьшение сопротивляемости организма, потерю веса, изменения в составе крови, сердечная недостаточность, нарушение регулирования его жизненных функций, нарушение обмена веществ, отклонения в психике. Зачастую это проявлялось уже после возвращения в Германию. Бывшие военнопленные отмечали ослабление функций организма после того, как изменился режим их дня и рацион питания.

Наиболее распространенным диагнозом была дистрофия. Основным ее признаком являлось уменьшение белка в составе крови. У пациентов с этим диагнозом отмечались нарушения в усвоении пищи и патологии в функционировании пищеварительной системы. Заболевание проявлялось в повышенной утомляемости, снижении обмена веществ, общей слабости. На второй стадии дистрофии наблюдались отеки конечностей. Со стороны нервной системы заболевание проявлялось в снижении умственной и психической активности, длительном сне, апатии, сонливости, раздражительности и отсутствии эмоций.

В начале 1950 - х гг. в ФРГ проводились исследования состояния здоровья репатриантов. Особое внимание медики уделяли последствиям истощения, длительных физических нагрузок, голодания. Обследовались различные

возрастные группы, кроме того, врачи сравнивали отсутствие или наличие патологий у вернувшихся в 1945 – 1950 гг. и у тех, кто въехал в Германию в 1953 – 1956 гг. По данным исследований, число военнопленных с диагнозом «дистрофия» составило 52 % [11, с. 39]. Самый высокий процент больных репатриантов наблюдался среди вернувшихся на родину в 1945 – 1946 гг. Смертность среди них была от 10 до 30 % [6, с. 95].

Отдельное место в исследованиях занимал анализ реакции различных органов и систем на длительное истощение. Значительное число жалоб относилось к функционированию сердечно-сосудистой системы. Репатрианты отмечали наличие болей в сердце и чувства сдавленности и жжения, внезапно возникавшие при физических нагрузках. Нарушения функций, в целом, наблюдались у 30 % репатриантов [11, с. 50]. Наибольшее число патологий было связано с состоянием сердечной мышцы. У части репатриантов диагностировались атеросклероз, пониженное или повышенное давление, инфаркты. Большинство симптомов проходили в течение полугода после возвращения. В целом число нарушений сердечно-сосудистой системы у репатриантов не превышало общей статистики заболеваний по стране. Наличие патологий зачастую определялось условиями социальной среды и конституцией организма, а не последствиями дистрофии. Единственным заболеванием, причиной которого могли быть последствия плена и длительное нахождение в лагерях, являлся небактериальный эндокардит. У значительной части репатриантов наблюдались симптомы вегетативной дистонии, которая проявлялась у 75 % военнопленных, освобожденных в 1945 – 1950 гг., и у 95 % репатриантов, возвратившихся в 1953 – 1956 гг. [3, с. 23].

Многие военнопленные отмечали нарушения функций органов пищеварения. Немцы, репатриированные в 1945 – 1950 гг., чаще болели дизентерией. В диагнозах военнопленных, освобожденных в 1953 – 1956 гг., преобладали язвы и гастриты. Эти заболевания чаще наблюдались у репатриантов старше 45 лет, молодые люди чаще страдали от энтероколитов и функциональных расстройств. Патологическое состояние органов пищеварения отмечались у 25,8% репатриантов [11, с. 66]. Однако, по мнению Г. Банзи, нахождение в плену не являлось главной причиной нарушений функционирования желудочно-кишечного тракта [3, с. 22]. Неблагоприятные условия содержания в Советском Союзе могли явиться катализатором заболеваний. Однако их основной причиной являлась предрасположенность организма и условия среды, в которой находились репатрианты после возвращения.

Среди заболеваний органов дыхания врачи наблюдали много случаев туберкулеза легких. Однако коэффициент заболеваемости у возвратившихся в 1945 – 1950 гг. установлен не был. У военнопленных, въехавших в Германию после 1953 г., туберкулез диагностировался у 12,6 % [3, с. 12]. При этом чаще болели репатрианты, которые находились в лагерях в Сибири, на Урале, и на севере Европейской части СССР.

Проблема плохого физического состояния военнопленных, возвращавшихся из СССР, являлась предметом обсуждения в медицинской литературе и средствах массовой информации

Германии. Первые статьи появились в 1946 г., когда из СССР вернулась большая партия военнопленных. СМИ Западной Германии особое внимание уделяли их плохому психофизиологическому состоянию. В специальной литературе появился особый диагноз «болезнь возвратившихся на родину». Зачастую в прессе военнопленные, особенно освобожденные в 1950-е гг., назывались жертвами войны и советского режима. Тема «дистрофии» оставалась актуальной вплоть до конца 1950-х гг., хотя физическое состояние военнопленных, возвращавшихся из СССР с 1949 г., было удовлетворительным. Как справедливо отмечает исследователь из Германии Ф. Бис, тема военного плена была политизирована [4, с. 348]. Немцы, возвращавшиеся из СССР, как в Восточной, так и Западной Германии, оказывались в центре внимания. Военнопленные въезжали в страну, по территории которой проходила граница холодной войны и их опыт, полученный в СССР, был востребован обществом.

Неудовлетворительное состояние здоровья репатриантов в значительной степени осложняло процесс их адаптации после освобождения. Функции организма со временем восстанавливались, однако для этого требовался длительный период реабилитации и материальные затраты. Последствия плена носили необратимый характер в исключительных случаях, при наличии неблагоприятных внешних условий и предрасположенности личности к патохарактерологическому развитию. В условиях послевоенной Германии большинству репатриантов после возвращения пришлось сразу искать работу, трудоустраиваться, помогать близким. Болезни и плохое самочувствие ограничивали возможности интеграции бывших военнопленных в экономику страны.

Список литературы

1. Краткий анализ выполнения сметы по социальному страхованию в Советской оккупационной зоне за первое полугодие 1948 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 30. П. 102. Д. 47. Л. 60.

2. Ausschuss für Sozialpolitik. 5. Sitzung. 04.10.1948 // BArch DA 1/125. Bl. 62.

3. Bericht über intermedizinische Untersuchungen von Dystrophiefolgen bei Heimkehrer // Der Gesundheitszustand der Heimkehrer: Ergebnisse von Forschungsaufträgen des Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung / Bearb. von dem Allgemeinen Krankenhaus St. Georg, Hamburg, und der Med. Poliklinik der Johaness-Guttenberg-Universität, Meinz. - Stutgart: Georg Thieme Verlag, 1959. S. 1 25.

4. Biess F. Männer des Wiederaufbaus - Wiederaufbau der Männer. Kriegsheimkehrer in Ost- und Westdeutschland, 1945-1955 / F. Biess // Heimat-Front. Militär und Gaschlächtsverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege/ Hg. K. Hagemann, Schüler-Springorum, Frankfurt/New York: Compus Verlag, 2002. – S.345–365.

5. Brief der Deutsche Zentralverwaltung für das Gesundheitswesen an der ZVU über Unterbringung körperbeschädigter Heimkehrer aus der UdSSR. 23.07.1947 // BArch DQ 1/23977. Bl. 597-598.

6. Buwert W. Die medizinische Einrichtungen für Heimkehrer in Frankfurt (Oder) / Wolfgang Buwert, Klaus Eichler // Brandenburgische historische Hefte. 9 / Hg. W. Buwert. – Potsdam: Brandenburgische Universitätdruckerei und Verlagsgesellschaft Potsdam, 1998. - S. 93-109.

7. Gesetz über Hilfsmaßnahmen für Heimkehrer (Heimkehrergesetz). 19.07.1950 // Heimkehrer – Recht. – Berlin und Frankfurt am Mein: Franz Vahlen, 1956. - S.25-85.

8. Hirte H. Das Heimkehrerlager Gronenfelde – wichtige Station auf dem Weg in ein neues Leben / Helmut Hirte // Brandenburgische historische Hefte. 9. / Hg. W. Buwert. – Potsdam: Brandenburgische Universitätdruckerei und Verlagsgesellschaft Potsdam, 1998. – S. 59-93.
9. Matschenz A. „Der Onkel da ist dein Vater…" Die Heimkehrer der Kriegsgefangenen nach Berlin bis 1948 / A. Matschenz // Heimkehr 1948: Geschichte und Schicksale deutscher Kriegsgefangener / Hg. A. Kaminsky. München: Beck, 1998. – S.117–140.
10. Merkblatt der DWK über die Betreuung der Heimkehrer durch die Sozialversicherung und Sozialfürsorge. 21,05.1948 // BArch DY 30/IV 2/2.027/40. Bl. 15 R.
11. Pokorny I. Wissenschaftliche Bearbeitung der Untersuchungsergebnisse, die bei Begutachtung von Heimkehrer erhoben worden sind, unter besonderer Berücksichtigung von Herz-Kreislauf-Schädigungen, Magen-Darm-Erkrankungen und Leberschäden / I. Pokorny, W. Hiller // Der Gesundheitszustand der Heimkehrer: Ergebnisse von Forschungsaufträgen des Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung / Bearb. von dem Allgemeinen Krankenhaus St. Georg, Hamburg, und der Med. Poliklinik der Johaness-Guttenberg-Universität, Meinz. – Stutgart: Georg Thieme Verlag, 1959. – S. 32–91.
12. Rundschreiben der DVAS № 1/47. 09.04.1947 // BArch DY 30/IV 2/11/211. Bl. 26.
13. Rundschreiben № 14/46 des Magistrats der Stadt Berlin des Hauptamt für Sozialwesen der Abteilung für Umsiedler über Heimkehrerlager. 16.02.1946 // BArch DQ 1/81. Bl. 110.
14. Verordnung der DWK über die Zahlung von Renten an Kriegsinvaliden und Kriegshinterbliebene. 21. 07.1948 // Arbeit und Sozialfürsorge. 1948. – №16 – 17. – S.345–346.

References

1. Kratkij analiz vypolnenija smetjy po socialnomu strahovaniyu v Sovetskoj okkupcionnoj zone za pervoe polugodie 1948 g. // AVP RF. F.082. Op.30. P.102. D. 47. L.60.
2. Ausschuss für Sozialpolitik. 5. Sitzung. 04.10.1948 // BArch DA 1/125. Bl. 62.
3. Bericht über intermedizinische Untersuchungen von Dystrophiefolgen bei Heimkehrer // Der Gesundheitszustand der Heimkehrer: Ergebnisse von Forschungsaufträgen des Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung / Bearb. von dem Allgemeinen Krankenhaus St. Georg, Hamburg, und der Med. Poliklinik der Johaness-Guttenberg-Universität, Meinz. – Stutgart: Georg Thieme Verlag, 1959. S. 1 25.
4. Biess F. Männer des Wiederaufbaus – Wiederaufbau der Männer. Kriegsheimkehrer in Ost- und Westdeutschland, 1945 – 1955 / F. Biess // Heimat-Front. Militär und Gaschlächtsverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege/ Hg. K. Hagemann, Schüler-Springorum, Frankfurt/New York: Compus Verlag, 2002. – S. 345 – 365.
5. Brief der Deutsche Zentralverwaltung für das Gesundheitswesen an der ZVU über Unterbringung körperbeschädigter Heimkehrer aus der UdSSR. 23.07.1947 // BArch DQ 1/23977. Bl. 597 – 598.
6. Buwert W. Die medizinische Einrichtungen für Heimkehrer in Frankfurt (Oder) / Wolfgang Buwert, Klaus Eichler // Brandenburgische historische Hefte. 9 / Hg. W. Buwert. – Potsdam: Brandenburgische Universitätdruckerei und Verlagsgesellschaft Potsdam, 1998. – S. 93–109.
7. Gesetz über Hilfsmaßnahmen für Heimkehrer (Heimkehrergesetz). 19.07.1950 // Heimkehrer – Recht. – Berlin und Frankfurt am Mein: Franz Vahlen, 1956. - S.25 - 85.
8. Hirte H. Das Heimkehrerlager Gronenfelde – wichtige Station auf dem Weg in ein neues Leben / Helmut Hirte // Brandenburgische historische Hefte. 9. / Hg. W. Buwert. – Potsdam: Brandenburgische Universitätdruckerei und Verlagsgesellschaft Potsdam, 1998. – S. 59 – 93.
9. Matschenz A. „Der Onkel da ist dein Vater…" Die Heimkehrer der Kriegsgefangenen nach Berlin bis 1948 / A. Matschenz // Heimkehr 1948: Geschichte und Schicksale deutscher Kriegsgefangener / Hg. A. Kaminsky. München: Beck, 1998. – S.117 – 140.
10. Merkblatt der DWK über die Betreuung der Heimkehrer durch die Sozialversicherung und Sozialfürsorge. 21,05.1948 // BArch DY 30/IV 2/2.027/40. Bl. 15 R.
11. Pokorny I. Wissenschaftliche Bearbeitung der Untersuchungsergebnisse, die bei Begutachtung von Heimkehrer erhoben worden sind, unter besonderer Berücksichtigung von Herz-Kreislauf-

Schädigungen, Magen-Darm-Erkrankungen und Leberschäden / I. Pokorny, W. Hiller // Der Gesundheitszustand der Heimkehrer: Ergebnisse von Forschungsaufträgen des Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung / Bearb. von dem Allgemeinen Krankenhaus St. Georg, Hamburg, und der Med. Poliklinik der Johaness-Guttenberg-Universität, Meinz. – Stutgart: Georg Thieme Verlag, 1959. – S. 32 – 91.

12. Rundschreiben der DVAS № 1/47. 09.04.1947 // BArch DY 30/IV 2/11/211. Bl. 26.

13. Rundschreiben № 14/46 des Magistrats der Stadt Berlin des Hauptamt für Sozialwesen der Abteilung für Umsiedler über Heimkehrerlager. 16.02.1946 // BArch DQ 1/81. Bl. 110.

14. Verordnung der DWK über die Zahlung von Renten an Kriegsinvaliden und Kriegshinterblie bene. 21. 07.1948 // Arbeit und Sozialfürsorge. 1948. – №16 – 17. – S. 345 – 346.

ДИСКУССИЯ

УДК 008

СЛОВЕНЕ КАК ЭТНОС И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

А.И. Корольков

Словене (в научной литературе именуемые «славяне») – народ, давший начало белорусам, полякам, русским, словакам, сербам, словенцам, украинцам, чехам и другим родственным этническим общностям, который необоснованно изображается многими зарубежными и отечественными историографами и культурологами примитивным по сравнению с иными европейскими народами.

Это происходит во многом из-за того, что указанные исследователи не принимают должным образом во внимание не только теорию Н.Я. Данилевского о культурно-типовом различии этносов, но и общеизвестные факты из истории словен. Этноним словене появился в результате самоназвания народа, владеющего словом, ясно говорящего, имеющего богатый словарный и мыслительный потенциал. Колыбелью словенский цивилизации является матричный лес Европы (Евразии), насыщенный множеством рек, находящийся на обширной территории в зоне умеренного климата. Многообразие растительного и животного мира лесо-речного массива послужило основой для жизнедеятельности словен и их культурного развития.

Разделение народов Западной Европы, их ограниченность в природных ресурсах и своеобразие условий проживания предопределили возникновение западноевропейского милитаристско-потребительского социального типа. Единство и добрососедство словен Восточной Европы, их безграничные природоресурсные возможности заложили основы формирования восточноевропейского мирно-созидательного социального типа.

Первый тип неизбежно ведет человечество к тупикам природоресурсного, экологического, техногенного, социально-политического, демографического и др. характеров. Второму типу присущи глобально-исторический оптимизм и возможность светлого будущего для людей.

Ключевые слова: *словене, славяне, этнос, слово, культурно-исторический тип, Западная Европа, Восточная Европа, лес, река, умеренный климат, милитаристско-потребительский социальный тип, мирно-созидательный социальный тип, оптимизм.*

THE SLAVS AS AN ETHNIC GROUP AND AS A HISTORICAL-CULTURL TYPE

A.I. Korolkov

The Slavs – a folk which gave birth to Belarusian, Polish, Russian, Slovak, Serbian, Slovenian, Ukrainian, Czech people and other ethnically related communities, which are wrongly depicted by many Russian and foreign historiographer and cultural specialists as primitive people in comparison with other European nations.

It happens mainly because these scholars neglect not only N.Y. Danilevsky's theory of historical-cultural types but also well-known facts about the history of the Slavs. The name "the Slavs" appeared as a self-name of a folk which was good at language and had a vast verbal and intellectual potential.The birthplace of the Slavs civilization was Eurasian forests, with plenty of rivers, rich in

plants and animals. All these natural conditions served a basis for economic and cultural development of the Slavs.

Separation of Western Europe folks, limited natural resources and specific living conditions determined the development of civilization of West-European type: military and consumer -oriented. Integrity and friendly relations of the Slavs in Eastern Europe, their unlimited natural resources served a basis for the civilization of a peaceful, socially-oriented, constructive type.

The first type is sure to lead the whole humanity to anthropogenic, ecological, social-political, demographic crises. The civilization of the second type is characterized by global-historical optimism and prospects of a happy future for everyone.

Key words: the Slavs, ethnical group, the word, cultural-historical type, Western Europe, Eastern Europe, forest, river, moderate climate, military and consumer –oriented type, a peaceful, socially-oriented, constructive type, optimism.

Исследуя и познавая какой-либо социальный объект, необходимо в первую очередь обратить внимание на процесс его возникновения и начального становления, который во многом будет определять последующие признаки, качества и направление развития данного объекта. Ни в теории, ни в практике невозможно построение без закладки фундаментальных исходных позиций – фактических, естественных и простых по своей сути. Основополагающие начала социального объекта могут быть настолько скрыты под спудом времени и приобретенными формами, что не всегда их удается распознать с первого взгляда в ставшей обыденной действительности, в том числе научного характера. Тем более важна потребность их определения и изучения для полноты общего исследования.

Приступая к рассмотрению такого социального объекта как словенский народ (чаще именуемый славянским), необходимо прежде всего осознать, что это занятие сопряжено со многими трудностями, главными из которых можно назвать следующие: а) скудость информации, дошедшей до нас от древних времен; б) шаблонность, догматизм и необъективность в толковании некоторых исторических явлений; в) идеологические диверсии, т.е. целенаправленные искажения определенных фактов, документов, свидетельств и пр. Все это имеет место, когда мы пытаемся выявить прошлое нашего русско-словенского отечества, начиная с этнонимов, которыми обозначались наши древние предки, и кончая утверждением нашей государственности, нашей национальной идентичности.

Целью данной работы является попытка, опираясь на факты, в том числе новейшие, более адекватно осветить, рассмотреть становление словенской цивилизационной специфичности и самобытности.

Тот, кто интересуется историей и культурой древних словен, с самого начала сталкивается с точкой зрения, априори настойчиво навязываемой зарубежными историками и культурологами и заключающейся в какой-то негативной и пренебрежительной оценке этого этноса как малоразвитого, примитивного и пр. Данная оценка так или иначе влияет на весь ход дальнейшего познания этого важного для каждого и, прежде всего, русского человека вопроса. Суть этой установки наиболее четко, определенно и вместе

с тем безапелляционно выразил известный британский историк А.Дж. Тойнби в своем произведении «Цивилизация перед судом истории», который, надо полагать, в этой процедуре занял место судьи. Вот что он пишет: «Варяги, заложившие первооснову русского государства путем захвата контроля над внутренними судоходными путями, что дало им власть над **примитивными** (выделено мной-авт.) славянскими племенами в глубине страны, являлись, видимо, скандинавскими варварами…» [1]. Однако автор данного высказывания не указывает, в чем же конкретно состояла примитивность этих «племен», которые, по его разумению, стоят по уровню своего развития даже ниже варваров.

Со своей же стороны, рассмотрим факты и попытаемся их осмыслить.

Обратим внимание на историческую жизнь и судьбу этнонима словене, которым обозначен народ, давший начало белорусам, полякам, русским, словакам, сербам, словенцам, украинцам, чехам и другим родственным этническим общностям. И здесь речь идет не о каком-то досадном сбое или неточном употреблении этнонима славяне, а о процессе осознанного и, возможно, преднамеренного перевода его в иной смысловой регистр. Ведь, несмотря на созвучие, этнонимы словене и славяне трактуются и понимаются по-разному.

Древнейший русский летописный свод – «Повесть временных лет» – не знает этнонима славяне и не упоминает о нем. Этот источник повсеместно содержит другое название – словене, которым летописец, сообщая о расселении полян, древлян, дреговичей, полочан, северян, новгородских словен (словене, проживавшие в новгородской земле, назывались своим именем), сербов, ляхов и др., обозначает родственные народности. Соответственно называются и занимаемая ими земля обитания, и язык общения – словенскими [2].

Заметим, что в состав сегодняшней политической карты Европы входят два государства, названия которых вместе с названиями их государствообразующих народов производны от этнонима словене. Это Словакия, большую часть населения которой составляют словаки, разговаривающие на словацком языке, и Словения – родина словенцев и словенского языка [3]. А вот каких-либо государств и населяющих эти государства народов, напоминающих своими названиями о славянах, просто не существует.

Вышеназванные факты, взятые из отдельных источников, свидетельствуют о том, что в древности большая часть территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы была заселена родственными народностями, обозначаемыми одним общим этнонимом словене. Впоследствии этот этноним был заменен другим – славяне. На первый взгляд данная подмена этнонимов выглядит непринципиальной и совершенно безобидной, но при более внимательном рассмотрении вопроса выявляется иная картина. Забвение этнонима словене и введение в оборот этнонима славяне имеет довольно существенные последствия, которые, по всей видимости, изначально предполагались. В связи с этим очень показательной выглядит, например, позиция известного археолога и этнографа М. Гимбутас, считающейся одним из ведущих специалистов в области «славяноведения».

В своей книге «Славяне. Сыны Перуна» Гимбутас посвятила отдельную главу исследованию этнонимов «славянского племени» [4]. При этом просматривается какая-то любопытная трансформация этнонима словене через иные этнонимы в этноним славяне. О причинах такой трансформации ничего не говорится, и далее автор, оставляя в стороне исходный термин словене, пользуется в повествовании термином славяне. Вначале автор сообщает о первичном употреблении этнонима словене Птолемеем (100-178 г.н.э.), затем указывает на упоминание византийским историком Прокопием Кесарийским и его современником, римским историком Иорданом (VI век н.э.) о «скловенах» и с этим можно согласиться. Но нельзя согласиться с тем, как Гимбутас одновременно с этнонимом словене совершенно безосновательно вдруг начинает рядом в качестве синонима использовать этноним славяне, одновременно ставя знак равенства между терминами «скловены» и «склавены». Таким образом, налицо явная подмена этнонимов, а затем и понятий. Дальнейший её анализ различных вариантов происхождения этнонимов словене и славяне, а также корневых основ «слов» и «слав» свидетельствует о полном понимании автором всей серьезности как формальной, так и смысловой разницы между рассматриваемыми этнонимами. Это в большей степени вызывает недоумение по поводу необоснованного введения в обиход этнонима славяне.

Все становится на свои места и четко выявляется истинная позиция автора после того, как Гимбутас, употребляя этноним славяне взамен этнонима словене, упомянув мимоходом о корневой основе «слов», имеющей значение «речь» для межплеменного общения, акцентирует и развивает иные подходы этимологического исследования. Во-первых, ссылаясь также на Прокопия Кесарийского и на Иордана, автор вдруг пишет о «склавинах» и «склавенах» и излагает предположение о происхождении этих этнонимов от латинского слова «sclavus», означающего «раб»; во-вторых, обращается внимание на возможность использования термина «слава», означающего «известный», «знаменитый»; в-третьих, приводится гипотеза о том, что корень «слов» означает болото; и, наконец, отдается предпочтение версии К. Мощинского, согласно которой происхождение названия «словени» связано с греческим словом «flax», означающим «лён», якобы давшим основу для названия некоторых рек. Таким образом, в результате такого «исследования» с подменой слов и понятий отдается предпочтение любым гипотезам, на наш взгляд, неправдоподобным и экзотическим, кроме истинной. В результате этого затушевывается первоначальный этноним словене, смысл его размывается и вводится в употребление этноним славяне.

Гимбутас далеко не одинока в своем стремлении исказить формальную, а вслед за ней и смысловую сторону истинного этнонима словене. Н.М. Карамзин в своем труде «История государства Российского» пишет следующее: «…выходят на театр истории славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы…» [5]. Стоит отметить, что современные историки и культурологи используют в своих произведениях этноним славяне, уже не

вдаваясь в его обоснование, автоматически, по привычке, игнорируя существование изначального и правильного этнонима словене.

Первоначальный и неискаженный этноним словене, несомненно, происходит от термина «слово» (общий корень «слов») и, по всей видимости, означает «владеющий словом», «обладающий богатым словарным запасом», «способный легко и адекватно выразить устно свои мысли». И в этом плане мы солидаризируемся с таким известным исследователем культуры древних словен, как В.В. Седов, который пишет в своем труде «Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V-VII вв.»: «Наиболее убедительной представляется концепция о происхождении самоназвания «словене» (так этноним передается в ранних славянских источниках) от понятия «слово» и означает «ясно говорящие» или «люди, владеющие словом», в отличие, например, от «немцев» [6].

Обращает на себя внимание тот факт, что Седов, раскрывая суть концепции о происхождении самоназвания «словене», ведет речь именно о самоназвании, а не о заимствовании народом своего названия извне. Эта позиция автора, которую мы полностью поддерживаем, принципиально отличается от мнений тех, кто не считает возможным для словен назваться самим, исходя из собственной самоидентификации на основе собственной культуры, мировоззрения и мировосприятия. Стремление этих авторов, которые подобно Тойнби и Гимбутас, отдают предпочтение в вопросе названия словен то ли заимствованию из латинского языка, то ли – из греческого, или из какого-либо другого, показать наших предков неспособными для такого рода понимания и действия, лишний раз доказывает их предвзятое, неприязненное отношение к словенам, имеющее целью выставить их дикими и примитивными. Возникает вопрос: почему в отношении словен на Западе господствует указанная точка зрения на их историю, культуру и т.д.? Почему даже очевидное – этноним словене, возникший в результате самоназвания народа, владеющего словом и речью, – подвергается такому настойчивому искажению, затушевыванию и даже откровенной подмене? По-видимому, ответы на эти и подобные им вопросы скрыты в глубине веков, в начальном периоде исторического и культурного развития словен.

Наукой установлено множество фактов, являющихся доказательствами древности и величия словен. Назовем лишь некоторые из них.

М.В. Ломоносов в своем знаменитом труде «Древняя российская история» сообщает об огромных размерах территории проживания словен. Он перечисляет области и их население: словене Новгородской области, Днепр в качестве места обитания полян, древляне, заселившие земли между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне по Десне, Семи и Суле, дулебы и бужане в районе Буга, кривичи около Смоленска, волынцы на Волыни, дреговичи между Припятью и Двиной, радимичи на Соже, вятичи на Оке; а также ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и моравляне около Дуная. Примечательно, что указанные внушительные по размерам территории были освоены и заселены словенами до норманнского

нашествия, имевшего место во второй половине IX века [7].

Далее стоит отметить, что норманны до появления Рюрика называли место обитания восточных словен термином «Гардарики», «Гардар», т.е. страной городов [8]. Викинги-скандинавы в период VIII-IX веков, осуществляя свои грабительские походы, «познакомились» с европейским побережьем Балтийского и Северного морей, Средиземного моря и Атлантического океана, а также с прилегающими территориями европейских рек. Следовательно, им было с чем сравнивать словенскую страну городов, когда они двигались по пути «из варяг в греки», – в ее названии отражено характерное отличие.

Кроме всего прочего, необходимо также обратить внимание на данные топонимики. Она дает нам предостаточно доказательств того, что многие европейские города получили свои названия от древних словен, т.е. от своих создателей, например, Росток, Бреслау, Рослау, Любек, Люббен, Торгау, Тетеров, Миров, Россов, Каменц, Цветль и др. [9]. Перечисленные города сегодня находятся на территориях Германии и Австрии, а до X века включительно принадлежали своим основателям – словенам. Невозможно также не заметить, что эти названия указанных городов представляют собой еще и доказательство богатого словарного запаса их первых устроителей, и отражение характерных черт этого народа.

Полагаем, что нельзя также упускать из виду и игнорировать сообщения византийских летописцев VI века о древних словенах, которых они показывали как народ с высокими нравственными качествами. Например, византийский император Маврикий Стратег так описывал словен и антов: они «сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны и, оказывая им знаки своего расположения при переходе их из одного места в другое, охраняют их в случае надобности. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве как другие племена неограниченное время, но, определив для них точный срок, предоставляют им выбор: или вернуться домой за некий выкуп, или остаться на положении свободных и друзей. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу» [10].

Представляет интерес случай, имевший место в VI веке, описанный византийскими историками, о котором пишет Карамзин: «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших вместо оружия кифары, или гусли». Далее автор излагает сведения о том, что эти чужеземцы оказались славянами, которые сообщили грекам о себе: «Мы – славяне… С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную» [11]. Греки только дивились тихому нраву этих людей, их великому росту и крепости.

Очевидно, что вышеприведенные факты и характеристики словен никак не согласуются с утверждением об их примитивности, они показывают несостоятельность позиции Тойнби.

Сегодня, в XXI веке с высоты научных знаний о культуре, истории, достижениях и направлениях развития

народов планеты, принимая во внимание результаты «цивилизаторского» воздействия Запада на все человечество, которое неизбежно ведет к тупикам природоресурсового, экологического, техногенного, демографического, социально-политического и др. характеров, есть все основания подвергнуть сомнению позицию научного западноевропейского сообщества, полагающего свою культуру высокоразвитой, а культуру словен примитивной. Если и говорить о примитивности, то только о той, о которой предупреждал во второй половине XIX века Н.Я. Данилевский.

Этот выдающийся русский ученый сделал важное открытие: он впервые выдвинул теорию о том, что народы различаются между собой не только уровнями, степенями развития, но и своими нравственно-духовными типами развития. «Без подобного же различения – степеней развития от типов развития – невозможна и естественная группировка исторических явлений», – говорил Данилевский [12]. Воспринимая открытие Данилевского о культурно-исторической типологии народов как научный инструмент познания исследователи истории и культуры различных этносов получают возможность наиболее объективного подхода к изучению и осмыслению стоящих перед ними научных проблем.

Л.Н. Гумилев определял наличие совершенно особенных культур различных народов благодаря существованию разных природно-климатических условий проживания [13]. Ученый выделял относительно Европы четыре вида ландшафта, в пределах которых протекала жизнедеятельность народов древности, – это горы, степь, лес и морское побережье. Каждому из них соответствовал свой тип населения и культуры.

Колыбелью словенского народа и словенской культуры был лес, пересекаемый множеством рек. В.О. Ключевский сообщает, что условия расселения народа естественным образом влияют на его род занятий, быт, культуру. Он утверждает, что согласно условиям лесной жизни словене занимались хлебопашеством, ловлей пушных зверей, лесным пчеловодством; по берегам рек на расстоянии 4-8 верст друг от друга они обустраивали свои поселения, которые автор называет «городища» [14]. Схожую позицию занимают многие исследователи словенской древности. Например, наш современный ученый В.А. Чудинов пишет в своем труде «Тайные знаки Древней Руси»: «Наши предки никогда не были степняками, но жили в лесной зоне, и не в дремучих лесах, непригодных для проживания, и не в болотах, а возле русел рек» [15]. По-видимому, именно достаточно длительный (многотысячелетний) период проживания словен в лесной местности повлиял на их отличительные внешние характеристики. В связи с этим Прокопий Кесарийский в своей книге «Война с готами» так пишет о словенах: «И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый» [16].

Лес, пронизанный множеством рек и водоемов, отличается от других природных ландшафтов необыкновенным разнообразием животного и растительного миров. Горы, степь, морское побережье или пустыня намного уступают лесу в этом отношении. Условия

лесо-речного многообразия побуждали и давали возможность заниматься словенам охотой, рыболовством, земледелием, разведением домашнего скота, собирательством, ремеслом, т.е. их жизнедеятельность была разнообразна.

Используя имеющийся в большом количестве природный строительный материал – стволы деревьев, словене делали свои жилые и вспомогательные помещения, речные суда, предметы повседневного быта; возводили храмы и города. Для такой обширной деятельности, для продуктивного труда они обзаводились разнообразными орудиями труда, а это, в свою очередь, предопределяло потребность не только в совершенствовании трудового технологического процесса, но и в совершенствовании и развитии общественных отношений, двигало вперед развитие культуры. Ни горы, ни степь, ни морское побережье, ни пустыня не имели такого мощного и многообразного природного базиса – это очевидно. А из этого следует, что в древности народы и племена, обитавшие в горах, степи, на морском побережье и в пустыне не имели таких благоприятных и огромных возможностей жизнедеятельности и развития, какими обладали словене – лесные жители. Естественно, что эта ущербность вела сначала к кражам, а потом и к захватническим вооруженным набегам, что дало толчок к агрессивности и милитаризации жизни горцев, степняков, мореплавателей и пустынников. Конечно, и горцы, и степняки, и приморские племена, и пустынники выбирали свои возможные культурно-исторические пути развития, которые отличались от культурно-исторического пути развития словен. Факты, логика и законы социально-экономических отношений подтверждают это.

Большую роль в становлении культурно-исторического типа словен сыграл также климатический фактор. Умеренный климат евроазиатской лесной зоны не только продиктовал словенам жизненно важную необходимость в совершенствовании строительства жилья, мастерства изготовления одежды, заготовления припасов с учетом длительного и холодного зимнего периода, но и определил в соответствии с меняющимися временами года ритм словенской жизни. Летнее теплое время года было для словен периодом интенсивной трудовой деятельности, важнейшей целью которой было производство, т.е. земледелие, собирательство, охотничий и рыбный промысел, обмен и торговля, переработка и закладка впрок, на длительное хранение, припасов. Зимнее холодное время года предназначалось для занятий ремеслом, а также для отдыха и празднеств.

Словене привыкли к интенсивному движению и к физическим нагрузкам, которые благотворно сказывались на развитии человеческого организма. Время зимнего отдыха давало возможность словенам развивать свой внутренний мир, т.е. общаться между собой, устраивать праздники и игры, петь, плясать, слушать сказания и былины, изготовлять орудия труда и ремесленные поделки, заниматься обучением детей. Иными словами, словене в древности были для своего времени людьми высокоразвитыми культурно и физически. Основой их жизни был мирный, созидательный, творческий труд в условиях полной

самообеспеченности природными ресурсами. Поэтому контакты словен с инородцами, иноплеменниками и иноземцами диктовались потребностью обмена и торговли, общения, а не стремлением вооруженного захвата жизненно необходимых территорий, природных ресурсов, пищевых припасов и ремесленных изделий.

Способ расселения словен одинокими поселками-городками по берегам лесных рек на расстоянии 4 - 8 верст друг от друга также не был случайным и бессмысленным. Такой способ расселения происходил из потребностей одной поселковой общины (родовой или соседской) в природных ресурсах для нормальной жизнедеятельности, т.е. в том количестве и разнообразии животных, растений земельного участка и участка речного русла, которые наполняли прилегающее к городку-поселку пространство. Река, служа словенам источником рыбы, также являлась для них основной транспортной артерией. Такая схема расселения словен обусловила вместе с привычным образом жизни два важных последствия, которые повлияли на специфику словенского общества и страны.

Первое – это обязательное обустройство относительно крупных городов – территориальных центров. Эти города, как и одинокие поселки, располагались по берегам рек на удобных участках местности. Каждый из них, являясь центром отдельной словенской области, возникал и был предназначен для выполнения нескольких общественно-полезных функций. Словенский город служил местом проведения общих собраний – народных вече (форма правления у словен представляла собой народное самоуправление), в нем концентрировались и проживали ремесленники и торговцы, в его черте располагались складские помещения с товарами и торговые ряды, на его территории находился храм или несколько храмов; он также предназначался для временного пристанища соплеменников и иноземных гостей, плывших по реке на ладьях и кораблях, в т.ч. для варягов – скандинавских викингов. Словенские города служили для проведения народных праздников, игр и состязаний, знакомства юношей и девушек, для общения представителей разных областей. Возникая в местах скопления нескольких родовых или соседских дворов, эти поселения с течением времени расширялись, укреплялись и постепенно становились местами сосредоточения богатства, власти, религиозных культов и иных предметов культуры. К моменту норманнского нашествия в IX веке, например, у восточных словен существовали такие крупные города как Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Изборск, Белоозеро, Ростов, Муром, о которых повествует летописец в «Повести временных лет».

Второе – это переселение словенских семей и дворов вглубь лесного массива вдоль неосвоенных русел рек и их притоков по причине временного истощения или недостатка природных ресурсов, прилегающего к поселку жизненного пространства, что приводило в ходе такого освоения к расширению территории страны словен.

Отечественными историками признается переселенческая тенденция в жизни древнего народонаселения Восточной Европы, хотя предпочтение часто отдается иным причинам. Например, С.М. Соловьев в своем из-

вестном труде «История России с древнейших времен» пишет: «…Европа состоит из двух частей: западной, каменной, и восточной, деревянной. Камень, так называли у нас в старину горы, камень разбил Западную Европу на многие государства, разграничил многие народности, в камне свили свои гнезда западные мужи и оттуда владели мужиками, камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем и приобретают свободу, самостоятельность; все прочно, все определенно благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворные горы, громадные вековечные здания. На великой восточной равнине нет камня, все ровно, нет разнообразия народностей, и потому одно небывалое по своей величине государство… При отсутствии разнообразия (разнообразие народностей – примечание мое – авт.), резкого разграничения местностей нет таких особенностей, которые бы действовали сильно на образование характера местного населения, делали для него тяжким оставление родины, переселение. Нет прочных жилищ, с которыми бы было тяжело расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями: города состоят из кучи деревянных изб, первая искра – вместо них куча пепла. Беда, впрочем, невелика, движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала…» [17].

Заслуживает внимания и представляет определенный интерес суждение автора о принципиальной разнице между «каменной» Западной Европой и «деревянной» Восточной Европой. Эта мысль, высказанная Соловьевым, только подтверждает позицию Данилевского, Гумилева, Ключевского и др. о культурно-исторической типологии, о зависимости типа каждого этноса от условий его проживания. С этим положением мы согласны и исходим из него в данной работе.

Однако нельзя согласиться с доводами Соловьева о слабохарактерности народонаселения Восточной Европы, т.е. словен, об отсутствии у них чувства родины, о городах, представленных «кучами деревянных изб», о легкомысленном отношении к пожару, к строительству жилого дома. Во-первых, описывая «каменную» Западную Европу, Соловьев упускает из виду тот факт, что камень сам по себе – это всего лишь ограда или сооружение, а крепостью его делает меч. Западную Европу и ее народонаселение образовали и сформировали камень, разделивший и ограничивший их, и меч, защищающий крепость и добывающий для нее власть, богатство и средства существования. «Деревянной» Восточной Европе с ее широтой, свободой и достатком меч был не нужен; ей были необходимы соха, лодка, охотничий лук, топор для производительного труда и гусли для пения. Во-вторых, Соловьев считает признаками сильного характера качества ограниченного собственника, сидящего за каменной оградой в каменном доме, охраняющего свое фамильное добро от посторонних посягательств и стремящегося к захвату чужого. Мы полагаем, что признаками сильного характера являются словенские любовь к свободе, дружелюбие, скромность, доброта и сила, о которых свидетельствовали Маврикий Стратег и Прокопий Кесарийский. В-третьих, утверждая, что словенам ничего не стоит сняться с

обжитого места и оставить свою родину, Соловьев входит в противоречие со всей историей Восточной Европы. Если бы это было так, как он считает, то сегодняшние потомки древних словен проживали бы исключительно за Уралом, а может быть и вообще сошли бы с исторической сцены. В-четвертых, изображая словенские города «кучами деревянных изб», полыхавшими пожарами от первой искры, Соловьев игнорирует общественно-полезное, функциональное назначение городов, имеющих жилые дома зажиточных горожан – терема, храмы, склады для товаров, ремесленные мастерские, пристани, гостевые строения и пр., которые располагались свободно, на обширной территории. Кроме того, он также упускает из виду, что перечисленные в «Повести временных лет» города стояли и стоят уже много веков (или несколько тысячелетий), а поколения их жителей никуда не разбежались и свято берегут свою малую родину. В-пятых, сам Соловьев – выходец из семьи московского священника и дворянки, закончивший московскую гимназию, всю жизнь преподававший историю в Московском университете и два года живший в Западной Европе, – по всей видимости, имел весьма слабое представление о том, что значит для простого словенина выбор нового места жительства, строительство жилого дома и обзаведение хозяйством для большой семьи.

Основная ошибка Соловьева состоит в том, что он, рассматривая такой серьезный вопрос как переселение словен в процессе их жизнедеятельности, опускает причины социально-экономического характера: недостаток или истощение природных ресурсов прилегающего к возрастающему количественно словенскому двору пространства, свобода пользования лесным богатством, землей и рекой, самобытное словенское мировоззрение на окружающую природу как на большой словенский дом, высокоразвитые хозяйственные, культурные и религиозные особенности народонаселения Восточной Европы.

Лес и река были для словен источником жизни и культуры, большим природным домом. Само слово природа означает среду обитания рода, т.е. то, что находилось рядом с родом, при роде. Лесная природа была для словен естественной составляющей рода, поселка, семьи, дома. Отсюда происходит, с одной стороны, еще одна причина укоренившегося у словен обычая строить технологически сложные жилища полуземляночного типа – словенский лес и жилье не имели в понимании словен разграничивающего обособления, – с другой стороны, – обожествление множества природных объектов и явлений. Не страх перед непонятной природой явился первопричиной появления у словен большого количества почитаемых языческих божков и духов, а уважение и любовь к своему природному дому.

О таком отношении к окружающей природной среде экологи планеты, озабоченные выработкой альтернативного мировоззрения человечества, свободного от агрессивно-потребительского характера, присущего западной цивилизации, в наше время могут только мечтать. Новые общественные отношения, мировоззрение и образ жизни, которые сегодня вынуждено искать прогрессивное человечество ради своего спасения, были апробированы в соответствующих

условиях словенами много тысяч лет тому назад и служили основой их жизни.

Е.С. Троицкий в книге «Концепция русско-славянской цивилизации. Русско-славянская цивилизация» утверждает, что свойственное исстари словенам единство с окружающим миром, природной средой является мировоззренческой основой для формирования представлений словен о мире в виде единого живого космоса, который охватывал небо, землю, подводную и подземную стихии. Все это нашло отражение в изображении богов и идолов. Затем на природной почве словенского космизма возник и развился научный, философский космизм, который в отличие от ряда западных течений, например, мальтузианства с его концепцией ограниченности человеческого прогресса, выражал глобально-исторический оптимизм и обосновывал возможность светлого будущего для людей [18].

Не случайно идея ограниченности прогресса и ресурсов возникла в недрах западноевропейской философской мысли. Ограниченность во всем, всегда, с древних времен была постоянным атрибутом Западной Европы. Сначала эта ограниченность проявлялась в разделении территорий проживания между изолированными, чужими и часто враждебными племенами, что приводило к непрекращающимся вооруженным стычкам и войнам, целью которых был захват новых земель, ресурсов и рабов. Затем западноевропейская ограниченность нашла свое внешнее выражение в обустройстве каменных замков и крепостей, о которых повествовал Соловьев, в установлении государственных границ и частной собственности на землю. Ограниченность в территориях проживания и в природных ресурсах, стремление всеми доступными способами расширить и обогатить свои жизненные возможности обусловили становление своеобразного, самобытного в соответствии с формирующимся самостоятельным культурно-историческим типом характера, внутреннего мира западного европейца, западноевропейских этносов и соответствующей им культуры. Этот культурно-исторический социальный тип отличается, с одной стороны, бережливостью, экономией, расчетливостью, способностью к наилучшему обустройству своих условий жизни, а с другой стороны – эгоцентризмом, постоянной готовностью защищать свое имущество от посягательств извне и готовностью к захватам чужого имущества и чужих земель, что наделило его чертой агрессивности. Западноевропейский тип также характеризуется тем, что он необычайно восприимчив к внешним культурным заимствованиям; он постоянно стремится к приобретению, накоплению и потреблению жизненных благ.

Наделяя различные народы планеты характеристиками цивилизованности или примитивности, высокоразвитой культуры или варварства, исходя при этом из «аксиомы» о своем собственном преимуществе, Запад и его представители упускают из виду два очень важных обстоятельства. Первое – деревянный храм и гусли мирных словен в культурно-нравственном отношении выше, чем каменная крепость и меч западноевропейских завоевателей. Второе – захватнические помыслы и действия западноевропей-

ских племен, ведомых своими человеконенавистническими вождями, жрецами, идеологами и мировоззренческими потребностями, – всегда и безусловно бескультурны и безнравственны.

Пока Запад, его представители и апологеты не поймут и не осознают этого, извечный «дранг нах остен», включающий в себя и вооруженный захват древними германцами словенских земель в Центральной Европе, и разрушение словенского (венедского) великолепного города Виннеты на побережье Варяжского (Балтийского) моря древними датчанами, и нашествие норманнов в Новгород и Киев в IX веке, и военные походы Ливонского ордена на Русь в XIII, и вторжение наполеоновской армады в Россию в 1812 году, и попытка «окончательного решения» словенского вопроса немецко-фашистскими захватчиками в 1939-1945 годах, – будет преподноситься этим Западом, его представителями и апологетами как «цивилизаторская» и «санитарная» деятельность западных европейцев по отношению к «менее культурному, примитивному народу». В данном контексте само существование словен и словенского культурно-исторического типа, отличающегося от типа западноевропейского, исходя из сегодняшних реалий, представляется для Запада нежелательным и, следовательно, сомнительным и оспариваемым.

Принимая во внимание сказанное, необходимо определить следующее. Древняя западноевропейская культура и культура восточноевропейских словен – это два разных типа, две разные категории. Культура словен – это культура матричного леса и лесных рек, мирной и добрососедской жизни, слова и общения, музыки и созерцания, самодостаточности и изобилия природных ресурсов, мастерства и торговли, народного самоуправления, природного ритма жизнедеятельности, сопереживания и познания, всеобщего космизма. Культура древних западноевропейских обитателей – это культура каменных крепостей и частной собственности на землю, ограниченных природных ресурсов, расчета и потребления, власти и подчинения, эгоцентризма и всеобщей борьбы за выживание; «культура» войны и захвата, военных строений и оружия, грабежа и насилия. Есть все основания обозначить словенский культурно-исторический тип как мирно-созидательный, а западноевропейский как милитаристско-потребительский. Исторически сложившееся лидирующее положение западноевропейского милитаристско-потребительского культурного типа всегда было основано на имманентно присущей ему агрессивности. Словенский мирно-созидательный культурный тип постоянно находился в спокойном или оборонительном состоянии, что предопределило при столкновении с западноевропейским типом его ведОмый характер.

С позиции высказанной в настоящей работе точки зрения по-иному выглядят древнесловенские народности венедов, антов и сарматов, если учесть, что последних М.В. Ломоносов также относил к словенам [19]. До настоящего времени считалось, что указанные народности относятся к первоначальным в словенском ряду (они упоминались летописцами в числе первых), а последующее переселение этих словен в восточные и северо-восточные лесные территории произошло из-за натиска

враждебных племен Запада и Юга. Принимая во внимание концепцию словенского культурно-исторического типа как проявление самостоятельного мирно-созидательного цивилизованного пути, берущего свое начало в матричном лесном массиве, более правильным представляется противоположное направление миграции словенского народа. Занимая изначально обширный лесной массив Европы (или Евразии) после соприкосновения на западе и юге с чуждыми воинственными племенами, словенский народ стихийно выделил из своего матричного состава и венедов, и антов, и сарматов.

Эти словенские народности сформировались на стыке двух соприкоснувшихся разнонаправленных культурно-исторических типов: венеды и анты на западе и юго-западе с западноевропейским типом, а сарматы на юге и юго-востоке с южным и юго-восточным азиатским типом. Эти три видоизмененные словенские народности, восприняв многое в культурном отношении от встретившихся на их пути иных культурно-исторических типов, сыграли огромную защитную, буферную роль в деле сохранения словенского культурно-исторического типа и словенского народа в целом. Впоследствии они трансформировались в результате такого вынужденного социального симбиоза двух соприкоснувшихся культур в народы, занимающие территории Европы от устья Вислы через бассейн Дуная и низовье Днепра до северо-восточных причерноморских степей.

Указанная концепция дает ясный ответ на вопрос о загадочном, внезапном и поразительном для историков феномене возникновения словен в VI веке на исторической сцене в качестве могущественного, многочисленного и сформировавшегося народа [20]. Очевидно, что этот народ не мог возникнуть ниоткуда каким-либо фантастическим образом; он мог появиться только из огромного лесного массива Европы (или Евразии), недоступном до поры до времени вниманию западноевропейских и других иноземных летописцев. До появления в поле зрения византийских авторов в VI веке словене сформировались как этнос и культурно-исторический тип, в течение многих веков и тысячелетий своей мирно-созидательной лесной жизни постепенно продвигаясь с востока на запад.

Итак, мы полагаем, что отечественным, а также добросовестным зарубежным исследователям культуры и истории словен, заинтересованным в познании объективной истины, следует принять в качестве исходных положения о своеобразном, самобытном, самостоятельном и высоком уровне культурного развития словен как полноценного этноса со своим собственным самоназванием, принятым им в качестве народа, владеющего словом, речью и соответствующим уровнем мышления, как носителей альтернативного, возникшего в бескрайнем лесу, мирно-созидательного культурно-исторического типа. В этом случае для изучения и познания затронутой темы открываются широкие горизонты и интересные перспективы.

Например, получает новый импульс к пониманию процесс миграционных путей народа – прародителя индоевропейских народов как последствие разнонаправленных исходов его частей из районов, прилегающих к Уралу.

Также появляется возможность объяснения феномена некоторых светловолосых олимпийских богов Древней Греции, имя одного из которых – Посейдон – явно перекочевало из словенского языка и по-словенски выглядит так: Бог сей Дон. Вместе с этим становится понятно применение в безлесной Древней Греции при строительстве храмов многорядной дорической колоннады в качестве отображения священного леса (первоначальная дорическая колоннада в храме вообще представляла собой связки стволов деревьев) [21]. Находит свое объяснение и появление в древнегреческих городах-полисах (как и само появление городов-полисов) демократической формы правления, если считать ее последствием перенесенного из северного словенского (священного) леса обычая народного самоуправления.

Дают ключ к разгадке тайны появления у человечества букв и алфавита: словенская буква Ш, изображающая графически лес или совокупность деревьев (три дерева), выросших из земли и создающих своей кроной соответствующий звук, или словенская буква У (в древности имевшая при начертании большую вертикальную черту вместо большой наклонной), обозначающая дерево с одной указывающей направление веткой, или словенская буква Д, представляющая собой рисунок жилого дома-полуземлянки и т.д. [22].

Заставляет задуматься странное совпадение имен бога солнца у словен – Хорс и у древних египтян – Хорус (Гор), их обычаев многобожия, древних названий двух величайших рек – Волги и Нила – Ра [23].

Начало культурно-исторического пути народа закладывает фундаментальные основы его последующей жизнедеятельности, его развития, самобытности, характера, мировоззрения, мировосприятия, всего того, что позволяет ему занять достойное место в мире и выделиться среди других народов, а это значит иметь самоуважение и уважение других. Словене – предки русского и других родственных восточноевропейских народов – были одним из величайших народов древности, культура и история которого не только оказали огромное влияние на весь исторический ход прогрессивного человечества, но и сегодня продолжают служить во многом образцом мирно – созидательного развития общества и благотворного сосуществования человека и природы.

Список литературы

1. **Тойнби А.Дж.** Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – С. 371.
2. **Полное собрание русских летописей**. – Л., 1926. – Т. 1. – С. 5-14.
3. **Горкин А.П.** Страны мира. Энциклопедия / А.П. Горкин. – М.: Росмэн-Пресс, 2007. – С. 55-56.
4. **Гимбутас М.** Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас. – М.: Центрполиграф, 2010. – С. 68-71.
5. **Карамзин Н.М.** История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Эксмо, 2002. – Т.1. – С. 26
6. **Седов В.В.** Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V-VII в.в. / В.В. Седов // Очерки истории культуры славян / Под редакцией В.К. Волкова, В.Я. Петрухина. – М.: Индрик, 1996. –С. 65.
7. **Ломоносов М.В**. Записки по русской истории / М.В. Ломоносов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 28.

8. Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии / Е.В. Пчелов. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 14.
9. Петухов Ю.Д. История древних руссов / Ю.Д. Петухов. – М.: Вече, 2009. – С. 145.
10. Стратег Маврикий. Стратегикон / Стратег Маврикий // Вестник древней истории. – 1941. – № 1 (14).
11. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Эксмо, 2002. – Т.1. – С. 29-30.
12. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – С. 85.
13. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2006. – С.19.
14. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1995. – Кн.1. – С. 97, 98.
15. Чудинов В.А. Тайные знаки Древней Руси / В.А. Чудинов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – С. 38.
16. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии. – М., 1950. – С. 297.
17. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев / Сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева. – М.: Правда, 1990. – С. 249.
18. Концепция русско-славянской цивилизации / Сост. Е.С. Троицкий // Русско-славянская цивилизация. – М., 1998. – С. 71, 72.
19. Ломоносов М.В. Записки по русской истории / М.В. Ломоносов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 30.
20. Лазарев Ю.Г. Летопись Древней Руси: что скрыто между строк? / Ю.Г. Лазарев**.** – М.: Эксмо, 2010. – С. 19.
21. Гнедич П.П. История искусств. Живопись. Скульптура. Архитектура / П.П. Гнедич. – М.: Эксмо, 2011. – С. 66.
22. Корольков А.И. Происхождение букв и слов / А.И. Корольков, М.А. Королькова // Народный Липецк. – 2012. – № 31.
23. Петухов Ю.Д. История древних русов / Ю.Д. Петухов. – М.: Вече, 2009. – С. 140, 144.

References

1. Tojnbi A.Dzh. Civilizaciya pered sudom istorii / A.Dzh. Tojnbi. – M.: Ajris-Press, 2003. – S. 371.
2. Polnoe sobranie russkih letopisej. – L., 1926. – T.1. – S. 5-14.
3. Gorkin A.P. Strany mira. Enciklopediya / A.P. Gorkin. – M.: Rosmen-Press, 2007. – S. 55-56.
4. Gimbutas M. Slavyane. Syny Peruna / M. Gimbutas. – M.: Centrpoligraf, 2010. – S. 68-71.
5. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo / N.M. Karamzin. – M.: Eksmo, 2002. – T.1. – S. 26
6. Sedov V.V. Proiskhozhdenie slavyan i mestonahozhdenie ih prarodiny. Rasselenie slavyan v V-VII v.v. / V.V. Sedov // Ocherki istorii kul'tury slavyan / Pod redakciej Volkova V.K., Petruhina V.YA. – M.: Indrik, 1996. –S. 65.
7. Lomonosov M.V. Zapiski po russkoj istorii / M.V. Lomonosov. – M.: Eksmo, 2007. – S. 28.
8. Pchelov E.V. Ryurikovichi. Istoriya dinastii / E.V. Pchelov. – M.: Olma-Press, 2002. – S. 14.
9. Petuhov YU.D. Istoriya drevnih russov / YU.D. Petuhov. – M.: Veche, 2009. – S. 145.
10. Strateg Mavrikij. Strategikon / Strateg Mavrikij // Vestnik drevnej istorii. – 1941. – № 1 (14).
11. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo / N.M. Karamzin. – M.: Eksmo, 2002. – T.1. – S. 29-30.
12. Danilevskij N.YA. Rossiya i Evropa / N.YA. Danilevskij. – M.: Kniga, 1991. – S. 85.
13. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoj istorii / L.N. Gumilev. – M.: Ajris-Press, 2006. – S.19.
14. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v trekh knigah / V.O. Klyuchevskij. – M.: Mysl', 1995. – Kn.1. – S. 97, 98.
15. Chudinov V.A. Tajnye znaki Drevnej Rusi / V.A. CHudinov. – M.: Eksmo: Algoritm, 2009. – S. 38.
16. Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami / Prokopij iz Kesarii. – M., 1950. – S. 297.
17. Solov'ev S.M. CHteniya i rasskazy po istorii Rossii / S.M. Solov'ev / Sost. i vstup. st. S.S. Dmitrieva. – M.: Pravda, 1990. – S. 249.

18. Koncepciya russko-slavyanskoj civilizacii / Sost. E.S. Troickij // Russko-slavyanskaya civilizaciya. – M., 1998. – S. 71, 72.
19. Lomonosov M.V. Zapiski po russkoj istorii / M.V. Lomonosov. – M.: Eksmo, 2007. – S. 30.
20. Lazarev YU.G. Letopis' Drevnej Rusi: chto skryto mezhdu strok? / YU.G. Lazarev. – M.: Eksmo, 2010. – S. 19.
21. Gnedich P.P. Istoriya iskusstv. ZHivopis'. Skul'ptura. Arhitektura / P.P. Gnedich. – M.: Eksmo, 2011. – S. 66.
22. Korol'kov A.I. Proiskhozhdenie bukv i slov / A.I. Korol'kov, M.A. Korol'kova // Narodnyj Lipeck. – 2012. – № 31.
23. Petuhov YU.D. Istoriya drevnih rusov / YU.D. Petuhov. – M.: Veche, 2009. – S. 140, 144.

Сведения об авторах

Богуславский Михаил Викторович – **главный редактор,** заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).
E-mail: hist2001@mail.ru

Богуславская Татьяна Николаевна – доцент Департамента педагогики Московского городского педагогического университета, кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия).
E-mail: tanya.boguslav@mail.ru

Власов Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры математических методов в экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: DAV495@gmail.com

Гамурак Анна Владимировна – начальник управления дорожной инфраструктуры и транспорта Департамента строительства и транспорта Белгородской области (г. Белгород, Россия).
E-mail: annagamurak@mail.ru

Долгих Аркадий Наумович – профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).
E-mail: adonli@mail.ru

Землянская Анастасия Васильевна – магистрантка кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия).
E-mail: zemlya96.96@mail.ru

Косовцов Николай Евгеньевич – генеральный директор ООО «Конкурс Шедевры русской музыки», кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: mr.nekos@mail.ru

Кузнецова Елена Васильевна – доцент кафедры прикладной математики Липецкого государственного технического университета, кандидат физико-математических наук (г. Липецк, Россия).
E-mail: eva351@yandex.ru

Доммарко Мария Кьяра – аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры, магистр (г. Матера, Италия).
E-mail: chiaradommarco@gmail.com

Лубков Алексей Владимирович – ректор Московского педагогического государственного университета, профессор, член-корреспондент РАО, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).
E-mail: a_lubkov@mail.ru

Образцова Екатерина Васильевна – методист Центра развития творчества детей и юношества «Спутник», методист, кандидат исторических наук (г. Воронеж, Россия).
E-mail: eryazhskih@mail.ru

Фомина Татьяна Петровна – доцент кафедры математики и физики ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат физико-математических наук (г. Липецк, Россия).
E-mail: fomina_t_p@mail.ru

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).
E-mail: jbshmarion@mail.ru

Information about authors

Michail V. Boguslavskiy – editor- in-chief, head of the Centre of pedagogy and education history, the Institute of Education Strategy Development, Russian Academy of Education, – Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of Russian Academy of Education (Moscow, Russia). E-mail: hist2001@mail.ru

Tatyna N. Boguslavskaya – Ph.D. – (Pedagogy), docent, Department of Education of Moscow City Pedagogical University, (Moscow, Russia)
E-mail: tanya.boguslav@mail.ru

Dmitry A. Vlasov – Ph.D. (Pedagogy), docent, Chair of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia).
E-mail: DAV495@gmail.com

Anna V. Gamurack – the head of Road Infrastructure and Transport Office, Construction and Transport Department of Belgorod region (Belgorod, Russia).
E-mail: annagamurak@mail.ru

Arkadiy N. Dolgikh – Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).
E-mail: adonli@mail.ru

Anastasia V. Zemlyanskaya – a student seeking master's degree, Chair of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia)
E-mail: zemlya96.96@mail.ru

Nikolai E. Kosovtsov – Ph.D. – (Pedagogy), general director of LLC " Contest: Masterpieces of Russian Music", (Moscow, Russia).
E-mail: mr.nekos@mail.ru

Kuznetsova Elena V.- Ph.D. – (Physics and Mathematics), docent, the Chair of Applied Mathematics, Lipetsk State Technical University, (Lipetsk, Russia).
E-mail: eva351@yandex.ru

Maria K. Dommarko – postgraduate student Church postgraduate course, Master'sdegree (Matera, Italy)
E-mail: chiaradommarco@gmail.com

Alexey V. Lubkov - – Dr. Sci (History), rector of Moscow Pedagogical State University, professor, corresponding member of Russian Academy of Education (Moscow, Russia).
(Moscow, Russia).
E-mail: a_lubkov@mail.ru

Ekaterina V. Obraztsova –Ph.D. – (History), methodologist of the Centre of Creativity Development of Children and Youth "Sputnik", (Voronezh, Russia).
E-mail: eryazhskih@mail.ru

Tatyana P. Fomina - Ph.D. – (Physics and Mathematics), docent, Chair of Physics and Mathematics, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).
E-mail: fomina_t_p@mail.ru

Yuri V. Shmarion – Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).
E-mail: jbshmarion@mail.ru

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspu@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом до 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

• Файл со статьей. Название: Иванов_статья.

• Информация об авторе/авторах **(на русском и английском языках)**. Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

• Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв.

В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – до 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – до 10 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовок, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см. рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Instructions for the Contributors/Authors

1. The Editorial Board accepts the submissions that correspond to the subject matter of the journal and which consist of original work (having topicality, scientific novelty of the original research and credibility of information) that has not been previously published and is not under consideration for publication elsewhere.

2. The Contributors are kindly asked to send their papers at gicr-lspu@yandex.ru where they are first reviewed and selected. The Editorial Board confirms the receipt of the manuscript within 3 days and it also registers the date of the receipt of the submissions, the name(s), place of work and contacts of the author(s) as well as the names of the materials sent.

3. The papers submitted which fully confirm to the requirements of the Editorial Board should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).

4. The Contributors are asked to send the following materials to the Editorial Board:

- Manuscript in MS Word file entitled like in this example: Ivanov_article.
- Information about the author(s) (**in Russian and English**) which includes surname, name and patronymic, place of work, occupation, academic degree, academic title, the scope of scientific interests and contacts (telephone number, e-mail address, postal address, zip, the title of the article). This file should be entitled like in this example: Ivanov_information.
- Postgraduate students and external PhD students are to submit to the Editorial Board scanned evaluation reference from their research advisor whose signature must be duly certified. This file should be entitled like in this example: Ivanov_ evaluation reference. Such evaluation reference must necessarily contain the phrase that the manuscript is recommended for publication.

5. **Papers sent must be thoroughly revised by the author(s) and fully comply with the requirements listed below. Otherwise, the paper is normally rejected**.

6. **Technical parameters**: the text is an MS Word file, font size – Times New Roman font, 14 pt throughout, single-and-a-half-spaced, 2-cm margins on all sides, 1-cm paragraph indention. The paper should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).

7. **UDC** should be set at the left margin.

8. **The heading of the article** in Russian and English should be centred, in capital letters, bold emphasis. The headings are expected to be short and informative, thus reflecting the thematic approach of the research conducted.

9. **Author's initials and surname** in Russian and English should be centred, in lower-case letters, bold emphasis.

10. The relevant line length of the **Abstract** printed in italics in Russian and English is up to 10 lines. The information given in the Abstract should cover the contents of the article (topicality, subject, object, methods and scientific novelty) rather than scientific problem.

11. **Key words** in Russian and English are normally 5-7 words and word combinations.

12. **References** are to be listed in alphabetical order. Authors should ensure that every item in the References at the end of the article includes the initials and the surname of the author/co-authors, the heading of the article, the place and the year of publication, publishing house, the number of the pages, and the page-number spans are to be provided for the articles taken from journals and collections of articles. **References should also necessarily be given in accordance with the rules of transliteration**.

13. **Footnotes** in square brackets should be numbered in accordance with the References at the end of the article which are cited in text and include the number of the page which is preceded by a comma. E.g. [5, p.321], [1,p.12; 8, p. 12-14].

14. **Tables** should have continuous page numbering and title and be referred to in the text of the article. E.g. (see Table 1).

15. **Figures** must be presented in a separate file and have captions. They should be referred to in the text of the article. E.g. (see Fig. 1).

16. **Formulae** are to be presented in MS Word Equation Editor and be separated only at he signs of "plus" and "minus" and sometimes "multiplication". These signs are repeated at the beginning and at the end of a separated formula. The formulae should have continuous page numbering in Arabic numerals. The number of each formula goes in parentheses at the right margin of the page.

Главный редактор – М.В. Богуславский

Редактор-корректор – В.И. Буланова

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка – О.Е. Булхова

Перевод – Е.Г. Трунова

Территория распространения – Российская Федерация.

Подписано в печать 29.07. 2019 г.
Дата выхода в свет 02.08. 2019 г.
Формат 60 × 84 1/8.
7,1 п. л.
Тираж 500 экз.
Заказ № 1543.
Свободная цена

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42
http://hum-research.com

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor in chief M.V. Boguslavskiy

Editor-correctos V.I. Bulanova

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Translation E.G. Trunova

Distributed in Russian Federation.

Signed to print 29.07. 2019.
Date of publishing 02.08. 2019.
Sheet size 60 × 84 1/8.
7,1 printed sheets.
Number of copies 500.
Order no. № 1543.
Free price

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia